BF
121

Проф. Г. И. Челпановъ.

ПСИХОЛОГІЯ

Подъ редакціей Г. О. Гордона и Н. А. Рыбникова.

ч. II.

Изданіе О-ва Взаимопомощи студентовъ филологовъ подъ наблюденіемъ члена издательской коммиссіи А. Ф. Изюмова.
Запись курса вела слушательница О. К. Голованова.
Переписывала на машинѣ «Гаммондъ» Л. Н. Щепотьева.
(Леонтьевскій пер., д. Катыкъ, кв. 1.)

МОСКВА,
Типо-Литографія И. И. ЛЮБИМОВА, Покровка, домъ № 4.
1909 г.

Проф Г. И. Челпановъ.

ПСИХОЛОГІЯ

ОСНОВНОЙ КУРСЪ, ЧИТАННЫЙ ВЪ МОСКОВСК. УНИВЕРСИТЕТѢ ВЪ 1908-9 г.

подъ редакціей студентовъ Г. О. ГОРДОНА и Н. А. РЫБНИКОВА.

Изданіе О-ва взаимопомощи студентовъ филологовъ подъ наблюденіемъ члена правленія А. Ф. Изюмова.

МОСКВА,
Типо-Литографія И. И. ЛЮБИМОВА, Покровка, домъ № 4.
1909 г.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
1152
37

ВОСПРІЯТІЕ ПРОСТРАНСТВА. ПОСТАНОВКА ПРОВЛЕМЫ УЧЕНІЕ АНГЛІЙСКОЙ ПСИХОЛОГІИ.

Лекція 1.

Мы переходимъ къ новому отдѣлу, къ вопросу о воспріятіи пространства. Можетъ быть, самый вопросъ о воспріятіи пространства поставленъ быть не можетъ, можетъ быть рѣчь идетъ объ ощущеніи пространства, другими словами, протяженность подобно другимъ качествамъ (цвѣту, запаху и т.д.) есть непосредственное содержаніе ощущенія. Я хочу предварительно сдѣлать замѣчаніе о важности этого отдѣла въ оправданіе того, что на этомъ отдѣлѣ я остановлюсь подробнѣе, чѣмъ на другихъ вопросахъ, разбиравшихся до сихъ поръ. Объясняется это важнымъ значеніемъ вопроса въ современной психологіи въ смыслѣ дидактическомъ и въ смыслѣ ознакомленія съ философіей, (чрезвычайно важно оріентироваться въ философскихъ вопросахъ), потому что самые основные вопросы теоріи познанія въ послѣднее время вращались около вопроса о природѣ пространства,

До сихъ поръ еще психологическій вопросъ о воспріятіи пространства вступаетъ въ связь съ гносеологическимъ вопросомъ о пространствѣ. Тѣсная связь между теоріями про-

исхожденія представленія пространства и апріорности пространства произвела то, что кантовская проблема пространства, т.е. гносеологическая проблема смѣшивалась съ психологической проблемой воспріятія пространства. По виду эти двѣ проблемы так тѣсно соприкасаются, что трудно было не смѣшивать ихъ. Постоянно психологи отождествляли кантовскую проблему апріорности пространства съ психологической проблемой и англійскіе психологи дѣлали попытку расширить ученіе объ апріорности пространства и ученіе объ эмпирическомъ возникновеніи ея. Я не скажу, чтобы такія попытки смолкли и теперь: въ книгахъ популярныхъ кантовскій вопросъ о природѣ пространства постоянно еще смѣшивается съ вопросомъ о воспріятіи пространства.

Мы должны рѣшить, какъ въ настоящій моментъ долженъ быть поставленъ вопросъ о пространствѣ. Я привожу его въ связь съ вопросомъ о воспріятіи пространства. Воспріятіе пространства я предложилъ бы обозначить, какъ воспріятіе пространственнаго качества. Когда мы говоримъ о предметахъ, вещахъ внѣшняго міра, то на ряду съ такими качествами, какъ цвѣтъ, звукъ, шероховатость и т.п., мы приписываемъ имъ еще одно качество, которое должно быть названо качествомъ протяженности. Мы знаемъ, что вещи имѣютъ цвѣтъ, звукъ, твердость и т.п.: все это является предметомъ ощущенія. Но вещамъ на ряду съ этими качествами присуще и такое качество, какъ протяженность, при чемъ протяженность одной вещи можетъ быть болѣе чѣмъ протяженность другой, протяженность одной вещи можетъ отличаться отъ про-

тяженности другой: форма одной вещи можетъ отличаться отъ формы другой. Вообще то, что называется качествомъ протяженности, можетъ представляться въ самыхъ различныхъ видахъ: можно говорить о формѣ, объемѣ вещей, можно говорить объ отношеніи одной вещи къ другой, о положеніи вещи, о направленіи протяженности, пространственном разстояніи одной вещи отъ другой. Все это-различныя стороны того качества, которое называется протяженностью.....

Важно отмѣтить на первыхъ же шагахъ, что мы не будемъ говорить о математическомъ пространствѣ, являющемся предпосылкой научнаго познанія; мы будемъ говорить о томъ пространствѣ, которое является предметомъ воспріятія подобно тому, какъ..... предметомъ воспріятія являются цвѣтъ, твердость, шероховатость и другія качества вещей...

Съ точки зрѣнія психологической важно выяснить, важно дать отвѣтъ на слѣдующій вопросъ. Если мы говоримъ, что протяженность есть такое же качество вещей, какъ вкусъ, цвѣтъ, шероховатость и т.д., то можетъ быть протяженность есть такое же простое элементарное качество, какъ цвѣтъ, звукъ, вкусъ и т.д.? Если отвѣтить утвердительно, сказать, что протяженность есть такое же простое качество, какъ цвѣтъ, звукъ, зачѣмъ говорить, что пространство в о с п р и н и м а е т с я, тогда надо... сказать, что мы пространство о щ у щ а е м ъ. Какъ же надо отвѣтить? Есть протяженность такое же простое качество или нѣтъ? Въ зависимости отъ того, какъ вы отвѣтите на этотъ во-

просъ вы будете сторонниками одного направленія или другого.

Сравнимъ протяженность съ другими качествами. Возьмемъ звукъ. Въ немъ можно различать такіе моменты, какъ качество и интенсивность. Интенсивность и качество ощущаются непосредственно. Нельзя ли сказать, что въ ощущеніи на ряду съ тѣми свойствами, которыя мы установили сейчасъ - на ряду съ качествомъ, интенсивностью и т.д., есть еще и протяженность, которая представляла бы такой же моментъ ощущенія, какъ и интенсивность, качество и т.д.? Можетъ быть въ звукѣ кромѣ качества и интенсивности есть еще и протяженность, которую можно координировать съ интенсивностью и вообще съ другими качествами? Если вы допустите это, если скажете, что протяженность есть, безспорно, то тогда протяженность будетъ предметомъ ощущенія, мы получимъ тогда оправданіе для теоріи, что протяженность ощущается, какъ и другія качества вещей. Возьмемъ качество протяженности, присущее зрительнымъ и осязательнымъ ощущеніямъ, которыя всегда имѣютъ протяженность въ качествѣ момента. Если протяженность присуща этимъ ощущеніямъ въ качествѣ момента, возникаетъ вопросъ, что же протяженность, которая есть въ зрительныхъ и осязательныхъ ощущеніяхъ, одна и та же или не одна? Вопросъ кажется простымъ, а на самомъ дѣлѣ онъ вызываетъ большія затрудненія.

Но вы можете отвѣтить отрицательно на вопросъ о томъ, не есть ли протяженность такой же моментъ ощущенія, какъ и другія качества вещей. Тогда вы должны сказать, что протяженность не ощущается, что поставить протяженность на ряду съ други-

ми качествами -цвѣтомъ, звукомъ-нельзя: это есть свойство sui generis, это не есть предметъ ощущенія. Но что же такое представляетъ протяженность? Можно отвѣтить такъ, какъ отвѣчаютъ кантіанцы: протяженность не есть ощущаемое качество, а есть нѣчто нами привносимое, это есть форма нашего сознанія. Такъ ли думалъ Кантъ, это вопросъ совершенно другой. Но кантіанцы говорятъ, что въ ощущеніи, въ тотъ моментъ, который мы называемъ непосредственнымъ ощущеніемъ, даются элементы a b c; въ этихъ элементахъ, въ звукахъ, цвѣтахъ, осязательныхъ элементахъ, - качества протяженности нѣтъ. Протяженность привносится самимъ сознаніемъ въ качествѣ формы. Она привносится къ содержанію ощущенія, къ ощущаемымъ элементамъ, которые даетъ внѣшній опытъ. Протяженность присуща самому сознанію. Словомъ, въ моментѣ ощущенія протяженности не содержится, она вырабатывается какимъ - то образомъ самимъ сознаніемъ, въ ощущеніи же ея нѣтъ. Въ ощущеніи могутъ быть всевозможные элементы - , a, b, c и т.д., которые сами по себѣ протяженности не содержатъ, они непротяженны, а сознаніе перерабатываетъ ихъ такъ, что получается протяженность. Значитъ, одно изъ двухъ: или протяженность есть въ ощущеніяхъ, она есть неотъемлемое, неотдѣлимое качество ощущеній, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ - цвѣтовыхъ, осязательныхъ и т.д.; или же въ ощущеніяхъ протяженности нѣтъ, и это есть особое свойство, создаваемое особымъ психическимъ процессомъ, присущее особому психическому процессу, который изъ элементовъ непространственныхъ создаетъ элементы пространственные, изъ элементовъ непротяженныхъ - протяженные. Таковы два на-

правленія въ современной психологіи, которыя я формулировалъ вамъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Вы сейчасъ увидите, что проблема поставлена именно въ такихъ чертахъ. Значитъ: воспринимаемъ ли мы протяженность непосредственно, содержится ли она въ ощущеніи, или она складывается изъ элементовъ, протяженности не имѣющихъ, по теоріи психологовъ, утверждающихъ, что протяженность не ощущается, а построяется изъ элементовъ, которые протяженность не содержитъ? Вопросъ, слѣдовательно, ставится такъ: есть ли протяженность въ ощущеніи, можно ли непосредственно ощущать это качество, какъ другія стороны ощущенія, или это есть качество, которое складывается, созидается изъ элементовъ непротяженныхъ? Въ рѣшеніи этого вопроса существуетъ два направленія; или протяженность, пространство имѣетъ характеръ п р о и з в о д н ы й или н е п р о и з в о д н ы й, т.е. ни изъ чего не выводится, не складывается Вотъ два направленія по той классификаціи, которую я вамъ предлагаю. Этой классификаціей вы еще пользоваться не можете, потому что для этого надо знать, какъ въ психологіи это понятіе обозначается. Въ этомъ и заключается трудность изучаемаго вопроса: онъ постоянно считается съ метафизическими, гносеологическими теоріями, приходится имѣть дѣло съ терминами, которые восходятъ къ среднимъ вѣкамъ и зачастую уже утратили свое первоначальное содержаніе. Я считаю поэтому не лишнимъ познакомить васъ съ терминами и классификаціями, которые приняты.

Я начну съ Гельмгольца, который считается по справедливости однимъ изъ творцовъ современной психологической оптики; онъ сдѣлалъ больше всего для изученія вопроса о воспріятіи пространства.

Теорія Гельмгольца водворилась въ психологіи и теперь еще пользуются терминами, предложенными имъ. Гельмгольцъ предложилъ раздѣлить всѣ ученія о воспріятіи пространства на э м п и р и ч е с к і я и н а т и в и с т и ч е с к і я теоріи. Терминъ „нативистическая теорія" указываетъ на связь съ понятіемъ врожденности. Но зачастую, разсматривая простанство съ точки зрѣнія врожденности, употребляютъ это понятіе въ неопредѣленномъ смыслѣ. Отсюда и происходитъ смѣшиваніе кантовскаго понятія апріорности съ нативизмомъ современной психофизіологіи.

По поводу дѣленія теорій воспріятія пространствъ на эмпирическую и нативистическую Гельмгольцъ говоритъ слѣдующее: "Очень трудно судить, что въ нашихъ созерцаніяхъ, пріобрѣтенныхъ посредствомъ зрительнаго чувства, обусловливается н е п о с р е д с т в е н н о о щ у щ е н і е м ъ и, что, наоборотъ, обусловливается о п ы т о м ъ и у п р а ж н е н і е м ъ". Гельмгольцъ, слѣдовательно, считаетъ, что въ пространственныхъ воспріятіяхъ часть имѣетъ характеръ непосредственный, а часть пріобрѣтается благодаря опыту и упражненіямъ". Одни, говоритъ онъ, болѣе склонны придавать вліянію опыта возможно большее значеніе, именно, они стараются вывe-

сти все пространственное созерцаніе изъ опыта; мы можемъ это воззрѣніе назвать э м п и р и с т и ч е с к о й теоріей", По этой теоріи все выводится изъ опыта, пространственныя интуиціи получаются изъ опыта, изъ элементовъ непротяженныхъ создается протяженное. "Другіе думаютъ, что они должны предположить для элементарныхъ созерцаній, оказывающихся у всѣхъ наблюдателей одинаковыми, систему врожденныхъ созерцаній, несбоснованныхъ на опытѣ, именно, пространственныхъ отношеній". Эти послѣдніе, слѣдовательно, предполагаютъ, что есть врожденныя созерцанія, не основанныя на опытѣ, что есть нѣчто врожденное- способность воспринимать протяженность. Мы думаемъ, что это воззрѣніе въ противоположность первому должно быть названо н а т и в и с т и ч е с к о й теоріей чувственныхъ воспріятій", т, е, если кто-нибудь предполагаетъ, что у насъ есть названная способность воспринимать пространственныя отношенія, то такое ученіе должно быть названо нативистическимъ. Нѣсколько дальше Гельмгольцъ дѣлаетъ весьма серьезное добавленіе. Онъ говоритъ: "Кантъ считалъ пространство и время формами всякаго созерцанія. Къ нему присоединились І. Мюллеръ и рядъ физіологовъ, которые старались развить н а т и в и с т и ч е с к у ю теорію пространственнаго созерцанія", т, е. онъ думаетъ, что Кантъ приближается къ нативистическимъ воззрѣніямъ, и І. Мюллеръ и другіе сдѣлались нативистами, потому что пошли за Кантомъ. Въ этомъ смыслѣ, по мнѣнію Гельмгольца, нативистическія теоріи, нативистическіе взгляды и кантонское ученіе оказываются родственными. Гельмгольцъ утвержда-

етъ, что I. Мюллеръ развилъ свою теорію въ зависимости отъ Канта, но между ученіями Канта и Мюллера мало общаго, настолько мало, что называть кантовскую теорію нативистической нѣтъ никакихъ основаній. Итакъ, по Гельмгольцу всѣ ученія дѣлятся на двѣ группы: эмпирическую и нативистическую, т.е. ученія, гдѣ признается воздѣйствіе опыта и упражненій, или же воздѣйствіе опыта и упражненій не признается, но признается, что есть пространственныя созерцанія, независимыя отъ опыта. Самымъ главнымъ понятіемъ является понятіе врожденности или зависимости отъ опыта. Кто стоитъ на сторонѣ врожденности - тотъ является сторонникомъ нативистической теоріи, кто на сторонѣ опыта - эмпирической теоріи.

Изъ новыхъ классификацій обращаю ваше вниманіе на классификацію, предложенную В у н д т о м ъ, имѣющую для насъ рѣшающее значеніе, такъ какъ Вундтъ такъ закрѣпилъ терминологію, что въ настоящее время пользуются или теоріей Гельмгольца или теоріей Вундта. Онъ дѣлитъ всѣ ученія на теоріи н а т и в и с т и ч е с к і я и ген е т и ч е с к і я: или н а т и в и з м ъ или г е н е т и з м ъ. У Вундта замѣчается большая опредѣленность въ характеристикѣ направленій. Вундтъ говоритъ, что, если кто является сторонникомъ нативизма, тотъ находитъ достаточное основаніе для воспріятія пространственныхъ отношеній въ физіологическихъ свойствахъ органовъ чувствъ, т.е. у насъ есть органы зрѣнія, осязанія и т.д., которые такъ устроены, что они по необходимости воспринимаютъ цвѣтъ въ протяженной формѣ. Слѣдовательно у насъ

являются врожденными извѣстныя физіологическія основы, т.е. у насъ есть такіе аппараты, посредствомъ которыхъ воспринимаем непосредственно звуки, цвѣта и т.д. Признаніе врожденности органическихъ условій дѣлаетъ сторонниковъ этого взгляда нативистами. Если же кто-нибудь считаетъ, что наша способность восприятія пространственныхъ отношеній есть не продуктъ готовыхъ физіологическихъ условій, а продуктъ опыта, упражненій, тотъ является сторонникомъ генетизма. Протяженность сначала не воспринимается, какъ протяженность, она является продуктомъ опыта. Вундтъ настаиваетъ на томъ, чтобы по отношенію къ этимъ теоріямъ употреблялся терминъ генетическія. Почему Вундтъ избѣгаетъ термина эмпирическія теоріи? Потому что сохраняетъ его для третьяго возможнаго направленія, являющагося промежуточнымъ между нативизмомъ и генетизмомъ: онъ сохраняетъ его для тѣхъ ученій, которыя признаютъ, что у насъ есть извѣстныя врожденныя основы, но ихъ еще недостаточно, они должны подвергнуться дѣйствію внѣшняго опыта и благодаря этому мало по малу развивается способность воспріятія пространства. Самъ Вундтъ держится взгляда, что правильной надо признать гипотезу генетическую.

Въ англійской психологіи, гдѣ имѣютъ представители нативизма, но наибольшая роль принадлежитъ объясненіямъ эмпирическаго характера, такое движеніе тоже существуетъ. Тамъ существуютъ два направленія: одни являются сторонниками нативизма, другіе - генетизма, но у нихъ онъ проявляется въ другой

формѣ, съ которой тоже слѣдуетъ познакомиться. Тѣ, которыя соотвѣтствуютъ нативистамъ, такъ формулируютъ свои взгляды: протяженность есть н е о т д ѣ л и м о е с в о й с т в о зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній, н е о т д ѣ л и м о е. Другіе говорятъ, что протяженность есть п р о д у к т ъ а с с о ц і а ц і и в с е в о з м о ж н ы х ъ к а ч е с т в ъ, которыя н е с о д е р ж а т ъ въ с е б ѣ п р о т я ж е н н о с т и. Въ англійской психологіи съ конца 18 в., точнѣе со времени Беркли, все время идетъ споръ о томъ, что протяженность есть продуктъ опыта, продуктъ ассоціаціи различныхъ качествъ, въ себѣ протяженности не содержащихъ, или же протяженность есть неотдѣлимое свойство зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній; съ принятіемъ послѣдняго предположенія и вопросъ о происхожденіи не можетъ быть поставленъ, потому, что протяженность есть первоначальное свойство. Сторонники выведенія протяженности изъ свойствъ, которыя въ себѣ протяженности не содержатъ, являются сторонниками а с с о ц і а т и в н о й т е о р і и. Въ Англіи вообще самые выдающіеся психологи являются сторонниками ассоціативной теоріи, хотя есть и держащіеся иныхъ взглядовъ.

Теперь я хочу обратить ваше вниманіе на классификацію, предложенную мной, и на нѣкоторыя ея преимущества. Старая классификація намекаетъ на врожденность и вліяніе опыта, этимъ въ классификацію вносится элементъ неопредѣленности: вѣдь, будучи сторонникомъ опыта, все же можно признавать что - то врожденное, изъ этихъ обоихъ элементовъ и созидается протя-

женное качество, поэтому рѣзкой разграничительной врожденности и опыта провести нельзя. Если взять психологовъ, кромѣ Гельмгольца и Вундта, то оказывается, что между ними нельзя провести рѣзкаго разграниченія: каждый психологъ, является ли онъ сторонникомъ генетизма или эмпиризма, признаетъ какія-нибудь врожденныя основы. Если мы отбросимъ понятіе врожденныхъ условій, не будемъ говорить о физіологическихъ аппаратахъ, а встанемъ на психологическую точку зрѣнія, у насъ получается двѣ группы теорій: теоріи п р о и з в о д н о с т и и теоріи н е п р о и з в о д н о с т и. Здѣсь есть рѣзкая разграничительная линія: или то, что называется элементарнымъ качествомъ протяженности, имѣетъ выводной характеръ, тогда вы сторонникъ производности: протяженности, как протяженнаго качества, не существуетъ, сознаніе созидаетъ ее изъ элементовъ, не имѣющихъ протяженности; если вы говорите, что протяженность есть качество, имѣющее характеръ простой, ни изъ чего не созидаемое, не выводимое ни изъ чего, такое же простое качество, какъ цвѣтъ, звукъ, то вы сторонникъ непроизводности. Итакъ, здѣсь получается рѣзкая линія между двумя теоріями.

Теперь намъ надо разсмотрѣть попытки пихологовъ, утверждающихъ, что протяженность не имѣетъ характера первичнаго, а является производной, выводимой изъ элементовъ, протяженности не имѣющихъ. Это ученіе находимъ въ современной англійской психологіи.

Мы начнемъ разсмотрѣніе взглядовъ англійской психологіи, по которой протяженность есть продуктъ опыта, или продуктъ ассоціаціи, или по нашей терминологіи - протяженность получается изъ того, что непротяженно. Попытки показать возникновеніе протяженности изъ элементовъ непротяженныхъ представляютъ громадный интересъ. Англійскіе психологи обращали вниманіе на различіе между временной продолжительностью, послѣдовательностью, пространственнымъ сосуществованіемъ. Идея п р о с т р а н с т в е н н а г о с о с у щ е с т в о в а н і я является общей для М и л л я, Б э н а и С п е н с е р а. Если у насъ есть элементы, a b c d e f и т.д., мы говоримъ, что эти элементы сосуществуютъ, если отъ a къ c мы переходимъ съ такой же легкостью, какъ отъ a къ b, если с мыслится съ такой же ясностью, какъ a, мы мыслимъ эти три элемента a b c сосуществующими, существующими въ одно время, тогда какъ длительность ощущается какъ нѣчто, элементы чего существуютъ въ разное время. Задача англійской психологіи заключается въ томъ, чтобы показать, какимъ образомъ изъ элементовъ, располагающихся для нашего сознанія въ послѣдовательномъ порядкѣ созидается идея сосуществованія, или пространственнаго сосуществованія. Чтобы доказать это, англійскіе психологи прибѣгаютъ къ разсмотрѣнію природы м у с к у л ь н а г о ч у в с т в а. Ихъ попытки показать, что черезъ посредство мускульнаго чувства возникаетъ идея протяженности, вызываютъ и сочувствіе и протесты. Съ одной стороны и

теперь еще въ популярной литературѣ идея протяженности связывается съ мускульнымъ чувствомъ; но съ другой стороны съ такимъ же сильнымъ чувствомъ протеста выступаютъ философы, не допускающіе, чтобы идея протяженности получалась изъ мускульнаго чувства. Какъ же психологи доказываютъ, что идея пространственнаго сосуществованія, протяженности можетъ рождаться изъ мускульнаго чувства ? Это образецъ разсужденій англійской психологіи, показывающихъ, какъ сложное рождается изъ элементаранго путемъ ассоціаціи.

Бэнъ говоритъ: возьмемъ такъ называемое мускульное чувство, оно даетъ то, что называется ч у в с т в о м ъ с о п р о т и в л е н і я, связанное съ сознаніемъ мускульной энергіи или затрогиваемой силы. Мы испытываемъ его въ тотъ моментъ, наши мышцы сокращаются. Когда я желаю привести въ движеніе какое-нибудь тѣло, удержать какую-нибудь тяжесть, я испытываю особое чувство, которое я называю чувствомъ сопротивленія. Это чувство можетъ быть больше, если тяжесть больше, и меньше, если тяжесть меньше. Это чувство сопротивленія характерно для мускульнаго чувства.

Въ этомъ чувствѣ сопротивленія отмѣчается та характерная черта, что оно имѣетъ д л и т е л ь н о с т ь, п р о д о л ж и т е л ь н о с т ь. Если я возьму какую-нибудь гирю и буду двигать ее въ теченіе 1/2 минуты, затѣмъ спустя нѣкоторое время, если я снова возьму ту же гирю и буду двигать въ теченіе 1/4 минуты, то будетъ ясна разница, даже, ес-

ОБЛАСТНАЯ

ли я и не вижу гири, а пользуюсь только мускульнымъ чувствомъ? Въ мышечномъ напряженіи мы отличаемъ продолжительность, говоримъ, что въ одномъ случаѣ трата энергіи больше, въ другомъ меньше. Въ движущихся органахъ, въ сокращающихся мышцахъ испытывается своеобразное состояніе, которое называется чувствомъ продолжительности, длительности.

Въ англійской психологіи еще до Вэна было убѣжденіе, что для объясненія идеи протяженности надо исходить изъ идеи длительности мускульнаго чувства, продолжительности мускульнаго чувства. Временная продолжительность есть фактъ исходный, не нуждающійся въ объясненіи, первичный фактъ духа, ни изъ чего не выводимый. Надо показать, какъ изъ этой длительности, въ которой состоянія смѣняютъ другъ друга, какъ изъ этихъ ощущеній длительности мускульнаго чувства можно вывести пространство. Эту попытку дѣлаетъ Бэнъ и приводитъ такія соображенія. Изъ временной послѣдовательности должно получиться сосуществованіе - вотъ задача, которую надо рѣшить. Мы имѣемъ простой фактъ: когда мышцы сокращаются, приходятъ въ движеніе, получается ощущеніе длительности, послѣдовательности; какъ показать, что изъ послѣдовательности получается сосуществованіе? По мнѣнію Бэна это объясняется при помощи ассоціаціи съ другими ощущеніями.

Предположимъ, что моя рука движется въ пустомъ пространствѣ. Здѣсь есть идея длительности, продолжительности, но она крайне неопредѣленна, потому что нѣтъ ни начала, ни кон-

ца движенія. Если бы было начало и конецъ, идея длительности пріобрѣла бы опредѣленность. Поэтому Бэнъ думаетъ, что длительности надо придать опредѣленность, а это будетъ достигнуто, если придать движенію начало и конецъ. Если рука движется между двумя стѣнками ящика - начинаетъ двигаться отъ одной стѣнки и доходитъ до другой, тогда для идеи длительности есть опредѣленность, есть начало и конецъ движенія. Если сдѣлать слѣдующее предположеніе, что рука движется не въ пустотѣ, а къ какой нибудь поверхности, осязаемой мной, то длительность пріобрѣтаетъ опредѣленность и заполняется рядомъ осязательныхъ ощущеній. Когда рука движется по той же поверхности въ обратномъ направленіи, то тѣ же ощущенія повторяются въ обратномъ порядкѣ. По мнѣнію Бэна при движеніи руки по поверхности мы получаемъ одинъ порядокъ осязательныхъ ощущеній, развертывающихся съ извѣстной скоростью, затѣмъ тотъ же самый порядокъ, но въ обратномъ направленіи. Мы получаемъ такимъ образомъ идею сосуществованія. Если у меня была идея длительности, продолжительности, то стоитъ во временный порядокъ вставить элементы, развертывающіеся сначала въ одномъ направленіи, потомъ въ другомъ, тогда эти элементы изъ послѣдовательныхъ сдѣлаются сосуществующими, потому что будутъ представляться не какъ находящіеся въ послѣдовательно развертывающемся времени, а какъ находящіеся въ одно время.

Съ еще большей отчетливостью можно показать превраще-

нія порядка послѣдовательнаго въ сосуществующій на зрительныхъ ощущеніяхъ. Въ зрительныхъ ощущеніяхъ тоже есть моментъ мышечнаго, мускульнаго чувства: глазъ снабженъ мышцами, которыя сокращаются, и это сокращеніе даетъ ощущеніе длительности, послѣдовательности, которое мы обыкновенно имѣемъ въ мышечномъ чвуствѣ. Но надо показать, какимъ образомъ длительность, послѣдовательность превращается въ сосуществованіе. Бэнъ говоритъ: представимъ, что при помощи глаза мы разсматриваемъ какой нибудь быстро движущійся предметъ - ракету, метеоръ. Что получится, если метеоръ мелькнетъ на полѣ нашего зрѣнія? Глазъ раскроется и будетъ видѣть быстро движущійся метеоръ, какую идею вы получите? Вы получите идею простой послѣдовательности, т.е, рядъ смѣняющихся впечатлѣній. Они будутъ быстро смѣнять другъ друга, возникать другъ за другомъ, и вы получите идею простой длительности. Вы получите рядъ впечатлѣній a b c d e f , когда f будетъ яснымъ, а уже перестанетъ быть яснымъ, Это обычный порядокъ послѣдовательности: послѣдній элементъ сохраняетъ ясность, когда первый ее уже утратилъ.

Представьте другой случай, когда вы разсматриваете не быстро движущійся предметъ, а неподвижный - доску, дверь. Тогда вашъ глазъ проходитъ этотъ извѣстный рядъ впечалѣній a b c d e f сначала въ одномъ направленіи, а затѣмъ въ другомъ, обратномъ направленіи, такъ какъ глазъ можетъ двигаться въ одномъ направленіи и въ другомъ. Вы получае-

те сначала рядъ послѣдовательный, когда проходите въ одномъ направленіи, но ничто не препятствуетъ вамъ пройти его въ обратномъ порядкѣ, тогда рядъ, бывшій послѣдовательнымъ, превращается въ сосуществующій. Когда мы производимъ тоже движеніе въ обратномъ направленіи, то мы находимъ тотъ же рядъ, который имѣли въ первомъ случаѣ и отождествляемъ эти два ряда, Это познаніе постоянства ряда даетъ намъ идею сосуществованія т.е. пространства. А это то и требовалось доказать, т.е. надо было показать, какимъ образомъ протяженность рождается изъ того, что не есть протяженное. Изъ какихъ же элементовъ складывается протяженность? Прежде всего протяженность складывается - изъ мускульныхъ ощущеній, которыя даны фактически и не вызываютъ сомнѣнія, длительность мускульныхъ ощущеній - фактъ первоначальный; но чтобы изъ временнаго порядка получить пространственный, надо къ мускульнымъ ощущеніямъ присоединить ощущенія осязательныя и зрительныя, при чемъ такія ощущенія, которыя проходятся въ одномъ направленіи сначала, а затѣмъ въ обратномъ, Тогда ощущенія пріобрѣтаютъ характеръ пространственнаго сосуществованія.

Такимъ образомъ идея протяженности есть продуктъ а с с о ц і а ц і и, получаемый изъ мускульныхъ ощущеній продолжительности плюсъ ощущенія зрительныя и осязательныя, развертывающіяся въ одномъ направленіи и въ другомъ. Само собой ясно, что такого рода движенія въ одну и другую сторону

повторяются, по мнѣнію Бэна, десятки, сотни, тысячи разъ, Вслѣдствіе этого укрѣпляется сознаніе, что пространственное сосуществованіе есть нѣчто совершенно отличное отъ временнаго порядка.

Я вкратцѣ изложилъ вамъ теорію Бэна, въ которой вы имѣете дѣло съ типичнымъ примѣромъ ученія о производности пространства: протяженности въ сознаніе не имѣется, она складывается изъ элементовъ непротяженныхъ - зрительныхъ ощущеній, осязательныхъ, ощущеній длительности, которыя даетъ мускульное сопротивленіе. Если одни и другія ощущенія ассоціировались и долго были связаны, то въ результатѣ продолжительнаго опыта получается изъ этого комплекса ощущеній одинъ продуктъ - идея протяженности, которая имѣетъ безспорно характеръ производный,

Теперь я позволю себѣ обратиться ко взглядамъ Г. Спенсера, хотя они напоминаютъ взгляды Бэна, но имѣютъ и свои отличительныя черты. Взгляды Спенсера отличаются отъ взглядовъ Бэна тѣмъ, что они болѣе опредѣленны, болѣе ясны, подтверждаются большимъ количествомъ данныхъ, хотя теорія Бэна пріобрѣла наибольшую популярность: гдѣ бы и у кого бы вы ни встрѣтили теорію ассоціацій, она идетъ отъ Бэна.

Какъ разсуждаетъ Г. Спенсеръ? Уже въ силу того, что онъ былъ сторонникомъ эволюціонной точки зрѣнія, онъ не могъ признать, чтобы въ сознаніи существовала идея пространственной протяженности. Ему казалось, что эта идея является производ-

ной, а не первоначальной. Надо было искать болѣе простые элементы, изъ которыхъ она создается. Эта мысль выражается у него такъ: "У насъ есть всѣ основанія думать, что сознаніе пространства достигается посредствомъ процесса эволюціи, который начинается такимъ рудиментарнымъ состояніемъ, что оно, собственно, не можетъ быть названо сознаніемъ пространства въ томъ смыслѣ, какой мы обыкновенно придаемъ этому слову". Пространство рождается изъ состояній, которыя пространственными названы быть не могутъ. Пространство получается путемъ выведенія изъ непротяженнаго.

Г. Спенсеръ всталъ на ту же точку зрѣнія, какъ и Бэнъ, т.е. сдѣлалъ попытку показать, что пространственное сосуществованіе получается изъ послѣдовательности. Это характерная черта англійской психологіи: послѣдовательность есть фактъ первичный, изъ нея рождается протяженное сосуществованіе. Какъ можно доказать, что сосуществованіе рождается изъ послѣдовательности? Г. Спенсеръ поясняетъ это такимъ примѣромъ, такой иллюстраціей, такъ ставитъ вопросъ, чтобы показать происхожденіе пространства изъ послѣдовательности.

Представимъ, что къ поверхности ощущающаго аппарата, къ поверхности кожи прикасается что - то. Это нѣчто дѣйствуетъ на рядъ элементовъ, которые другъ отъ друга отдалены. Пусть это будутъ осязательные элементы, состоящіе изъ ряда палочекъ, снабженныхъ нервами, которые идутъ въ одинъ сенсорій. Предположимъ, что къ поверхности кожи, къ концамъ этихъ эле-

ментовъ приложена палка, возбуждающая извѣстное количество элементовъ. Спрашивается, способенъ ли этотъ рядъ одновременныхъ ощущеній вызвать у первоначальнаго сознанія представленіе пространства, можетъ это сознаніе судить о величинѣ протяженности или не можетъ? Если вы скажете, что можетъ, то вы должны допустить, что у сознанія уже есть представленіе протяженности. Но Спенсеръ не можетъ исходить изъ такой точки зрѣнія, онъ долженъ исходить изъ предположенія, что у первоначальнаго сознанія нѣтъ такого представленія, иначе это будетъ petitio principii. Спенсеръ задаетъ вопросъ, какимъ образомъ сознаніе можетъ научиться отличать пространство?

Спенсеръ думаетъ, что такого рода знаніе пріобрѣтается постепенно: сначала воспринимается прикосновеніе ав, потомъ - а в с, затѣмъ - а в с d , а в с d e , а в с d e f и т.д. Каждый разъ мы отличаемъ полученное впечатлѣніе. Мы узнаемъ о протяженности, соотвѣтствующей послѣдовательному возбужденію двухъ частей, затѣмъ узнаемъ о протяженности а в с, соотвѣтствующей послѣдовательному возбужденію трехъ частей, а в с д - четырехъ частей и т.д. Послѣ того, какъ мы узнаемъ все это въ послѣдовательномъ порядкѣ, одна за другимъ, теперь, когда палка прикасается къ элементамъ, мы узнаемъ изъ прошлаго опыта, какъ объ одновременномъ, что раньше воспринималось послѣдовательно. Возбужденіе, имѣвшее раньше характеръ послѣдовательности, благодаря постоянному однородному возбужденію кажется одновременнымъ, т.е. послѣдовательность

замѣняется одновременностью, замѣняется въ сознаніи благодаря опыту. Такъ возможно объяснить возникновеніе элементовъ сосуществующихъ изъ элементовъ послѣдовательныхъ.

Г. Спенсеръ повторяетъ и то соображеніе, которое было у Бэна, т.е. если у насъ есть извѣстный рядъ, который развертывается сначала въ одномъ направленіи, а потомъ въ другомъ, или, какъ говоритъ Спенсеръ, прогрессируетъ сначала, а затѣмъ регрессируетъ, то прогрессъ и регрессъ другъ друга нейтрализуютъ, и мы съ одинаковой ясностью можемъ воспринимать всѣ элементы, входящіе въ извѣстный рядъ.

Другихъ аргументовъ Г. Спенсера я повторять не буду, потому что они напоминаютъ аргументы Бэна. Важно отмѣтить только слѣдующее: Спенсеръ утверждаетъ, что хотя послѣдовательный порядокъ можетъ превратиться въ сосуществующій, но и въ настоящее время, въ зрѣломъ сознаніи абсолютнаго сосуществованія не имѣется и потому нельзя утверждать, что временный порядокъ абсолютно отличается отъ пространственнаго. Мы имѣемъ относительное, а не абсолютное сосуществованіе.

Къ этому сводятся теоріи англійскихъ психологовъ. Я не буду повторять теоріи Милля, который исходитъ изъ предположенія, что первичной является идея времени; идея протяженности есть идея мускульнаго движенія, длящагося извѣстный промежутокъ времени. Милль утверждалъ, что слѣпые живутъ только во времени, что у ослѣпшихъ совершенно пространства нѣтъ, у нихъ есть только время, потому что всѣ ихъ ощущенія, имѣющія мышечный характеръ, послѣдовательны. Они живут толь-

ко во времени. У нихъ есть только мускульныя ощущенія, а это все послѣдовательныя ощущенія, которыя превращаются въ одновременныя, благодаря осязательнымъ ощущеніямъ и зрительнымъ. Особенно глазъ способствуетъ этому превращенію, потому что отличается подвижностью, способностью сразу охватить большое количество ощущеній и потомъ можетъ проходить ихъ въ одномъ направленіи и въ другомъ. Присоединеніе зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній къ мускульнымъ дѣлаетъ то, что получается идея протяженности.

Итакъ оказывается, что идея протяженности получается изъ ассоціаціи. Какъ это возможно? Намъ кажется, что протяженность имѣетъ въ себѣ нѣчто специфическое, а по этой теоріи надо взять мускульныя ощущенія, присоединить къ нимъ зрительныя и осязательныя. Они не содержатъ в себѣ протяженности, но если ихъ ассоціировать, спаять, въ результатѣ получится своеобразное построеніе, называемое протяженностью. Правильно это или неправильно? Я изложилъ вамъ теоріи англійскихъ психологовъ о томъ, что протяженность слагается изъ элементовъ непротяженныхъ. Это возможно, если допустить, что въ душевной жизни есть нѣчто въ родѣ психической химіи, т.е. одинъ элементъ и другой, соединяясь, даютъ третій элементъ, совершенно непохожій на нихъ..

ТЕОРІЯ ЛОКАЛЬНЫХЪ ЗНАКОВЪ,
ТЕОРІЯ ПСИХИЧЕСКАГО СИНТЕЗА.

Лекція 2-ая.

Мы перейдемъ сегодня къ разсмотрѣнію нѣмецкихъ представителей генетизма. Прошлый разъ мы разсмотрѣли представителей англійской психологіи. По ихъ мнѣнію то, что называется протяженностью, имѣетъ характеръ производный, т.е. создается изъ элементовъ непротяженныхъ - изъ мускульныхъ ощущеній, длящихся во времени, - если къ нимъ присоединить осязательныя и зрительныя ощущенія, то при извѣстныхъ условіяхъ они придадутъ мускульнымъ ощущеніямъ пространственный порядокъ.

Такіе взгляды защищались и въ нѣмецкой психологіи. Однимъ изъ представителей этого направленія является Лотце, дѣйствовавшій во второй половинѣ 19 в. Система Лотце называется обыкновенно системой локальныхъ знаковъ, теоріей локальныхъ знаковъ. Такъ какъ Лотце является родоначальникомъ психическихъ попытокъ вывести протяженность изъ того, что не имѣетъ характера протяженности, то намъ надо познакомиться съ его взглядами.

Лотце ставитъ вопросъ чисто психологически. Онъ говоритъ: нѣкоторыя ощущенія располагаются въ порядкѣ пространственномъ. Спрашивать, отчего мы располагаемъ ощущенія въ порядкѣ пространственномъ, конечно, безполезно: мы не можемъ рѣшить этого вопроса. Это есть фактъ первоначальный. Мы обладаемъ врожденной способностью располагать ощущенія въ порядкѣ простран-

ственномъ подобно тому,какъ съ помощью слухового аппарата мы ощущаемъ звуки,съ помощью зрительнаго аппарата мы ощущаемъ цвѣта. Вѣдь мы не спрашиваемъ,почему съ помощью зрительнаго аппарата мы ощущаемъ цвѣтъ,и т.д.,вѣдь мы не ставимъ такого вопроса.

Но вотъ вопросъ,который долженъ быть разрѣшенъ:чѣмъ руководится душа,когда располагаетъ разнообразіе своихъ ощущеній въ томъ или другомъ пространственномъ порядкѣ,т.е. помѣщаетъ то или другое ощущеніе въ ту или другую часть пространства? Чѣмъ можно объяснить то,что душа одинъ разъ помѣщаетъ одно ощущеніе въ одну часть пространства, а другое ощущеніе въ другой разъ въ другую часть пространства? Какъ отвѣтить на этотъ вопросъ,Лотце и предлагаетъ свою теорію локальныхъ знаковъ.

Обращу ваше вниманіе сначала на то,почему Лотце долженъ считаться генетистомъ,генетистомъ рѣзкимъ,опредѣленнымъ.Лотце былъ одним изъ психологовъ 19 в.,которые считали,что психологію надо строить въ зависимости отъ метафизическихъ взглядовъ на природу души,на ея свойства.Они держались мнѣнія,что душа есть субстанція простая,недѣлимая,непротяженная.Принявъ это во вниманіе,дѣлается понятно,какъ Лотце долженъ былъ смотрѣть на то, если бы мы,обладая такой душой, пожелали воспринять какую нибудь вещь,напримѣръ,линейку.

Онъ говоритъ:если у насъ есть линейка,состоящая изъ частей abcdef , то протяженная линейка въ непротяженной душѣ должна разложиться на составныя элементы, исключительно

интенсивные, непротяженные. Когда протяженная линейка, окно и т.д. входятъ въ душу, которая непротяженна и въ которой ничему протяженному и мѣста быть не можетъ, то все пространственное экстенсивное, дѣйствующее на душу, превращается въ интенсивное. Задача души состоитъ въ томъ, чтобы изъ элементовъ, которые сдѣлались въ душѣ интенсивными, построить, возсоздать пространственные, экстенсивные. Душа, превратившая все экстенсивное въ интенсивное, должна вновь создать пространственный порядокъ. Это исходный пунктъ теоріи Лотце. Посмотримъ къ чему онъ долженъ привести.

Онъ говоритъ: все экстенсивное превращается въ душѣ въ интенсивное, какъ ощущенія звука, какъ всякое другое непротяженное, исключительно интенсивное ощущеніе. Выходитъ такъ: восприятіе линейки, состоящей изъ экстенсивныхъ частей abcdef- входитъ въ душу, превращается въ интенсивное, перестаетъ быть протяженнымъ, дѣлается чѣмъ - то въ родѣ звука. Слѣдовательно всѣ составные элементы дѣлаются интенсивными: элементъ а, дѣлается интенсивнымъ, в дѣлается интенсивнымъ. С и т.д. Каким же образомъ получается снова экстенсивное? Есть опасность, что эти элементы, попавъ въ душу и сдѣлавшись интенсивными, могутъ перемѣшаться, и тогда, если бы душа захотѣла возсоздать протяженное, произошло бы замѣшательство элементовъ: бывшіе прежде въ одномъ порядкѣ могли бы очутиться въ другомъ порядкѣ.

Это затрудненіе заставило Лотце поставить вопросъ:благодаря чему,когда мы вновь созидаемъ протяженность,эта протяженность сохраняетъ прежній порядокъ? Линейка переходитъ въ сознаніе и превращается въ интенсивное,затѣмъ она снова превращается въ экстенсивное и всѣ ея элементы располагаются въ томъ же порядкѣ,какъ и въ самой вещи, т.е, протяженность сохраняетъ свой прежній порядокъ.Окуда это происходитъ?

Очевидно,разъ ощущенія,протяженныя,экстенсивныя ощущенія дѣлаются въ душѣ интенсивными, а затѣмъ при возсозданіи сохраняютъ прежній порядокъ,то каждому ощущенію присущъ какой-нибудь специфическій признакъ,въ силу котораго одно ощущеніе отличается отъ другого.Лотце проводитъ такую аналогію: положимъ,вамъ надо перевести громадную библіотеку изъ одного мѣста въ другое и вы желаете на новомъ мѣстѣ сохранить старый порядокъ расположенія книгъ.Неужели вы думаете, что для этого надо перевозить книги въ томъ порядкѣ, какъ они находятся? Вы можете наклеить на нихъ этикетки,номера и перевозить въ какомъ угодно порядкѣ,а въ новомъ мѣстѣ по этикеткамъ можно возстановить прежній порядокъ.По мнѣнію Лотце,то же самое происходитъ и въ душѣ:когда элементы входятъ въ душу и превращаются въ интенсивныя ощущенія,они обладаютъ этикетками, своими специфическими признаками,которые Лотце называетъ л о к а л ь н ы м и з н а к а м и, м ѣ с т н ы м и з н а к а м и, Смыслъ термина въ томъ,что каждое ощущеніе обладаетъ специфическимъ признакомъ,показывающимъ, какое оно занимаетъ мѣсто;въ случаѣ, если надо изъ интенсив

ныхъ элементовъ возстановить экстенсивные, признакъ указываетъ опредѣленное мѣсто, Въ этомъ основной мотивъ теоріи локальныхъ знаковъ.

Что это за специфическіе признаки, локальные знаки, т.е. знаки того, что ощущенію принадлежитъ опредѣленное мѣсто? Откуда они берутся?

По мнѣнію Лотце, знаки эти не берутся отъ внѣшнихъ раздраженій. Голубой цвѣтъ, откуда бы онъ ни исходилъ - сверху или снизу, справа или слѣва, остается голубымъ цвѣтомъ. Значитъ во внѣшнихъ раздраженіяхъ нѣтъ специфическихъ различій, источника локальныхъ знаковъ нельзя искать во внѣшнихъ раздраженіяхъ; ихъ надо, вѣроятно, искать въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя дѣйствуютъ раздраженія.

Предположимъ, что въ глазу будутъ три точки - p, q, r; на эти точки пусть дѣйствуютъ три раздраженія A, A, A. Мы могли бы предположить, что эти раздраженія тождественны другъ съ другомъ, одинаковы. Спрашивается, если одно и то же раздраженіе дѣйствуетъ на разныя точки, впечатлѣнія будутъ тождественны или различны? Лотце предполагаетъ, что они будутъ различны въ зависимости отъ того, на какое мѣсто дѣйствуетъ раздраженіе, потому что каждому мѣсту присуща способность давать своеобразное ощущеніе П, К, Р. Если дѣйствуютъ три одинаковыхъ раздраженія, три одинаковыхъ цвѣтовыхъ впечатлѣнія, но дѣйствуютъ на различныя точки, не можетъ быть, чтобы получалось одно ощущеніе: одинъ разъ получается ощущеніе АП, дру-

гой разъ АК, третій разъ - АТ .Хотя на глазъ дѣйствуютъ три тождественныхъ впечатлѣнія,но такъ какъ они дѣйствуютъ въ разныхъ точкахъ,получаются добавочныя ощущенія,которыя вмѣстѣ составляютъ одинъ комплексъ,Нельзя говорить,что,если дѣйствуютъ раздраженіе А на разныя точки,ощущенія будутъ тождественны. Вмѣсто А А А я могу поставить А В С,тогда получается соотвѣтствующія ощущенія Аπ , Вк, Сq , Если отъ линейки получаются три пространственныхъ ощущенія,которыя входятъ въ душу, то они не растериваются потому,что имѣютъ спеціальный знакъ,отличающій одно впечатлѣніе отъ другого.Это и есть локальные знаки, присущіе каждой отдѣльной части сѣтчатки,Мы имѣемъ не только интенсивныя ощущенія,но они носятъ на себѣ и особые значки.Теперь,когда надо возсоздать изъ элементовъ интенсивныхъ порядокъ экстенсивный, душа пользуется этими значками,какъ библіотекарь- этикетками,и располагаетъ ихъ въ опредѣленномъ порядкѣ.

Этимъ разсужденія Лотце еще не оканчиваются,потому что ему можно сдѣлать возраженіе,Пусть каждое ощущеніе имѣетъ локальный знакъ,специфическій признакъ,побочное ощущеніе,которое присоединяется къ ощущенію отъ даннаго впечатлѣнія,Но разъ утверждается, что душа изъ этихъ непротяженныхъ элементовъ съ помощью локальныхъ знаковъ возсоздаетъ протяженный порядокъ, при чемъ сохраняется прежній порядокъ,надо, чтобы эти знаки образовывали опредѣленную систему, извѣстную градацію,У біобіотекаря книги лежатъ по номерамъ, потому что,

если бы были только значки, но не было никакой системы, то съ помощью однихъ значковъ возсоздать прежній порядокъ мы были бы не въ состояніи, Изъ однихъ качественно отличныхъ значковъ возсоздать пространственный порядокъ мы не въ состояніи, надо, чтобы эти значки, локальные знаки составляли опредѣленную систему, были сравниваемы другъ съ другомъ, являлись членами одного ряда. Посмотримъ, какая сложная задача возлагается на локальные знаки: они необходимо должны быть членами рядовъ или системы рядовъ, въ которыхъ каждый членъ по отношенію къ другому заключаетъ какое либо измѣримое различіе. Если имѣется локальный знакъ π, то только въ томъ случаѣ, если $K = \pi + \delta$, $P = \pi - 2\delta$ или $K = q - \delta$, эти знаки могутъ быть основаніемъ, почему извѣстное содержаніе, которое способно воспринимать эти ариѳметическія различія пространственно, не помѣстить въ К-либо иномъ мѣстѣ, какъ только въ срединѣ между А П и С, т.е. должно быть нѣчто что придавало бы имъ извѣстную систему, градацію, что бы можно было сравнить одинъ локальный знакъ съ другимъ.

Первое предположеніе имѣетъ теоретическій характеръ, потому что, по мнѣнію Лотце, нельзя понять, какъ экстенсивныя ощущенія, превращаясь въ интенсивныя, не растериваются. Но это предположеніе не обезпечиваетъ еще прежняго порядка, надо допустить, что эти локальные знаки составляютъ опредѣленную систему, опредѣленный сравниваемый рядъ. Чтобы оправдать свою гипотезу Лотце ссылается на реальные факты опыта, доказыва-

ющіе, что локальные знаки составляютъ безспорно опредѣленный рядъ, опредѣленную систему.

Мы знаемъ, что, когда на какое нибудь мѣсто сѣтчакти глаза попадаетъ свѣтовое ощущеніе, но попадаетъ не на мѣсто наиболѣе яснаго зрѣнія, то глазъ повертывается, чтобы дать возможность перемѣститься этому раздраженію на поле яснаго зрѣнія. Пусть на глазъ (См. рис. 17), дѣйствуетъ впечатлѣніе, раздражающее боковое мѣсто с ѣ т ч а т к и ; глазъ долженъ п е р е н е с т и его на мѣсто такъ называемаго ж е л т а г о п я т н а , т.е, глазъ долженъ будетъ совершить движеніе въ извѣстномъ направленіи, тогда онъ будетъ имѣть возможность воспринять впечатлѣніе на мѣстѣ наиболѣе яснаго зрѣнія. Это постоянный порядокъ, когда раздраженіе дѣйствуетъ на боковую часть сѣтчатки: глазъ переводитъ впечатлѣніе на мѣсто наиболѣе яснаго видѣнія. Воспріятіе пространственныхъ отношеній сводится къ тому, что глазъ дѣлаетъ всевозможныя движенія, чтобы перевести получаемыя впечатлѣнія изъ бокового поля зрѣнія, на центральное, въ мѣсто желаемаго пятна. Вы знаете, что въ глазу есть три пары мышцъ, благодаря которымъ возможно это передвиженіе. Мышцы глаза сокращаются и своимъ сокращеніемъ они производятъ то, что глазъ движется въ извѣстномъ направленіи. Итакъ, эти передвиженія производятся благодаря мышцамъ, прикрѣпленнымъ къ глазу. Эти мышцы, сокращаясь или удлиняясь, двигаютъ глазъ въ извѣстномъ направленіи.

- - - -

Мы знаемъ, что сокращеніе мышцъ связано съ извѣстными двигательнными, мускульными и т.д. ощущеніями. Если мы примемъ въ соображеніе это обстоятельство, мы тотчасъ, по мнѣнію Лотце, отыщемъ систему локальныхъ знаковъ, которые будутъ распредѣляться по степенямъ, будутъ градуированы, Это будутъ мышечныя ощущенія, связанныя съ движеніями глаза, Мы хорошо понимаемъ, что мышечныя ощущенія есть результатъ движеній глаза, но такъ какъ степень сокращенія мышцъ можетъ быть больше или меньше, то становится вамъ понятнымъ расположеніе этихъ ощущеній по степенямъ, въ извѣстной градаціи, Мы можемъ предположить, что степень сокращенія мышцъ и степень ощущенія можетъ возрастать: можетъ быть a, $a+\delta$, $a+2\delta$, $a+3\delta$ и т. д, Каждый разъ будутъ прибавляться различныя единицы, будутъ прибавляться вслѣдствіе того, что степень сокращенія мышцъ можетъ быть различна, Что степень сокращенія можетъ быть одинъ разъ больше, другой разъ - меньше, легко понять, представивъ себѣ разрѣзъ сѣтчатки, если смотрѣть на заднюю стѣнку глаза.

Вообразимъ себѣ разрѣзъ сѣтчатки (см. рис. 18) и - мѣсто наиболѣе яснаго зрѣнія. Я могу представить концентрическіе круги, на которыхъ будутъ расположены различныя точки. Если впечатленіе дѣйствуетъ на точку а, мнѣ надо это впечатлѣніе перевести на точку яснаго зрѣнія, Глазъ долженъ произвести извѣстное движеніе. Въ какомъ случаѣ сокращеніе должно быть больше: ес-

ли надо перевести впечатлѣніе отъ a къ γ , или отъ в къ γ ? Чѣмъ дальше находится точка отъ центра, тѣмъ сокращеніе должно быть больше: на перенесеніе отъ в потребуется большее сокращеніе чѣмъ отъ a, отъ C еще больше. Въ этомъ расположеніи видно, что эти мышечныя ощущенія распредѣляются по извѣстнымъ степенямъ. Если бы я сказалъ, что этому ощущенію a присуща степень, которая выражается съ помощью единицы, то для в будетъ выражаться съ помощью 2, для C нужно сокращеніе, дающее ощущеніе равно 3. Въ мышечныхъ сокращеніяхъ, сопровождающихъ движенія глаза, имѣются тѣ ощущенія, которыя нужны, т.е. ощущенія, которыя распредѣляются по опредѣленнымъ степенямъ, которыя градуированы.

Я взялъ случай, когда раздраженіе изъ боковой области сѣтчатки переносится къ центру, но можетъ случиться, что понадобится перенести его в p, q. И въ этомъ случаѣ будутъ опять опредѣленныя градаціи, потому что надо будетъ переносить на извѣстное разстояніе, большее или меньшее. Эти мускульныя ощущенія, расположенныя по опредѣленнымъ степенямъ, и есть тѣ локальные знаки, которые искалъ Лотце.

Имѣющіяся у насъ мышечныя ощущенія таковы, что располагаются по степенямъ, образуютъ систему, могутъ быть сравниваемы. Эти мускульныя ощущенія, связанныя съ движеніями глаза, и есть локальные знаки, позволяющія располагать ощущенія въ извѣстномъ порядкѣ.

До сихъ поръ рѣчь шла о локальныхъ знакахъ въ глазу, въ зрительныхъ воспріятіяхъ. Но у насъ есть локальные знаки и осязательнаго чувства. Въ кожѣ также мы располагаемъ извѣстными ощущеніями; гдѣ же тамъ отыскать локальные знаки, которые были бы распредѣлены по степенямъ. Здѣсь для Лотце возникаетъ нѣкоторое затрудненіе и на градуированіе, на распредѣленіе по степенямъ онъ указать не можетъ.

Онъ говоритъ, что мы не можемъ прикоснуться къ какому-либо мѣсту кожи, чтобы не вызвать ряда, волны побочныхъ ощущеній, связанныхъ съ особымъ устройствомъ кожи въ данномъ мѣстѣ. Если прикоснуться къ кожѣ, натянутой на кости, полученное ощущеніе будетъ отличаться отъ ощущенія, полученнаго отъ прикосновенія къ кожѣ, подъ которой много жира. Въ одномъ мѣстѣ кожа бываетъ натянута, вслѣдствіе прикрѣпленія къ различнымъ точкамъ кости, можетъ образовывать складки, въ другомъ мѣстѣ она можетъ быть передвигаема въ широкихъ границахъ и т.д. Кожа, слѣдовательно, въ различныхъ мѣстахъ тѣла различна, а потому и ощущенія должны отличаться другъ отъ друга. Эти побочныя ощущенія для кожи составляютъ опредѣленную систему локальныхъ знаковъ.

Я долженъ обратить ваше вниманіе также на слѣдующее: когда мы воспринимаемъ какую-нибудь протяженность, глазъ можетъ не производить никакихъ движеній, абсолютно никакихъ, а пространственныя отношенія будутъ восприниматься. Можно доказать, что глазъ не производитъ движеній, а протяженность

воспринимается правильно. Чѣмъ это объясняется? По мнѣнію Лотце, мускульныя ощущенія должны быть разсматриваемы двояко: съ одной стороны, какъ мускульныя ощущенія въ собственномъ смыслѣ и какъ воспроизведеніе ощущеній, репродукція мускульныхъ ощущеній, съ другой стороны. Если на глазъ дѣйствуетъ какой-нибудь предметъ, я могу заставить глазъ двигаться, произвести реальное движеніе, но особенной надобности въ этомъ нѣтъ, потому что я знаю изъ прошлаго опыта, что я долженъ произвести извѣстное движеніе, чтобы воспринять предметъ, я могу репродуцировать ощущеніе извѣстнаго движенія и могу руководиться этимъ репродуцированнымъ возможнымъ ощущеніемъ. Положимъ, что какая нибудь точка движетъ глазъ въ одномъ направленіи, а другая точка движетъ его въ противоположномъ направленіи; глазъ никакого движенія не произведетъ. Но мы можемъ не производить движенія, мы можемъ репродуцировать это и другое движеніе, можемъ ориен'тироваться на счетъ возможныхъ ощущеній. Такимъ образомъ, по мнѣнію Лотце, тотъ фактъ, что мы при покоѣ глаза можемъ воспринимать пространственныя отношенія, не является возраженіемъ.

Главная трудность заключается въ слѣдующемъ. Разъ побочнымъ ощущеніямъ приписывается такое важное значеніе, то они должны ощущаться нами, мы должны быть въ состояніи вскрыть ихъ въ сознаніи. Спрашивается, возможно ли это? На этотъ вопросъ, поставленный ему современниками, Лотце отвѣчаетъ: побочныхъ ощущеній мы не въ состояніи отыскать въ сознаніи, но

это ничего не значитъ.Они могутъ не быть самосознаваемы,мы можемъ не быть въ состоянiи раскрыть ихъ,но они могутъ быть въ душѣ,они могутъ быть безсознательными,т.е,они могутъ существовать для души,но не могутъ быть ясно вскрыты.

Я покончу этимъ изложенiе теорiи Лотце,Обращаю ваше вниманiе на то,что его теорiя является типичной для генетическихъ теорiй,Протяженность созидается изъ элементовъ,протяженнаго характера не имѣющихъ, разъ все экстенсивное созидается изъ элементовъ интенсивныхъ, протяженности не имѣющихъ, созидается благодаря содѣйствiю мускульныхъ ощущенiй и другихъ ощущенiй,тоже протяженности не имѣющихъ.Непротяженное, ассоцiированное опредѣленнымъ образомъ, даетъ порядокъ,который мы называемъ пространственнымъ.

Чтобы перейти къ критикѣ этой теорiи,мы должны разсмотрѣть раньше теорiю нашего современника., Вундта, которая называется системой сложныхъ локальныхъ знаковъ или иначе теорiей синтеза, или ассоцiативнаго слiянiя.

Вторымъ представителемъ генетической теорiи въ нѣмецкой психологiи является Вундтъ. Его теорiя носитъ различныя названiя.Онъ изслѣдуетъ вопросъ о пространствѣ уже много лѣтъ, начиная съ 1862 г.,когда вышло его сочиненiе" Основы физiологической психологiи". Съ тѣхъ поръ онъ все время занимался вопросомъ о теорiи пространства. Онъ много разъ мѣнялъ оболочку,но по существу все же остался вѣренъ своей теорiи 60 г,г.Онъ составилъ свою теорiю подъ вліянiемъ Лотце,отчасти и англiйской психологiи.Важно то, что онъ хотѣлъ внве-

сти протяженность изъ такихъ элементовъ, которые не имѣютъ протяженнаго характера, т.е. Вундтъ является сторонникомъ производности. Онъ называетъ свою теорію т е о р і е й а с с о ц і а т и в н а г о с л і я н і я, т е о р і е й п с и х и ч е с к а г о с и н т е з а. Самымъ главнымъ, повторяю, является то, что онъ хочетъ вывести протяженность изъ того, что не имѣетъ характера протяженности. Въ виду важности этого именно пункта я обращаю ваше вниманіе на то, какъ Вундтъ смотритъ, что такое протяженность, каковы основныя свойства протяженности, и какъ онъ выводитъ ее изъ другихъ элементовъ.

Въ протяженности можно отмѣтить нѣсколько элементовъ: во-первыхъ, н е п р е р ы в н о с т ь; во-вторыхъ мы отмѣчаемъ въ протяженности такое свойство, какъ м н о ж е с т в е н н о с т ь, т.е. всякая протяженность состоитъ изъ частей. Если мы говоримъ о линейкѣ - она состоитъ изъ частей a b c d e f и т.д. Наконецъ, третьимъ свойствомъ является о д н о р о д н о с т ь. Такимъ образомъ въ протяженности есть три элемента.

Вундтъ, будучи сторонникомъ теоріи производности, и дѣлаетъ попытку показать, какъ въ сознаніи рождается протяженность изъ элементовъ, въ содержаніи своемъ протяженности не имѣющихъ. Онъ, какъ Лотце, держится мнѣнія, что въ осязательныхъ органахъ, посредствомъ которыхъ воспринимаются осязательныя пространственныя отношенія, имѣются локальные знаки, состоящіе въ особомъ качествѣ ощущенія, зависящемъ отъ опы-

та, впечатлѣнія, мѣстные знаки представляютъ непрерывность двухъ измѣреній, дающую поэтому возможность развитія представленія плоскости. Мы беремъ какую-нибудь поверхность кожи, каждая точка ощущаетъ по своему, каждой присущъ свой собственный локальный знакъ. Поверхность кожи состоитъ изъ ряда локальныхъ знаковъ. Вундтъ говоритъ, что они представляютъ непрерывность двухъ измѣреній, потому что каждый моментъ измѣняется въ двухъ направленіяхъ, т.е.: а можетъ измѣниться или в в, или в р , въ одномъ или въ другомъ направленіи. Это есть непрерывность двухъ направленій. Если съ помощью осязательныхъ органовъ, мы воспринимаемъ какую-нибудь протяженность, кромѣ непрерывности, должна имѣться еще множественность. Основу этого свойства составляетъ первая система мѣстныхъ знаковъ съ ея качественнымъ расположеніемъ въ двухъ измѣреніяхъ. Но чего еще не хватаетъ, чтобы изъ множественности, качественно отличныхъ ощущеній, создалась плоскостная протяженность? Это есть множественная непрерывность двухъ измѣреній. Этотъ признакъ протяженности, указанный Вундтомъ, котораго нѣтъ въ этой множественности качественно отличныхъ локальныхъ знаковъ - однородность. Если бы Вундтъ сказалъ: у насъ есть качественно отличные локальные знаки, расположенные въ двухъ измѣреніяхъ, есть это протяженность? Конечно, нѣтъ, потому что здѣсь не хватало однородности. Этотъ третій элементъ создаетъ особую группу ощущеній, которыя обладаютъ однороднымъ характеромъ и измѣняются въ одномъ на-

правленіи - это двигательныя ощущенія, мускульныя ощущенія, иннервацiонныя ощущенія и т.д. Мышца, сокращаясь, даетъ ощущенія, имѣющія характеръ непрерывности, которыя въ свою очередь могутъ измѣняться въ одномъ направленіи: становиться сильнѣе и сильнѣе. Если бы къ локальнымъ знакамъ, представляющимъ множественную непрерывность двухъ измѣреній, придать еще мускульныя ощущенія, обладающія однородностью, мы и получимъ протяженность въ двухъ измѣреніяхъ, обладающую непрерывностью двухъ измѣреній, состоящую изъ множества элементовъ и обладающую однородностью. Для полученія этого надо, чтобы осязательныя ощущенія, качественно разнородныя, вошли въ соединеніе съ мускульными ощущеніями, соединились бы, образовали синтезъ, образовали сліяніе, слились вмѣстѣ, дали то, что Вундтъ называетъ э к с т е н с и в н ы м ъ с л і я н і е м ъ ; тогда получается осязательная плоскостная протяженность.

Тѣ же разсужденія примѣнимы и по отношенію къ зрительнымъ ощущеніямъ. Возьмемъ разрѣзъ сѣтчатки глаза, мѣсто (См. рис, 19, наиболѣе яснаго видѣнія, рядъ концентрическихъ круговъ, на которыхъ расположены точки α_1, α_2, α_3, β_1, β_2, β_3 и т.д.

Всѣ эти точки обладаютъ специфическими локальными знаками. Но эти локальные знаки, какъ локальные знаки на поверхности кожи, обладаютъ качественно различнымъ характеромъ и измѣняются въ двухъ направленіяхъ. Это есть непрерывность

двухъ измѣреній: локальный знакъ α, можетъ измѣняться или въ α,, или в β, ,т,е, въ двухъ направленіяхъ. Въ этомъ смыслѣ зрительныя ощущенія представляютъ непрерывность двухъ измѣреній. Но если бы у насъ была сѣтчатка, въ которой были бы эти свѣтоощущающіе моменты съ присущими имъ локальными знаками и были бы только цвѣтовыя ощущенія, измѣняющіяся въ двухъ направленіяхъ, у насъ не было бы протяженности, потому что не хватало бы однородности, которая доставляется вторымъ классомъ ощущеній-мускульными ощущеніями. Мускульныя ощущенія измѣняются въ одномъ направленіи, это есть непрерывность въ одномъ направленіи. Если къ зрительнымъ ощущеніямъ съ ихъ локальными знаками мы придадимъ двигательныя ощущенія съ ихъ однороднымъ характеромъ, у насъ получится то, что называется протяженностью въ двухъ измѣреніяхъ. Такимъ образомъ, элементы, изъ которыхъ получается протяженность, найдены: это локальные знаки: съ одной стороны, зрительныя ощущенія, съ другой стороны, и двигательныя ощущенія, съ третьей.

Такимъ образомъ разсужденія Вундта сводятся къ слѣдующему. Если есть протяженность, обладающая извѣстными свойствами, и мы хотимъ объяснить, какъ она получается, мы должны найти эти элементы. Вундтъ нашелъ ихъ: это есть зрительныя ощущенія, локальные знаки и двигательныя ощущенія. Но какъ прослѣдить, что изъ этихъ элементовъ получается протяженность? Вундтъ говоритъ: мы должны признать, что въ ду-

цѣ есть особый процессъ, который называется сліяніемъ. Я говорилъ уже вамъ объ этомъ процессѣ. Процессъ сліянія характеризуется тѣмъ, что элементы, входящіе въ соединеніе, такъ сливаются, что даютъ въ продуктѣ совершенно новое данное: каждый отдѣльный элементъ пропадаетъ, а въ замѣнъ ихъ, какъ въ химическомъ соединеніи, получается продуктъ съ новыми свойствами. Если даны зрительныя ощущенія, плюсъ локальные знаки, плюсъ двигательныя ощущенія, то эти три группы ощущеній такъ сливаются, что даютъ особый новый продуктъ, который оказывается протяженностью. Протяженность получается въ сознаніи, благодаря процессу психической химіи, психическаго синтеза, ассоціативнаго сліянія, благодаря которому изъ разнородныхъ элементовъ получается то, что называется протяженностью.

Если мы спросимъ, есть ли другіе случаи, гдѣ такого рода сліяніе могло бы быть, гдѣ элементы, входящіе въ соединеніе пропадаютъ, а въ замѣнъ ихъ появляется новый продуктъ. Вундтъ говоритъ въ отвѣтъ, что такого рода сліяніе имѣется между прочимъ въ ощущеніяхъ звука. Если данъ тонъ С, къ нему присоединяется рядъ обертоновъ, сливающихся съ нимъ такъ, что получается одно цѣлое, въ которомъ мы ощущаемъ только тонъ С, а обертоновъ не ощущаемъ. Но однако эти послѣдніе не могутъ отсутствовать; они придаютъ тону своеобразную окраску, безъ нихъ это интенсивное сліяніе утратило бы свой характеръ. Они существуютъ безспорно, но раскрыть ихъ мы не въ состояніи. Такимъ же образомъ обстоитъ дѣло и въ экстенсивномъ синтезѣ: берутся зрительныя ощу-

щенія, локальные знаки, двигательныя ощущенія, всѣ они вмѣстѣ, въ суммѣ даютъ протяженность, при чемъ также выдвигается на первый планъ одно ощущеніе: въ зрительномъ чувствѣ-свѣтовое ощущеніе, въ осязательномъ - ощущеніе теплоты, давленія, прикосновенія и т.д. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что разъ по отношенію къ звукамъ можетъ быть подобная вещь, это можетъ быть допущено и по отношенію къ экстенсивному сліянію: и тамъ и здѣсь получается нѣчто новое.

Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ теорія Вундта. Я хочу обратить ваше вниманіе на то, что является самымъ существеннымъ въ теоріи протяженность, качество вещей, называемое протяженностью, есть продуктъ взаимодѣйствія разнородныхъ элементовъ. Теорія въ такомъ видѣ критикуема быть не можетъ. Надо разсмотрѣть подробнѣе нѣкоторые пункты, представляющіеся важными. Бросается въ глаза прежде всего то, что такое элементарное качество, какъ протяженность, слагается изъ совершенно разнородныхъ элементовъ. Можно поставить такое требованіе: докажите, что есть такія ощущенія, покажите, по крайней мѣрѣ, локальные знаки, покажите, что они имѣются на лицо. Вундтъ отвѣчаетъ на это такъ: собственно мы не обязаны въ нашемъ сознаніи раскрыть эти элементы. Здѣсь можно указать аналогію съ химіей: развѣ вы потребуете отъ химика или физика наглядности ихъ атомовъ, съ которыми они оперируютъ? Если показано, что это такіе гипотетическіе элементы, безъ которыхъ построить химическую теорію невозможно, мы считаемъ это совершенно

достаточнымъ, чтобы признать, что такіе элементы имѣются на лицо, Таково и наше положеніе :мы беремъ извѣстные элементы и смотримъ, - можно ли вывести протяженность изъ свойствъ этихъ элементовъ или нельзя; если можно, то наше построеніе правильно и, слѣдовательно, элементы имѣются на лицо. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Если мы разсмотримъ сущность процесса сліянія, мы можемъ спросить, дѣйствительно ли Вундтъ правъ, проводя аналогію между интенсивнымъ сліяніемъ и тѣмъ, что называется экстенсивнымъ сліяніемъ ? Относительно этого пункта въ литературѣ былъ большой споръ, который, какъ мнѣ представляется, рѣшенъ не въ пользу Вундта. Процессъ сліянія, какъ понималъ его Вундтъ, въ примѣненіи къ протяженности не похожъ на тотъ, который мы имѣемъ въ области звуковъ. Въ постепенной эволюціи своего представленія о пространствѣ, какъ продуктѣ сліянія разнородныхъ ощущеній, Вундтъ измѣнялъ нѣсколько разъ свой взглядъ на то, какого рода это сліяніе, Сначала онъ называлъ его процессомъ психическаго синтеза, говорилъ ,что это такой же синтезъ, какой мы имѣемъ въ химіи: какъ тамъ изъ однихъ элементовъ получается нѣчто другое, новая вещь, такъ и здѣсь изъ ощущеній осязательныхъ, зрительныхъ, двигательныхъ получается пространственный порядокъ, Когда ему указали, что аналогія вовсе не такая полная, онъ пересталъ употреблять этотъ терминъ и сталъ называть ассоціативнымъ синтезомъ, ассоціативнымъ сліяніемъ, указывая этимъ, что здѣсь есть процессъ сліянія.

Итакъ, по мнѣнію Вундта у насъ есть 3 элемента - цвѣтовыя ощущенія, локальные знаки и двигательныя ощущенія; каждый элементъ можетъ существовать самостоятельно, но когда входятъ въ сліяніе, они такъ сливаются, что мы ни одного элемента не въ состояніи раскрыть.

Передо мной протяженное тѣло. Гдѣ я могъ бы открыть какіе-нибудь локальные знаки, двигательныя ощущенія и т.д.? Это нельзя сдѣлать: нѣтъ никакого способа раскрыть въ самонаблюденіи что нибудь подобное. Вундтъ говоритъ, что процессъ ассоціативнаго сліянія отъ продолжительнаго опыта, повторенія, можетъ дѣйствительно давать такія соединенія, что мы не будемъ въ состояніи вскрыть ни одного элемента и никогда никому это не удается сдѣлать.

Ему возражаютъ, и по моему вполнѣ правильно: единственный примѣръ такого сліянія, которое имѣется въ психической жизни, есть сліяніе основного тона и обертоновъ, но оно рѣзко отличается отъ этого, потому что въ звуковомъ сліяніи такъ или иначе мы можемъ раскрыть обертоны съ большей или меньшей ясностью; а вскрыть въ сознаніи наличность этихъ элементовъ, изъ которыхъ слагается протяженность, нѣтъ никакой возможности. Вундту приходится указывать на то, что есть другія сліянія - вкусовыхъ и обонятельныхъ ощущеній, которыя принимаютъ такой характеръ, что ихъ элементовъ мы не можемъ вскрыть. Примѣръ этотъ соблазнителенъ очень, но и тутъ при извѣстныхъ условіяхъ эти элементы можно вскрыть, сдѣлать сознатель-

ными. Поэтому Вундтовскій процессъ психическаго сліянія, имѣющій почти химическій характеръ, является единственнымъ въ своемъ родѣ, настолько своеобразнымъ, что нельзя указать другаго случая, гдѣ элементы, входя въ соединеніе, такъ сливались бы, что давали бы совершенно новый продуктъ, въ которомъ мы не могли бы открыть входящихъ въ него элементовъ. А если это такъ, то и теорія Вундта съ точки зрѣнія общепсихологической является сомнительной. Сомнительной является она и съ другой точки зрѣнія. Допустимъ безсознательность элементовъ, о которой я говорилъ въ предыдущихъ лекціяхъ. Если намъ даны элементы α, β и т.д., то они могутъ входить въ соединеніе, могутъ дать нѣчто единое, въ которомъ отдѣльные элементы будутъ пропадать для сознанія, и мы не будемъ въ состояніи вскрыть ихъ. Слѣдовательно, мы должны признать наличность такихъ безсознательныхъ элементовъ. Они имѣются въ душѣ, дѣйствуютъ на сознаніе, хотя вскрыть ихъ мы не можемъ. Но нельзя сказать что ощущенія α, β и т.д. могутъ превратиться въ нѣчто новое, совершенно отъ нихъ отличное, что одни элементы пропадаютъ и въ замѣнъ ихъ получается новое ощущеніе, на нихъ непохожее. Для такого превращенія аналогіи въ психической жизни мы не имѣемъ. Это обстоятельство является сильнымъ возраженіемъ противъ теоріи Вундта, допускающаго психическій синтезъ, напоминающій химическій. Вундтъ самъ чувствовалъ затрудненіе и потому у него встрѣчаются колебанія такого рода : одинъ разъ онъ замѣчаетъ, что не бе-

рется выводить протяженность изъ элементовъ непротяженныхъ, ибо эта задача безполезная; а другой разъ, наоборотъ, говоритъ о психическомъ синтезѣ, превращеніи элементовъ непротяженныхъ въ протяженность. Наконецъ, послѣднее и самостоятельное замѣчаніе относительно теоріи Вундта. По его мнѣнію, если мы и не въ состояніи указать непосредственно въ нашемъ сознаніи наличности различныхъ элементарныхъ ощущеній, то все же есть экспериментальныя данныя, подтверждающія ихъ существованіе. Если мы возьмемъ и заставимъ измѣняться одинъ изъ составныхъ элементовъ представленія протяженности, то мы замѣтимъ, что и протяженность будетъ мѣняться. Мы не въ состояніи выдѣлить элементы, составляющіе въ суммѣ нѣчто единое, но если мы возьмемъ одинъ изъ элементовъ и будемъ измѣнять его, то сумма тоже будетъ мѣняться. Это показываетъ, что есть одинъ изъ элементовъ, дающихъ это сліяніе. По мнѣнію Вундта, иллюзіи зрѣнія находятся въ зависимости отъ того, что двигательныя ощущенія подвергались измѣненіямъ. Если воспріятіе протяженности находится въ зависимости отъ измѣненій мышечнаго чувства, не есть ли это доказательство того, что мускульное чувство есть одинъ изъ элементовъ, составляющихъ протяженность? т. е. не доказываетъ ли это присутствіе двигательныхъ ощущеній въ представленіи протяженности? Ощущеніе протяженности представляетъ сложное построеніе, продуктъ сліянія. Мы теперь не можемъ подробнѣе разсмотрѣть это, но если будетъ до-

казано, что упомянутыя явленія могутъ быть объяснены и безъ двигательныхъ ощущеній, то теорія Вундта теряетъ и здѣсь свою поддержку.

Теорія Вундта интересна потому, что въ ней мы имѣемъ въ самой совершенной формѣ доказательство того, что протяженность получается изъ элементовъ непротяженныхъ. Если я скажу, что изъ крупныхъ психологовъ Вундтъ является единственнымъ защитникомъ этой теоріи, я правильно охарактеризую положеніе этой проблемы въ современной психологіи. Теорія же, предложенная имъ для объясненія протяженности, какъ мнѣ представляется, совершенно ошибочна: выведеніе протяженности изъ элементовъ непротяженныхъ - задача безполезная.

Теперь я думаю перейти къ слѣдующей группѣ авторовъ, занимавшихся вопросомъ о природѣ пространства. Теоріи этой группы будутъ называться теоріями нативистическими, по моей терминологіи, ученіями о непроизводности. Они являются сторонниками того мнѣнія, что протяженность есть качество sui generis, своеобразное, не могущее быть выведеннымъ изъ элементовъ непротяженныхъ. Я предполагаю разсмотрѣть положеніе вопроса въ англійской психологіи, гдѣ былъ одинъ писатель, сочиненія котораго теперь почти забыты, Гамильтонъ; изъ нѣмецкихъ же психологовъ остановлюсь на Герингѣ и Штумфѣ, и, наконецъ, на извѣстномъ американскомъ психологѣ, - Джэмсѣ. Я изложу ихъ теоріи, чтобы дать отвѣтъ, можно ли выводить протяженность изъ того, что не есть протяженно.

Лекція 3-ая.

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть вторую группу ученій о природѣ пространственнаго качества, ученій нативистическихъ, ученій о непроизводности пространства.

Нативистическое ученіе имѣетъ длинную исторію и зародилось, можетъ быть, въ наиболѣе отчетливой формѣ въ англійской психологіи: на ряду съ ученіями Бэна, Спенсера, Джона Стюарта Милля здѣсь есть ученіе, идущее отъ шотландской психологіи, главнымъ представителемъ его является философъ Гамильтонъ. Въ своемъ отношеніи къ вопросу о воспріятіи пространства, Гамильтонъ находился отчасти подъ вліяніемъ Кантовскаго ученія. Онъ доказываетъ, что протяженность не есть что-нибудь эмпирическое, привходящее, она является скорѣе прирожденной формой познанія. Гамильтонъ стоитъ такимъ образомъ на Кантовской точкѣ зрѣнія и полемизируетъ со сторонниками генетизма, въ томъ пунктѣ, гдѣ послѣдніе утверждаютъ, что протяженность можетъ быть отдѣлена отъ цвѣта, что протяженность можетъ быть выведена изъ ощущеній цвѣта, что протяженность есть нѣчто производное. Разсужденія Гамильтона очень интересны. Свое положеніе онъ обосновываетъ слѣдующимъ образомъ. Если вы, какъ психологъ, утверждаете, что глазъ обладаетъ способностью воспринимать цвѣта, вы eo ipso должны допустить, что онъ обладаетъ и способностью различать пространство; другими словами, цвѣтъ и протяженность не отдѣлимы другъ отъ друга. Предположимъ, что вамъ дана цвѣт-

ная поверхность. Вы смотрите на нее и находите, что глазъ отличаетъ одинъ цвѣтъ отъ другого. Если одинъ цвѣтъ отличается отъ другого, то это значитъ, что они соприкасаются другъ съ другомъ, слѣдовательно, между ними есть опредѣленная граница, а граница есть нѣчто протяженное. Цвѣтъ же, находящійся кругомъ другого, на самомъ дѣлѣ, даетъ линію, возвращающуюся къ самой себѣ - т.е. фигуру. Итакъ, если вы допускаете, что глазъ отличаетъ одинъ цвѣтъ отъ другого, то eo ipso, вы должны допустить, что глазъ отличаетъ первоначально и протяженность. Отсюда слѣдуетъ, что **цвѣтъ неотдѣлимо связанъ съ протяженностью.** Вотъ разсужденіе, которое противопоставляетъ Гамильтонъ психологамъ эмпиристамъ.

Надо замѣтить однако, что въ англійской психологіи Гамильтонъ и его послѣдователи занимаютъ сравнительно невидное мѣсто, потому что главнымъ теченіемъ все же было эмпиристическое.

Въ нѣмецкой психологіи нативистическое движеніе выросло въ 19 в. въ связи съ физіологическими ученіями. Въ этомъ отношеніи мы должны отдать должное физіологу Герингу.

Ученіе нативизма у Геринга проявляется въ болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ у кого бы то ни было. По мнѣнію Геринга, качество вещей мы ощущаемъ такимъ же способомъ, какъ ощущаемъ и протяженность. До сихъ поръ говорили, что протяженность

воспринимается; Герингъ же наоборотъ, заявляетъ, что она ощущается такъ же, какъ всѣ другія качества. Какъ мы ощущаемъ цвѣтъ, звукъ и т. д., такъ ощущаемъ мы и протяженность. Кромѣ того нельзя считать, что первоначальнымъ является лишь плоскостная протяженность. По мнѣнію Геринга мы ощущаемъ протяженность со всѣми ея свойствами; не только протяженность въ плоскостномъ измѣреніи, но и въ глубину, т. е. зрительное ощущеніе съ самаго начала имѣетъ 3 измѣренія: или бываетъ пространственнымъ. Слѣдовательно, какъ только глазъ видитъ протяженность, онъ ее видитъ въ трехъ измѣреніяхъ. Это утвержденіе очень важно. До сихъ поръ даже плоскостную протяженность считали производной, а теперь непосредственно ощущаемый считается протяженнымъ въ три измѣренія. Глазъ по природѣ, безъ всякихъ дополнительныхъ средствъ, безъ особыхъ пріемовъ, безъ добавленія мускульнаго чувства воспринимаетъ протяженность въ три измѣренія. Такое утвержденіе казалось очень смѣлымъ и нуждалось въ подтвержденіи съ помощью примѣровъ. Герингъ и приводитъ многочисленные примѣры, иллюстрирующіе это положеніе. Если мы закроемъ глаза, то будемъ ощущать темноту. Теперь спрашивается можетъ она имѣть характеръ плоскостной? Или она предстовляетъ нѣчто имѣющее три измѣренія? По мнѣнію Геринга она имѣетъ три измѣренія. Въ этомъ случаѣ мы видимъ передъ собою не черную плоскость вродѣ стѣны, а пространство, наполненное темнотой. Если вы посмотрите въ темный ящикъ, вы увидите темноту; которая совершенно напоминаетъ послѣдній. Слѣдо-

вательно, эту темноту мы видимъ не просто, какъ темный цвѣтъ стѣнки ящика. Это не плоскостная темнота, а темнота въ три измѣренія. Стало быть, глазъ можетъ ощущать цвѣтъ сразу, непосредственно въ три измѣренія. Когда въ сумерки спускается темнота" то она ложится не только на предметы, но также между нами и предметами, такъ что въ концѣ концовъ, совершенно закрываетъ предметы и одна только наполняетъ пространство". Въ силу этихъ соображеній Герингъ и высказывается въ томъ смыслѣ, что у насъ нѣтъ зрительныхъ ощущеній, которыя не обладали бы протяженнымъ характеромъ, не были бы протяженными. Значитъ протяженность о щ у щ а е т с я, подобно другимъ качествамъ вещей, Герингъ прямо и говоритъ объ ощущеніи протяженности, Raumempfindung ?

Взглядъ Геринга встрѣтилъ сочувствіе въ средѣ психологовъ, хотя надо помнить, что теченіе въ пользу нативизма шло и независимо отъ физіологіи, въ которой оно нашло подтвержденіе. Но этого еще было недостаточно: надо было эту гипотезу, по которой качество протяженности тождественно съ другими качествами, провести дальше; надо было указать, что не только наши ощущенія цвѣта, осязательныя ощущенія, имѣютъ протяженный характеръ, ибо мы ощущаемъ протяженность при помощи осязательнаго и зрительнаго аппарата. Но если утверждается, что качество протяженности ощущается непосредственно, то можно пойти дальше и сказать, что протяженность присуща не только цвѣтовымъ и осязательнымъ ощущеніямъ, а всѣмъ, какимъ бы то ни было ощущеніямъ. Такой выводъ и сдѣлали нѣмецкій психо-

логъ Штумфъ, а также Джэмсъ и др.

Штумфъ является виднымъ представителемъ современныхъ психологовъ нативистовъ. Онъ давно уже, въ 1873 г. написалъ сочиненіе, способствовавшее распространенію нативистическихъ идей. Качество протяженности онъ считаетъ присущимъ не только зрительнымъ и осязательнымъ ощущеніямъ, но идетъ дальше и утверждаетъ, что протяженность присуща всѣмъ ощущеніямъ. Разумѣется, если онъ считаетъ, что протяженность присуща всѣмъ ощущеніямъ, то не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы говорить подобно англійскимъ психологамъ, что цвѣтъ отдѣлимъ отъ протяженности, что цвѣтъ можно мыслить безъ протяженности. По мнѣ Штумфа, подобное предположеніе недопустимо: цвѣтъ и протяженность не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга. Чтобы выяснить отношеніе цвѣта и протяженности другъ къ другу въ представленіи, по мнѣнію Штумфа, надо рѣшить вопросъ о ихъ содержаніяхъ. По отношенію къ ихъ представимости всѣ психическія содержанія, переживанія обладаютъ той особенностью, что или могутъ быть представляемы отдѣльно другъ отъ друга, или не могутъ. Первыя Штумфъ называетъ самостоятельными содержаніями, а вторыя - частными. Самостоятельными содержаніями являются цвѣтъ и звукъ, запахъ и вкусъ. Ихъ я могу мыслить отдѣльно. Я могу мыслить запахъ отдѣльно отъ вкуса, цвѣтъ отдѣльно отъ звука. Какъ содержанія, они имѣютъ самостоятельный характеръ. Но если я возьму какое нибудь ощущеніе, въ которомъ отмѣчу качество, интенсивность, протяжен-

ность, то эти три момента въ ощущеніи таковы, что ихъ можно отдѣлить другъ отъ друга только in abstracto. Возьмемъ звукъ: онъ имѣетъ извѣстное качество, интенсивность. Только въ умѣ качество можетъ быть отдѣлено отъ интенсивности, но реально нѣтъ: интенсивность есть интенсивность качества, а качество есть качество того, чему принадлежитъ извѣстная интенсивность.

Если психологъ допускаетъ различіе между самостоятельными и несамостоятельными содержаніями, то, конечно, протяженность по отношенію къ другимъ содержаніямъ нельзя мыслить какъ нѣчто самостоятельное. Англійскіе психологи думали какъ разъ, что протяженность есть нѣчто самостоятельное. Теперь оказывается, что могутъ быть содержанія, которыя неотдѣлимы другъ отъ друга, они не самостоятельны и представляютъ частныя содержанія. - Teilinhalte; я предлагаю переводить этотъ терминъ черезъ частныя содержанія, т.е. содержанія, которыя самостоятельно существовать не могутъ. Качество ощущенія, интенсивность и протяженность составляютъ одно неразрывное содержаніе. Нельзя ни въ коемъ случаѣ отдѣлить протяженность отъ цвѣта, осязательнаго качества, а если допустить, что протяженность присуща и звукамъ, то, слѣдовательно, качество, и интенсивность, и протяженность - всѣ вмѣстѣ составляютъ три стороны одного явленія, въ данномъ случаѣ ощущенія.

Въ теоріи Штумфа мы находимъ психологическое выраженіе того, какъ должно понимать, что такое протяженность. По ученію англійскихъ психологовъ надо взять цвѣта, двигатель-

ныя ощущенія и другія, соединить ихъ и въ результатѣ соединенія получится качество протяженности. По ученію нативистовъ создать протяженность изъ другихъ ощущеній нельзя. Это есть одна сторона ощущенія, одинъ "моментъ" ощущенія. Протяженность, по мнѣнію Штумфа, должны быть ощущаема подобно тому, какъ ощущается интенсивность, качество. Поэтому нельзя выводить протяженность изъ того, что не есть протяженность.

Штумфъ идетъ еще дальше, и это необычайно важно. Онъ ставитъ такой вопросъ. Мы рѣшили, что протяженность есть одинъ изъ моментовъ ощущенія. Если мы возьмемъ листъ бѣлой бумаги, на которомъ мы можемъ отличить одно мѣсто отъ другого, Штумфъ спрашиваетъ, какимъ способомъ можно отличать одно мѣсто отъ другого? Есть ли это продуктъ сложнаго умозаключенія, построенія или совсѣмъ элементарный процессъ? Чрезвычайно любопытно, какъ рѣшаетъ вопросъ самъ Штумфъ. Онъ говоритъ, что это есть процессъ элементарный: мѣсто въ одномъ случаѣ и мѣсто въ другомъ нами просто ощущаются. Для каждаго отдѣльнаго мѣста есть особое ощущеніе. Подобно тому, какъ мы отличаемъ красный цвѣтъ отъ зеленаго при помощи ощущенія, такъ же мы ощущаемъ и различіе между однимъ мѣстомъ и другимъ. То или другое мѣсто мы различаемъ, но это является продуктомъ простого ощущенія. Мы ощущаемъ различныя мѣста, ощущаем и третье измѣреніе. По мнѣнію Штумфа, у насъ въ нашихъ ощущеніяхъ имѣется на лицо качество протяженности: ощущенію темноты присуще качество протяженности, ощущеніе боли въ качествѣ момента содержитъ протяженность; вкусъ, запахъ и т.п., всѣ имѣютъ протяжен-

ность. Если возьмемъ тонъ, то и онъ имѣетъ свойство протяженности и даже въ три измѣренія. Ощущая извѣстный тонъ, мы различаемъ выше онъ или ниже и т.д. Далѣе тоны ощущаются локализированными, они ощущаются на разстояніи периферическаго нервнаго окончанія. Въ нихъ мы различаемъ также два мѣста, лѣваго и праваго уха. Слышимое же мѣсто протяженно, какъ и всякое другое

Если мы разсмотримъ всѣ ощущенія, то найдемъ, что всѣмъ ощущеніямъ присуща протяженность. Если же всѣ чувственныя содержанія ощущаются пространственно, то можно вмѣстѣ съ Аристотелемъ разсматривать пространство какъ истинное αἰσθητὸν κοινόν.

Изъ этого ясно, что Штумфъ признавалъ тождество протяженности, присущей всѣмъ ощущеніямъ.

Здѣсь возникаетъ вопросъ громадной теоретической важности. Мы согласны, положимъ, что зрительнымъ ощущеніямъ присуща протяженность, осязательнымъ, звуковымъ ощущеніямъ тоже присуща протяженность. Исходя изъ того, что всѣмъ ощущеніямъ присуща протяженность, мы должны поставить вопросъ: одинакова или различна протяженность, присущая зрительнымъ ощущеніямъ, осязательнымъ, звуковымъ и т.д.? На этотъ вопросъ Штумфъ даетъ отвѣтъ, но отвѣтъ далеко не всѣхъ могущій удовлетворить. У него самого замѣчается здѣсь нѣкоторое колебаніе: въ сочиненіи 1873 г. онъ высказывается за то, что протяженность вездѣ тождественна; въ другомъ сочиненіи, вышедшемъ черезъ 10 лѣтъ, онъ отвергаетъ тождество, во 2-мъ томѣ, вышедшемъ черезъ 6 - 7 лѣтъ

послѣ перваго, онъ возвращается къ своему первоначальному взляду. Ясно отсюда, насколько труденъ вопросъ, если самъ авторъ, посвятившій столько времени изученію этой проблемы, такъ колеблется. Вопросъ дѣйствительно необычайно трудный. Разсмотрѣвъ, что такое протяженность, и придя къ выводу, что это есть одна сторона ощущенія, Штумфъ въ концѣ концовъ все же считаетъ, что протяженность, присущая цвѣтовымъ ощущеніямъ и ощущеніямъ звуковымъ, одна и та же.

У Штумфа есть буквально слѣдующее выраженіе: возьмите два тона, -самый низкій басовой и самый высокій-самую послѣднюю октаву на фортепьяно, напримѣръ, и сравните объемъ того и другого тона. Вы увидите, что имъ по существу присуща своеобразная протяженность. Здѣсь не можетъ быть никакого сомнѣнія. Если вамъ приходилось присутствовать въ церкви и слышать органъ, вы могли подмѣтить, что низкіе тоны его такъ объемисты, что заполняютъ все пространство, все загромождаютъ собой. Или возьмите высокій тонъ. Въ обиходной жизни мы часто говоримъ о тонкомъ голосѣ; и здѣсь, слѣдовательно, есть понятіе тонкости, малой пространственности. Стоитъ сравнить тончайшіе тоны октавы, 7 разъ подчеркнутой, и тонъ камертона С. Говоря о первыхъ, Штумфъ употребляетъ терминъ nadelspitze feine Töne. Ясно, что это не случайно вырвавшееся выраженіе, а продуктъ многолѣтнихъ размышленій, когда онъ говоритъ, что тонамъ, звукамъ присуща своя собственная протяженность.

Возникаетъ вопросъ: признаетъ ли Штумфъ протяженность

различныхъ ощущеній тождественной или нѣтъ? По его мнѣнію протяженность имѣетъ гомогенный характеръ. Это онъ доказываетъ слѣдующими соображеніями. Онъ говоритъ, протяженность гомогенна, однородна; это явствуетъ уже изъ того, что прозрѣвшіе слѣпорожденные узнаютъ соотвѣтствіе между протяженностью, которую они сейчасъ видятъ, и протяженностью, являющейся результатомъ осязательнаго опыта.

Такіе случаи дѣйствительно бывали, но они такъ мало тщательно записаны, что ссылаться на нихъ нельзя. Приходится, слѣдовательно, довольствоваться соображеніями теоретическаго характера. Если признать, что протяженность присуща всѣмъ ощущеніямъ, вопросъ относительно того, гомогенна она или гетерогенна, остается открытымъ. Но гомогенность эту Штумфъ долженъ былъ признать потому, что иначе вся его теорія физической обоснованности пространственнаго качества должна была бы неминуемо пасть.

Перехожу теперь къ послѣднему крупному нативисту, американскому психологу Джэмсу, который оказался самымъ радикальнымъ изъ всѣхъ нативистовъ, пошелъ значительно дальше Штумфа и приближается скорѣе всего къ Герингу.

Онъ является болѣе радикальнымъ, чѣмъ всѣ другіе сторонники нативизма, потому что признаетъ безъ всякихъ ограниченій и исключеній по отношенію ко всѣмъ ощущеніямъ, что всѣ они обладаютъ качествомъ протяженности.

Первоначально въ каждомъ ощущеніи содержится элементъ

протяженности, который сначала находится въ недифференцированномъ состояніи, т.е. содержитъ всѣ качества протяженности: поверхность, протяженность и т.д. Этотъ элементъ протяженности Джэмсъ называетъ особымъ терминомъ, -элементомъ объемистости. Когда мы говоримъ, что звуки протяженны, или что тоны протяженны, наши представленія какъ бы заимствуются изъ зрительной области и переносятся на область тоновъ. Но Джэмсъ думаетъ, что всѣмъ ощущеніямъ присущъ элементъ объемистости, что это есть аналогъ протяженности. Слѣдовательно всѣмъ ощущеніямъ присущъ этотъ элементъ протяженности въ такой же степени, какъ и интенсивность.

Возьмемъ раскатъ громового удара и скрипѣніе грифеля, что изъ нихъ объемистѣе? Чему принадлежитъ большая объемистость? Конечно, ударъ грома болѣе объемистъ, чѣмъ скрипѣніе грифеля. Слѣдовательно, это и есть тотъ элементъ протяженности, который ощущается нами. Вхожденіе въ теплую ванну должно давать болѣе массивное ощущеніе, чѣмъ уколъ булавки. Оба ощущенія осязательныя, но разница между объемистостью того и другого бросается въ глаза. Невральгическая боль на лицѣ тонкая, какъ паутина, кажется менѣе протяженной, чѣмъ боль въ поясницѣ. Оттого только, что тамъ и здѣсь элементъ объемистости, массивности, элементъ массы отличается другъ отъ друга, мы считаемъ одинъ болѣе протяженнымъ, чѣмъ другой. Онъ говоритъ дальше: Эпитетъ "острый", придаваемый классу кислотъ, показываетъ, что въ томъ ощущеніи, которое онѣ производятъ,

мы, повидимому, имѣемъ дѣло съ чѣмъ то тонкимъ и какъ бы колючимъ, между тѣмъ какъ другіе запахи и вкусы кажутся больше и крупнѣе. Крупный запахъ напоминаетъ сравненіе, отовсюду осмѣянное, но мысль Джэмса сводится къ тому, что извѣстные запахи имѣютъ большую объемистость, большую массивность сравнительно съ другими, имѣющими острый характеръ. Ощущенія, получающіяся отъ внутреннихъ органовъ, бываютъ болѣе или менѣе опредѣленно объемистыми. Пресыщеніе, удушье, головная боль суть примѣры упоминаемаго явленія. Кожа и сѣтчатая оболочка суть органы, въ которыхъ пространственный элементъ играетъ наиболѣе активную роль. Возьмемъ ли мы ощущеніе цвѣта, звука, вкуса и др., вездѣ есть элементъ объемистости, хотя въ однихъ ощущеніяхъ онъ играетъ роль болѣе активную, является болѣе дифференцированнымъ, развитымъ, но въ общемъ протяженность вездѣ имѣется на лицо. Въ этомъ смыслѣ протяженность есть элементъ, присущій всѣмъ ощущеніямъ.

Подобно Штумфу и Джэмсъ, слѣдовательно, утверждаетъ, что протяженность такой же элементъ ощущенія, какъ и интенсивность.

Затѣмъ Джэмсъ приводитъ интересные примѣры, доказывающіе то положеніе, что ощущенія первоначально обладаютъ пространственными свойствами. При измѣненіи направленія вниманія въ головѣ замѣчаются какъ будто какія-то двигательныя ощущенія, т.е. такія ощущенія, которыя имѣютъ характеръ движенія, имѣ-

ютъ пространственный характеръ .

Наконецъ, протяженность, присущая ощущеніямъ, имѣетъ характеръ 3 измѣреній. Это не есть первоначально плоскостная протяженность: наоборотъ ощущенія изначала имѣютъ протяженность характера 3 измѣреній. По мнѣнію Джэмса, даже въ самой кожѣ есть неопредѣленная форма проекціи въ третье измѣреніе: если у насъ есть ощущеніе теплоты, она кажется находящейся не только противъ поверхности кожи, но будучи передана воздухомъ, она кажется распространяющейся болѣе или менѣе отъ поверхности въ третье измѣреніе окружающаго пространства, какъ будто проецируется. Итакъ, въ ощущеніяхъ изначала есть протяженность въ три измѣренія, которая представляетъ изъ себя нѣчто недифференцированное. Лишь впослѣдствіи, благодаря опыту, она дифференцируется и принимаетъ форму развитого пространственнаго представленія, которое имѣется въ зрительномъ ощущеніи; первоначально она имѣетъ характеръ массивности.

Теорію нативизма можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: по мнѣнію нативистовъ протяженность есть качество, ощущаемое такъ же непосредственно, какъ ощущаются всѣ остальныя качества, вслѣдствіе этого она имѣетъ характеръ непроизводный. Различіе нативистовъ отъ генеристовъ ясно: первые говорятъ, что протяженность качество первоначальное, непроизводное, неразложимое не на что; вторые полагаютъ, что протяженность есть нѣчто производное, разложимое на части - цвѣтъ,

мускульное ощущеніе и т.д.

У насъ возникаетъ теперь вопросъ о томъ, которая изъ этихъ двухъ теорій, теорія производности или непроизводности, можетъ считаться наиболѣе вѣрной.

Прежде всего я долженъ указать, что попытки вывести протяженность изъ того, что не имѣетъ въ своемъ содержаніи протяженности, кажутся мало вѣроятными, потому что протяженность кажется намъ непосредственно воспринимаемымъ качествомъ. То, что протяженность непосредственно воспринимается, можетъ быть, является утвержденіемъ, не имѣющимъ доказательнаго характера, Но изъ доказательствъ, которыя приводятся англійскими и нѣмецкими психологами генетистами, мы увидимъ, что ихъ попытки представляются неудачными. Вы помните, какъ разсуждалъ Бэнъ, Г. Спенсеръ, Д.С.Милль и вообще психологи эмпиристы англійской школы. Всѣ они говорили: первоначальный исходный пунктъ воспріятія есть временная продолжительность, длительность, послѣдовательность. Если эта послѣдовательность совершается въ двухъ направленіяхъ, если происходитъ движеніе, развертываніе порядка a b c d e f сначала въ одномъ направленіи, затѣмъ въ другомъ, обратномъ направленіи, то порядокъ, бывшій послѣдовательнымъ, становится сосуществующимъ. Отчего происходитъ то, что бывшее послѣдовательнымъ при воспріятіи въ обратномъ порядкѣ дѣлается одновременнымъ, сосуществующимъ, какъ мы это имѣемъ въ протяженности, это кажется маловѣроятнымъ, безъ доказательнымъ.

Они говорятъ: возьмите зрительныя, осязательныя и мускульныя ощущенія; вслѣдствіе продолжительной ассоціаціи этихъ элементовъ, они связались, и въ результатѣ этой ассоціаціи даютъ то, что называется протяженностью. Какъ доказать это? Возьмемъ цвѣтъ: фактически цвѣтъ не отдѣлимъ отъ протяженности. Это происходитъ оттого, что они были постоянно другъ съ другомъ связаны, вслѣдствіе этого получилась такая неразрывная ассоціація между цвѣтомъ и протяженностью. Это разсужденіе сразу кажется удивительно мало обоснованнымъ. Сторонники теоріи производности этимъ примѣромъ хотятъ доказать производность протяженности и, слѣдовательно, отвѣчаютъ на вопросъ, отчего зрительныя ощущенія связаны съ протяженностью. Они говорятъ: была продолжительная ассоціація, въ результатѣ которой получилось то, что мы теперь зрительныя ощущенія не можемъ оторвать отъ протяженности. Но по смыслу ассоціаціи, когда она дѣлается неразрывной связью, какова постоянная связь протяженности и зрительныхъ ощущеній, выходитъ, что протяженность существовала уже раньше въ качествѣ протяженности. Слѣдовательно ихъ доказательство должно быть признано неудачнымъ и примѣненіе неразрывной ассоціаціи въ воспріятіи протяженности должно быть признано не достаточно обоснованнымъ.

И у нѣмецкихъ психологовъ въ томъ числѣ и у Вундта, мы встрѣтимся съ той же трудностью. И Вундтъ тоже дѣлаетъ попытку вывести протяженность изъ того, что не есть протяженность.

Вы помните его разсужденія: Надо взять зрительныя, мускульныя ощущенія; если они съ помощ ю ассоціативной связи сольются, то въ продуктѣ получится протяженность, которая не есть мускульное ощущеніе, не есть зрительное ощущеніе. Изъ двухъ элементовъ получается третій, не похожій ни на одинъ изъ первыхъ двухъ. Вундтъ указываетъ, что аналогія подобная этому слiянію можетъ быть найдена въ психическомъ процессѣ слiянія звуковъ. Такъ въ музыкѣ основной тонъ и обертоны тѣсно сливаются, такъ что наличные обертоны при помощи сознанія могутъ быть не покрыты. Такое тѣсное слiяніе, синтезъ между однимъ и другимъ тономъ является образцомъ возможности слiянія. Слiяніе зрительныхъ и мускульныхъ ощущеній въ результатѣ дастъ протяженность.

Противъ этого можно возразить, что приводимый имъ примѣръ слiянія въ области звуковыхъ ощущеній сюда не подходитъ потому, что здѣсь нѣтъ аналогіи. Вундтъ приводитъ примѣръ слiянія, гдѣ элементы не могутъ быть раскрыты, но все же они имѣются на лицо, а иногда даже могутъ быть и раскрыты: обертоны можно иногда раскрыть даже безъ помощи особыхъ пріемовъ, а съ помощью сознанія. Это слiяніе не напоминаетъ химическаго слiянія, о которомъ идетъ рѣчь, гдѣ изъ двухъ элементовъ создается третій, не похожій ни на одинъ изъ данныхъ. Въ чемъ же погрѣшаетъ Вундтъ ? Если мы беремъ психическое слiяніе - слiяніе тона и обертоновъ, то они сливаются, но каждый элементъ сохраняетъ полную самостоятельность. Мы не можемъ съ

помощью сознанія выдѣлить ихъ, но у насъ въ сознаніи все-таки находятся эти обертоны, которые ни во что не превращаются, не измѣняются. По теоріи Вундта, когда онъ хочетъ вывести протяженность изъ зрительныхъ и мускульныхъ ощущеній, они должны во что- то превратиться, измѣниться, чтобы въ суммѣ получилась протяженность, нѣчто абсолютно отличное отъ зрительныхъ и мускульныхъ ощущеній. Итакъ, по смыслу теоріи Вундта эти два элемента должны во что - то превратиться, а такое превращеніе не имѣетъ никакой аналогіи. Мы ничего не знаемъ о такомъ совершенномъ превращеніи ощущеній. Въ этомъ смыслѣ доказательства приводимыхъ имъ геометрическихъ иллюзій не имѣютъ убѣдительности. Если ихъ можно объяснить иначе, чѣмъ объясняетъ Вундтъ, его теорія должна пасть. Эти соображенія оказываются мало пригодными: они не доказываютъ, чтобы протяженность можно было вывести изъ того, что не есть протяженность.

Мы не въ состояніи объяснить, говоритъ Вундтъ, почему зрительныя и мускульныя ощущенія дают протяженность, но ихъ участіе въ созданіи протяженности несомнѣнно: если одинъ элементъ, мускульное ощущеніе, будетъ измѣняться, будетъ измѣняться и протяженность, а это указываетъ, что мускульное ощущеніе принимаетъ участіе въ созданіи протяженности.

Вообще надо сказать, что данныя, на которыя опирается Вундтъ, не являются доказательными. Съ этой стороны генетическая теорія не выдерживаетъ критики.

Есть еще одно соображеніе. Если бы можно было показать, что ощущеніе протяженности разложимо на составныя части, это было бы доказательствомъ наличности ассоціативной связи, между составными элементами протяженности и доказательствомъ производности. Но разложить протяженность въ самосознаніи на зрительныя и мускульныя ощущенія мы не можемъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ физіологовъ, которые выступили лѣтъ 10-15 назадъ, есть патологическіе случаи, гдѣ можно доказать, что зрительныя ощущенія могутъ существовать независимо отъ двигательныхъ. Это очень интересные случаи. Съ подобнымъ мнѣніемъ выступили Штриккер[x] и Экснеръ[xx]. Они говорятъ, что въ мозгу для чисто зрительныхъ ощущеній есть одинъ центръ, для чисто двигательныхъ ощущеній - другой центръ. Такимъ образомъ для зрительныхъ и мускульныхъ ощущеній есть различные центры, отъ совмѣстнаго дѣйствія ихъ получается ощущеніе протяженности. Если бы нарушилась дѣятельность двигательнаго центра, мы видѣли бы цвѣта непротяженными, какъ непротяженнымъ является ощущеніе звука. къ сожалѣнію, Штриккеръ не указываетъ ясно, имѣлъ ли мѣсто подобный случай, но говоритъ лишь о возможности подобнаго явленія. Итакъ, по его представленію у насъ въ мозгу есть два центра, но о нихъ мы знаемъ такъ мало, что на основаніи этого матеріала нельзя построить какую либо теорію.

x) Stricker. Studien über die Association d. Vorstellungen 1883.

xx) Exner. Entwurf z. einer phys. Erklärung d. psych. Ersch. 1894.

Экснеръ приводитъ больше доказательствъ. Онъ говоритъ: въ нѣкоторыхъ патологическихъ случаяхъ воспринимается только пространственная форма, тогда какъ цвѣтовое ощущеніе утрачивается и наоборотъ. Это доказательство, пожалуй, могло бы быть убѣдительнымъ, въ пользу независимости пространственныхъ ощущеній отъ цвѣтовыхъ, но только въ томъ случаѣ, если бы цвѣтовыя или двигательныя ощущенія вытѣснялись совершенно, чтобы извѣстное ощущеніе совершенно утрачивало протяженный характеръ. На дѣлѣ наблюдается только ослабленіе воспріятія формы или цвѣта. Ослабленіе того или другого еще не доказываетъ возможности полнаго отдѣленія. Между тѣмъ только послѣднее доказало бы теорію, что зрительныя и мускульныя ощущенія существуютъ отдѣльно и вмѣстѣ даютъ протяженность. Такъ какъ доказать это нельзя, то несомнѣнно, что протяженность не разложима на свои составныя части, въ данномъ случаѣ цвѣтъ и двигательныя ощущенія.

По моему это безспорно доказываетъ, что на самомъ дѣлѣ, фактически качество протяженности ни на что не можетъ быть разложено, есть первичное неразложимое свойство, т.е, такое же качество, какъ всѣ другія качества, какъ цвѣтъ, звукъ и т.д.

Если мы скажемъ, что протяженность есть неразложимое, первичное, непроизводное качество вещей, тогда намъ надо выяснить отношеніе этого неразложимаго качества вообще къ ощущенію, къ другимъ сторонамъ ощущенія, какъ это дѣлаютъ другіе нативисты. Вѣроятно, что правильно мнѣніе нативистовъ, по которому протяженность есть одна изъ сторонъ ощущенія, одинъ изъ

моментовъ ощущенія.Я бы только не всегда рѣшился такъ категорически,какъ Джэмсъ,Герингъ и Штумфъ,сказать,что протяженность присуща всѣмъ ощущеніямъ.Скорѣе лишь по отношенію къ зрительнымъ и осязательнымъ ощущеніямъ можно сказать, что протяженность есть такой же моментъ, какъ и другіе, какъ качество и интенсивность.

Можно ли болѣе или менѣе опредѣленно указать на физіологическій субстратъ, связанный съ ощущеніемъ протяженности? Мы знаемъ, что качество звука зависитъ отъ возбужденія,одного изъ волоконъ основной перепонки. Какой физіологическій субстратъ можно указать для интенсивности? Мы знаемъ, что если раздраженіе будетъ сильнѣе, ощущеніе,имѣетъ большую интенсивность.Протяженность обусловливается тѣмъ, какое количество элементовъ возбуждается,принимаетъ участіе въ ощущеніи.По отношенію къ цвѣтовой протяженности: если возбуждается большая часть сѣтчатки,получается большая протяженность,если меньшая часть - меньшая протяженность.То же самое и на поверхности кожи: если затронуто большее количество элементовъ,получается большая протяженность,Я бы сказалъ,что это справедливо по отношенію и ко всякой другой протяженности.Возьмемъ звукъ: если согласиться со Штумфомъ, что низкіе тоны объемистѣе высокихъ,эта особенность объясняется тѣмъ же самымъ,т.е. что возбуждается большее количество элементовъ. Если согласиться, что одинъ вкусъ отличается отъ другого большей объемистостью, то и это объясняется тѣмъ же - большимъ количествомъ возбужденныхъ элементовъ.

Если присоединиться къ мнѣнію тѣхъ, которые предлагаютъ считать протяженность такимъ же качествомъ, какъ и другія, вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находится протяженность къ ощущенію, можетъ быть рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что протяженность есть одинъ изъ моментовъ ощущенія.

Я не рѣшился бы говорить о протяженности обонятельныхъ, вкусовыхъ ощущеній, потому что избѣгаю рискованныхъ утвержденій, хотя подобное утвержденіе существуетъ: Джэмсъ, какъ мы уже видѣли, приписываетъ имъ качество протяженности, какъ и другимъ ощущеніямъ.

Замѣтивъ это, мы должны сдѣлать одно очень важное разъясненіе, безъ котораго трактовать дальше проблему воспріятія пространства было бы не правильно. Говоря о протяженности, объемистости ощущеній, мы имѣемъ въ виду элементарную протяженность. Настолько такое различіе важно, вы увидите, когда я буду говорить о воспріятіи глубины, воспріятіи третьяго измѣренія. Этотъ пунктъ представляетъ большую важность, большой интересъ. Джэмсъ и Герингъ правы, утверждая, что въ первоначальномъ ощущеніи мы имѣемъ въ недифференцированномъ видѣ протяженность трехъ измѣреній. Что касается протяженности дифференцированной, то здѣсь, можетъ быть, дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Условимся считать, что существуетъ качество протяженности элементарной и протяженности развитой. Такое раздѣленіе необходимо, чтобы можно было бы объяснить воспріятіе пространства.

Чѣмъ отличается элементарная протяженность отъ развитой? Въ элементарной протяженности мы не отличаемъ частей, не локализуемъ; тогда какъ при развитой протяженности мы локализуемъ, т.е. для каждаго ощущенія мы указываемъ опредѣленное мѣсто. Скажу такъ, какъ говорилъ Джэмсъ: закрывъ глаза, мы видимъ темноту; въ ней мы не различаемъ никакихъ частей, о локализаціи вопроса быть не можетъ. Если же мы возьмемъ листъ бѣлой бумаги, то здѣсь уже мы строго локализуемъ опредѣленное то или другое мѣсто его.

Возникаетъ вопросъ: благодаря чему различаются наши части въ протяженности? благодаря чему мы локализуемъ то или другое мѣсто? благодаря чему тому или другому ощущенію мы указываемъ опредѣленное мѣсто? Эту проблему Лотце пытается рѣшить съ помощью теоріи локальныхъ знаковъ. Штумфъ говоритъ: если протяженность ощущается, то мы просто ощущаемъ мѣсто какъ мѣсто, различаемъ одно мѣсто отъ другого такъ, какъ различаемъ зеленый цвѣтъ отъ краснаго и т.п.

Мнѣ кажется, что Штумфъ не правъ, вотъ въ какомъ отношеніи: протяженность, взятая реально, не содержитъ никакихъ отличительныхъ знаковъ и мѣста сами по себѣ не могли бы различаться. Я хочу сказать слѣдующее: представимъ себѣ, что мы стоимъ передъ абсолютно гладкой поверхностью этой стѣны, напримѣръ, можно ли при абсолютной однородности этой протяженности отличить въ ней опредѣленныя мѣста или же нѣтъ? Мѣсто какъ мѣсто ничѣмъ не отличается, какъ же можно его различить? Цвѣта въ спектрѣ отличаются другъ отъ друга, но мѣ-

сто, взятое само по себѣ, отличительныхъ признаковъ не имѣетъ и не можетъ производить такого дѣйствія, чтобы мы могли его ощущать, для этого надо, чтобы мѣсту принадлежали специфическіе признаки, отличающіе его отъ другого мѣста. Эти специфическіе признаки есть локальные знаки, мѣстные знаки.

Мы должны допустить, что каждое мѣсто имѣетъ свои специфическіе знаки. Благодаря этимъ отличительнымъ знакамъ происходитъ локализація. Въ чемъ они заключаются или чѣмъ они различаются, мы не можемъ сказать опредѣленно. Мы должны допустить, что каждому зрительному ощущенію, каждому осязательному ощущенію присуще еще добавочное ощущеніе. Но въ чемъ оно состоитъ мы не можемъ отвѣтить опредѣленно при современномъ состояніи нашихъ знаній. Мы знаемъ только, что для p q r s t существуетъ добавочное специфическое ощущеніе, которое и отличаетъ одно мѣсто отъ другого. Если признать это, ясно будетъ, что называется локализаціей. Отчего мы обладаемъ способностью локализаціи? Отвѣтъ на вопросъ ясенъ, что каждому ощущенію присущъ локальный знакъ, мѣстный знакъ. Теорія Штумфа, полагающая, что мѣсто можетъ быть ощущаемо само по себѣ, не можетъ быть признана убѣдительной, потому что мѣсто само по себѣ не содержитъ никакихъ отличительныхъ признаковъ.

Для локализаціи должно быть выполнено извѣстное условіе, поставленное Лотце. А именно: надо, чтобы локальные знаки составляли опредѣленную систему, иначе мы ни въ какомъ случаѣ не будемъ въ состояніи указать ощущенію опредѣленное мѣсто.

По мнѣнію Лотце, такой системой является опредѣленная градація мускульныхъ ощущеній. Но такъ какъ по той теоріи, которую я защищаю, о мускульныхъ ощущеніяхъ рѣчи быть не можетъ, вопросъ о градаціи устраняется. Что же принять въ качествѣ системы? Если есть опредѣленные локальные знаки, система образуется вслѣдствіе того, что устанавливается постоянная связь между однимъ элементомъ и другимъ. Я говорю, что извѣстное представленіе локализуется въ извѣстномъ мѣстѣ, въ точкѣ S. Что это значитъ? Откуда это мѣсто является въ сознаніи? Что значитъ локализовать извѣстное ощущеніе? Это значитъ связать его съ другимъ ощущеніемъ, которое переживается съ нимъ въ непосредственной близости. Ощущеніе локализуется въ точкѣ S. Если бы точка существовала сама по себѣ, локализаціи быть не могло бы, но я помню, что точка S находится между точками p q r t и т.д. Воспринимая точку S, я воспринимаю и другія точки. Отчего это происходитъ? Точка S ассоціируется съ точкой r вслѣдствіе своей близости, точка S съ q и т.д., вслѣдствіе постоянной близости хорошо запоминается, потому что соотвѣтствующія точки приходятъ въ совмѣстное возбужденіе. Если раздражается точка S, что произойдетъ? Такъ какъ въ опытѣ она возникаетъ съ p q r и т.д., то она и мыслится связанной съ этими точками, связанной съ ними является въ сознаніи, воспроизводится въ сознаніи, точка S кажется помѣщенной между точками p q r t, кажется локализованной, помѣщенной въ опредѣленномъ мѣстѣ. Въ этомъ смыслѣ теорія локальныхъ зна-

ковъ должна быть признана, хотя многіе психологи, напримѣръ, Штумфъ, дѣлали попытки отбросить ее. Если поднимается вопросъ о локализаціи, объяснить ее безъ локальныхъ знаковъ нельзя, хотя природа локальныхъ знаковъ и не можетъ быть выяснена. Мысль состоитъ въ томъ, что, если признать локальные знаки, локализація можетъ быть объяснена. Самые локальные знаки безсознательны. Мы видѣли, что въ психической жизни есть элементы безсознательные, недостигающіе сознательности, не раскрывающіеся въ сознаніи, но это не значитъ еще, чтобъ они не находились въ душевной жизни.

Теперь передъ нами стоитъ вопросъ, одинъ изъ самыхъ трудныхъ въ психологіи: протяженность, присущая зрительнымъ и осязательнымъ ощущеніямъ, одна и та же или разная? Какъ отвѣтить на этотъ вопросъ ? Если мы признаемъ, что протяженность присуща тонамъ, то можно спросить, что это та же протяженность, какъ протяженность цвѣта или другая ? Этотъ вопросъ мы можемъ поставить, разъ мы говоримъ, что зрительныя ощущенія протяженны, что осязательныя ощущенія тоже протяженны. Отвѣтить можно только съ той точки зрѣнія, которую защищаю я: нельзя говорить ни о гомогенности, ни о гетерогенности, ибо она одновременно и гомогенна и гетерогенна. Возьмемъ осязательное и звуковое ощущеніе: оба имѣютъ интенсивность и могутъ имѣть одинаковую интенсивность: звукъ можетъ быть очень интенсивнымъ и прикосновеніе тоже. Что интенсивность ихъ одинаковая или разная? Содержаніе ощущеній разное и потому вопросъ о гомогенности или гетероген-

ности не можетъ быть разрѣшенъ, нельзя сказать тождественна она или нетождественна. Я устраняю этотъ вопросъ совсѣмъ, потому что онъ не умѣстенъ. Другое дѣло, если мы поставимъ вопросъ о томъ, что геометрія слѣпого и геометрія зрячаго одна и та же или нѣтъ? Конечно, одна и та же, но то, что относится къ геометріи, не относится къ качеству протяженности. Вотъ отвѣтъ, который можно дать на вопросъ о геометріи и геометрическомъ качествѣ протяженности.

Теперь мы должны разсмотрѣть одно изъ доказательствъ генетической школы, что мышечныя ощущенія есть безспорный факторъ протяженности. Вундтъ доказываетъ это съ помощью зрительныхъ иллюзій. Мы убѣдимся въ слѣдующей лекціи, что они не говорятъ въ пользу генетизма.

Г Л А З О М Ѣ Р Ъ И И Л Л Ю З І И З Р Ѣ Н І Я .

Лекція 4- ая.

Мы видѣли, что по мнѣнію генетистовъ, сѣтчатая оболочка глаза само по себѣ можетъ воспринимать только Ц В Ѣ Т А, которые не пространственны, а интенсивны, т.е. обладаютъ большею или меньшею степенью напряженности. Для того, чтобы цвѣтовыя ощущенія приняли пространственную форму, къ нимъ должны присоединиться двигательныя ощущенія, происходящія отъ дѣятельности глазныхъ мускуловъ. Двигательныя ощущенія особеннымъ образомъ С Л И В А Ю Т С Я съ цвѣтовыми ощущеніями, и изъ этого сліянія получается пространственное расположеніе послѣднихъ. Эта группа психологовъ между прочимъ черпала дока-

зательство въ явленіяхъ зрительныхъ иллюзій. Ихъ мы и разсмотримъ въ настоящей лекціи.

Считаемъ не лишнимъ напомнить нѣкоторыя элементарныя свѣдѣнія изъ физіологической оптики. Глазное яблоко приводится въ движеніе шестью мышцами, а именно: нижней, прямой, верхней прямой, внутренней прямой и наружной прямой, и наконецъ нижней косой и верхней косой. Прямая наружная мышца вращаетъ глазъ наружу, прямая внутренняя внутрь; обѣ эти мышцы мало отличаются по объему другъ отъ друга, вслѣдствіе чего и двигательныя ощущенія при одинаковомъ вращеніи глаза внутрь и наружу приблизительно одинаковы. Вверхъ глазъ движется главнымъ образомъ посредствомъ верхней прямой, но въ этомъ ей помогаетъ нижняя косая; внизъ глазъ приводится въ движеніе нижней прямой, которой помогаетъ верхняя косая. Есть разница между распредѣленіемъ силъ тѣхъ мускуловъ, которые движутъ глазъ внутрь и наружу, и тѣхъ, которые движутъ вверхъ и внизъ; именно напряженіе, нужное для того, чтобы произвести движеніе глаза вверхъ и внизъ, въ общемъ больше, чѣмъ напряженіе, которое необходимо для такого же движенія внутрь или наружу.

Что же дѣлается съ нашимъ органомъ зрѣнія, когда мы желаемъ воспринять какую-нибудь линію или какія-нибудь двѣ отдѣльно стоящія точки? Глазъ долженъ одну изъ данныхъ точекъ отнести въ поле яснаго зрѣнія или въ фиксаціонную точку, затѣмъ то же самое долженъ сдѣлать и съ другой. Для просто-

ты мы предположимъ, что одна изъ точекъ падаетъ въ желтое пятно, а для воспріятія другой глазное яблоко должно повернуться на извѣстный уголъ или должно совершить извѣстное д в и ж е н і е. Для того, чтобы произвести это движеніе, нужно, конечно, извѣстное н а п р я ж е н і е мускуловъ, и чѣмъ больше та линія, которую мы желаемъ воспринять, тѣмъ это движеніе должно быть больше, т.е. это движеніе складывается изъ бо́льшаго количества отдѣльныхъ напряженій, а количество напряженія и является указателемъ величины разстоянія между двумя точками.

Какъ мы сказали, двигательное ощущеніе сливается со свѣтовымъ и даетъ то, что мы называемъ протяженностью, разстояніемъ и т.п.

Въ то время, какъ мы воспринимаемъ какое-либо протяженіе, мы совершенно не сознаемъ никакихъ двигательныхъ ощущеній. Какъ же мы говоримъ, что эти ощущенія производятъ то, что цвѣтовыя ощущенія располагаются въ пространственный порядокъ, если мы ихъ вовсе не сознаемъ? На это возраженіе можно отвѣтить, что не слѣдуетъ смѣшивать двухъ различныхъ явленій: то, о т д ѣ л ь н а г о существованія чего мы не сознаемъ, можетъ и не быть совершенно безсознательнымъ. Двигательное ощущеніе мы отдѣльно отъ другихъ ощущеній воспринимать не можемъ, но это не служитъ для насъ основаніемъ совсѣмъ отрицать его. Вѣдь со всякимъ сложнымъ ощущеніемъ происходитъ то же самое: оно состоитъ изъ элементовъ; каждый изъ элементовъ, взятый въ отдѣльности, не сознается, но своимъ присутствіемъ

онъ такъ или иначе в л і я е т ъ на ц ѣ л о е; то же самое и съ двигательными ощущеніями: сами по себѣ они не сознаются, но на цѣлое оказываютъ то или другое вліяніе.

Такъ какъ мы не можемъ непосредственно, путемъ сознанія, опредѣлить, участвуютъ ли двигательныя ощущенія въ воспріятіи пространства или нѣтъ, то мы можемъ употребить косвенный способъ: именно мы постараемся опредѣлить, не измѣняется ли воспріятіе пространства, когда измѣняется качество двигательнаго ощущенія. Если мы покажемъ, что между тѣмъ и другимъ явленіемъ есть извѣстная связь, то это будетъ для насъ основаніемъ предположить, что двигательныя ощущенія играютъ ту важную роль въ воспріятіи пространства, о которой мы говорили. Сторонники этой послѣдней теоріи приводятъ двѣ категоріи явленій, по ихъ мнѣнію доказывающихъ ее, а именно глазомѣръ и зрительныя иллюзіи.

Глазомѣромъ называется способность оцѣнивать разстоянія. Напримѣръ, дается линія опредѣленной длины и требуется провести другую ей равную; точность оцѣнки указываетъ на точность глазомѣра. Были производимы опыты съ цѣлью опредѣлить, имѣетъ-ли законъ Вебера примѣненіе въ области глазомѣра.

Для опредѣленія примѣнимости закона Вебера къ глазомѣру нарисуемъ двѣ равныхъ горизонтальныхъ прямыхъ линіи и заставимъ наблюдателя, который не знаетъ отношенія величинъ линій опредѣлять, кажутся-ли обѣ линіи равными, или нѣтъ. Станемъ постепенно увеличивать одну изъ линій; мы можемъ дойти до такого

пункта, когда большую линію мы начинаемъ воспринимать е д в а замѣтно больше. На этомъ пунктѣ мы останавливаемся и измѣряемъ разницу обѣихъ линій. Поступая такимъ образомъ при различныхъ величинахъ сравниваемыхъ линій, мы найдемъ, что для того, чтобы воспринять разницу, нужно, чтобы эта разница ко всей линіи находилась въ опредѣленномъ отношеніи. Напр. если мы возьмемъ обѣ линіи сначала равными дециметру и станемъ постепенно увеличивать одну изъ нихъ, то разница будетъ замѣчена въ тотъ моментъ, когда она дойдетъ до 1/50 децим.; если же мы возьмемъ линіи, равныя полдециметру, то при постепенномъ увеличеніи мы замѣтимъ разницу тогда, когда она дойдетъ до 1/100 децим. Такимъ образомъ для того, чтобы разница могла быть замѣчена, она должна быть п о с т о я н н о приблизительно въ 50 разъ меньше, чѣмъ вся линія. Это значитъ, что веберовскій законъ имѣетъ приложеніе въ области глазомѣра.

Законъ Вебера примѣняется къ и н т е н с и в н ы м ъ качествамъ, а протяженность не есть что-либо интенсивное, подобно наприм. цвѣтовому качеству; поэтому кажется труднымъ объяснить веберовскій законъ въ области глазомѣра. Для объясненія его приложимости намъ нужно было бы прибѣгнуть или къ свойствамъ изображенія на сѣтчаткѣ, или къ свойствамъ двигательныхъ ощущеній.

При сравненіи разстояній въ различныхъ направленіяхъ, точность глазомѣра сильно понижается. Это можно видѣть изъ сравненія вертикальнаго и горизонтальнаго направленія. Вертикаль-

ныя разстоянія всегда намъ кажутся больше, чѣмъ равныя имъ горизонтальныя. Если начертить по глазомѣру правильную фигуру, наприм. квадратъ, равнобедренный крестъ, то всегда вертикальный размѣръ выходитъ меньше, чѣмъ горизонтальный, дѣйствительный же квадратъ кажется прямоугольникомъ съ высотой больше основанія. Чѣмъ это объяснить? По мнѣнію Вундта, эти ошибки зависятъ отъ различной степени мышечнаго напряженія, необходимаго глазу для движенія въ различныхъ направленіяхъ зрительнаго поля. Поворачиваніе глаза кверху или книзу, какъ мы видѣли, требуетъ большаго мышечнаго напряженія, чѣмъ поворачиваніе кнаружи или кнутри. Но такъ какъ мышечное напряженіе есть мѣрило проходимаго при движеніи пути, то вертикальное разстояніе кажется намъ больше равнаго ему горизонтальнаго, потому что для обмѣренія его движеніемъ требуется большее количество напряженія.

Подобныя же ошибки происходятъ и при сравненіи такихъ разстояній, изъ которыхъ одно находится въ верхней, другое въ нижней части поля зрѣнія: при этомъ мы склонны увеличивать верхнее разстояніе. Когда мы по глазомѣру дѣлимъ пополамъ вертикальную линію, то верхняя часть обыкновенно выходитъ меньше. Это явленіе также объясняется изъ распредѣленія мышечныхъ силъ на глазномъ яблокѣ. При одинаковой длинѣ поперечникъ нижней прямой мышцы больше поперечника верхней прямой. Поэтому можно допустить, что для одинаковаго движенія глаза верхняя прямая мышца нуждается въ нѣсколько болѣе сильномъ

напряженіи, чѣмъ нижняя прямая. Увеличеніе верхней части зрительнаго поля, относительно вертикальнаго размѣра наблюдается также въ слѣдующихъ случаяхъ. Въ буквѣ S или въ цифрѣ 8 обыкновеннаго печатнаго шрифта обѣ половины, какъ верхняя, такъ и нижняя, кажутся почти одинаковой величины, но если поставить ихъ верхомъ книзу, то разница будетъ весьма замѣтна.

Намъ кажутся большими тѣ разстоянія, которыя измѣряются глазомъ путемъ непрерывной фиксаціи, т.е., въ которыхъ для глаза данъ рядъ фиксаціонныхъ точекъ, - чѣмъ разстоянія безъ такихъ точекъ. Возьмемъ, напримѣръ, прямую линію и на продолженіи ея точку, отстоящую отъ одного конца линіи на разстояніи, равномъ длинѣ всей линіи (рис.20). Разстояніе точки отъ линіи будетъ казаться меньше длины линіи.

Если взять линію, раздѣленную пополамъ, одну половину разбить на мелкія части, а другую оставить нераздѣленною (см. рис. 21)., то первая половина будетъ казаться больше другой. Если плоскость одного квадрата раздѣлена горизонтальными линіями, а другого вертикальными (см. Рис; 22), то въ первомъ случаѣ будетъ казаться больше вертикальный размѣръ фигуры, во второмъ - горизонтальный. Поэтому косая линія ab при входѣ въ квадратъ и при выходѣ изъ него кажется нѣсколько изогнутой. Если изъ двухъ угловъ одинаковой величины одинъ раздѣленъ линіями на нѣсколько меньшихъ угловъ, то послѣдній будетъ казаться больше перваго нераздѣленнаго угла.

Изъ двухъ прямыхъ угловъ раздѣленный уголъ предетавляетея больше нераздѣленнаго, а горизонтальная прямая кажется нѣсколько надломленною въ вершинѣ угловъ, какъ если бы

оба угла вмѣстѣ составляли болѣе180° (см. рис.23). Это же подтверждается многими примѣрами изъ обиходной жизни. Напримѣръ, пустая комната кажется меньшей, чѣмъ наполненная мебелью стѣна, покрытая обоями, кажется большей, чѣмъ однообразно окрашенная; дамскія одежды съ поперечными полосками заставляютъ фигуру казаться высокой. Какъ объяснить всѣ эти явленія? По мнѣнію Вундта, зависимость глазомѣра отъ выполненія разстояній линіями и фиксаціонными точками объясняется всего проще двигательными ощущеніями. Казалось бы, все равно, сдѣлаемъ -ли мы глазомъ по линіи, по ряду точекъ, или ведемъ взглядомъ по пустому промежутку, потому что вѣдь мышечное напряженіе для даннаго разстоянія всегда одинаково. Тѣмъ не менѣе при сравненіи этихъ различныхъ случаевъ мы чувствуетъ разницу.

Надо думать, что, повидимому, труднѣе фиксировать линію, слѣдуя за нею взглядомъ, чѣмъ охватить то же разстояніе однимъ взглядомъ. Причина этого заключается въ томъ, что при свободномъ взглядѣ движенія глаза совершаются по путямъ, наиболѣе удобнымъ въ механическомъ отношеніи, тогда какъ фиксированіе линій прослѣживаніемъ по длинѣ ихъ связано съ нѣкоторымъ усиліемъ. Если вмѣсто линіи для фиксированія данъ рядъ отдѣльныхъ точекъ, то все движеніе какъ бы складывается изъ ряда отдѣльныхъ незначительныхъ движеній, и такое толчкообразное движеніе требуетъ, конечно, большаго напряженія, чѣмъ непрерывное передвиженіе фиксирующаго глаза.

Изъ того, что наполненные промежутки кажутся большими, чѣмъ не наполненные, объясняется цѣлый рядъ другихъ иллюзій. Такъ, напримѣръ, острый уголъ въ сравненіи съ тупымъ есть как бы нѣчто болѣе заполненное, потому что въ тупомъ углѣ глазу приходится проходить большее пустое пространство; оттого, по мнѣнію Вундта, острый уголъ кажется больше, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ, объясняемыхъ тѣмъ фактомъ, что мы считаемъ тупые углы меньшими, острые большими, чѣмъ въ дѣйствительности. На черт. 24(см. черт. 24) , вслѣдствіе того, что углы, образуемые сторонами вписаннаго квадрата этой фигуры и дугами круга, кажутся больше дѣйствительнаго, каждая изъ четырехъ дугъ круга представляется сильнѣе изогнутою, какъ будто бы онѣ принадлежали кругу меньшаго радіуса; вмѣстѣ съ тѣмъ стороны квадрата кажутся нѣсколько вогнутыми внутрь. , Если взять другую линію , равную и параллельную другой, и затѣмъ на правой и на лѣвой сторонѣ провести симметрически наклонныя параллельныя линіи, то параллельныя линіи перестаютъ казаться параллельными, на рис. 25 (См. рис, 25) параллельныя линіи ab и cd являются расходящимися въ срединѣ., на рис. 26(См. рис. 26)., приближающимися къ срединѣ. Иллюзія здѣсь тѣмъ значительнѣе , чѣмъ острѣе взяты углы. Очевидно, иллюзія происходитъ отъ преувеличиванія острыхъ угловъ, образуемыхъ расходящимися изъ средины лучами съ параллельными линіями.

Замѣчательную иллюзію мы имѣемъ въ такъ называемой фигурѣ Целльнера (См. рис. 27) . Вертикальныя полосы этой фигуры являются расходящимися въ ту сторону, въ которую наклонны пересѣкающія ихъ поперечныя полоски. Эта иллюзія объясняется слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ мы считаемъ острые углы, образуемые косвенными полосками большими, чѣмъ они суть въ дѣйствительности, то продольныя полосы должны казаться расходящимися на той сторонѣ, на которой лежатъ острые углы. Мы преувеличиваемъ острый уголъ, т. е. мы представляемъ себѣ, какъ будто одна сторона остраго угла передвигается. Каждая продольная линія составлена изъ совокупности сторонъ острыхъ угловъ; а такъ какъ каждая изъ нихъ при созерцаніи кажется отклонившеюся, то потому и цѣлая линія кажется отклонившеюся.

На рис. 28 (См. рис. 28) въ А продолженіемъ а предоставляется не дѣйствительное ея продолженіе b, а с, лежащее выше и параллельно съ нимъ. Подобнымъ же образомъ въ В три отрѣзка одной и той же прямой кажутся различными, другъ другу параллельными линіями. Это объясняется двумя причинами. Во-1-хъ, такъ какъ мы имѣемъ линіи для фиксированія въ вертикальномъ направленіи, но ихъ нѣтъ у насъ въ направленіи горизонтальномъ, то мы преувеличиваемъ вертиакльный размѣръ фигуры и такимъ образомъ сдвигаемъ отрѣзки прямой съ ихъ дѣйствительнаго мѣста. Въ 2-хъ, при объясненіи этой иллюзіи нужно принять во вниманіе еще нашу склонность преувеличивать острые углы. Если наприм. уголъ, образуемый линіею

а съ вертикальною стороною четыреугольника А, преувеличивается, то продолженіе а по другую сторону прямоугольника А должно перемѣститься выше.

Мы видимъ, что по теоріи Бундта целльнеровская фигура объясняется тѣмъ, что мы преувеличиваемъ острые углы, а острые углы мы преувеличиваемъ потому, что они представляютъ нѣчто болѣе заполненное, чѣмъ наприм. тупой уголъ; заполненные же промежутки кажутся намъ больше потому, что воспріятіе ихъ требуетъ больше напряженія: Ошибки глазомѣра Вундтъ объясняетъ участіемъ двигательныхъ ощущеній на основаніи того общаго закона, что разстоянія кажутся тѣмъ больше, чѣмъ больше требуется двигательнаго напряженія.

Другіе психофизіологи въ объясненіи тѣхъ же явленій совсѣмъ не принимаютъ въ соображеніе двигательныхъ ощущеній. Такъ, напр., Герингъ исходитъ изъ того предположенія, что сѣтчатка ощущаетъ самое себя, или что душа непосредственно знаетъ протяженіе, рисующееся на сѣтчатой оболочкѣ. Поэтому для объясненія явленій, зависящихъ отъ большаго или меньшаго числа точекъ для фиксаціи, Герингъ предполагаетъ, что глазъ измѣряетъ разстояніе между двумя точками хордой сѣтчатки между данными точками изображенія.

Раздѣленная половина прямой кажется намъ больше половины нераздѣленной потому, что сумма маленькихъ хордъ, соотвѣтствующихъ раздѣленной половинѣ линіи, больше одной большой хорды не раздѣленной пополамъ линіи, что легко видѣть на чертежѣ 29. (См. рис. 29).

Длина линіи ab измѣряется хордой a′b′ дуги a′b′e′b′ изображенія сѣтчатой оболочки, а длина линій a d + de + e b измѣряется суммой хордъ b′e′ + e′d′ + d′a′ . сумма этихъ хордъ больше хорды a′b′ . А потому, по мнѣнію Геринга, мы и считаемъ линію, раздѣленную точками, больше равной ей линіи не раздѣленной. Если мы все измѣряемъ по хордѣ дуги, то легко понять, что острый уголъ кажется больше, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности. Стоитъ только построить изображеніе остраго и тупого угла на сѣтчаткѣ: по мѣрѣ того, какъ мы увеличиваемъ уголъ, хорда соотвѣтствующаго ему изображенія на сѣтчатой оболочкѣ становится относительно меньше.

Герингъ - нативистъ, т.е. онъ признаетъ, что мы обладаемъ врожденной способностью воспринимать пространство, и поэтому онъ, конечно, признаетъ способность оцѣнивать разстояніе врожденной нашей сѣтчаткѣ. Но гипотеза его отличается крайнею неопредѣленностью: она не даетъ отвѣта на вопросъ, почему мы измѣряемъ разстоянія по хордѣ изображенія на сѣтчаткѣ. Если даже допустить прирожденность способности измѣрять изображенія на сѣтчатой оболочкѣ, то разстояніе между двумя точками изображенія скорѣе оцѣнивалось бы по числу промежуточныхъ точекъ сѣтчатки, т.е. по дугѣ сѣтчатки, а не по хордѣ этой дуги. Такимъ образомъ Герингъ въ объясненіи иллюзій зрѣнія обходится безъ двигательныхъ ощущеній. По его мнѣнію, въ этихъ явленіяхъ мы имѣемъ дѣло съ ощущеніями сѣтчатой оболочки: глазомѣръ есть, такъ сказать, результатъ ощу-

щенія.

Гельмгольцъ точно такъ же не признаетъ первостепенной важности двигательныхъ ощущеній для объясненія иллюзій зрѣнія. Онъ признаетъ ихъ результатомъ дѣятельности нашей способности сужденія; объясненіе Гельмгольца чисто п с и х о л о г и ч е с к о е .

Мы видѣли, что важнѣйшія ошибки зрѣнія могутъ быть сведены на слѣдующія группы. Во 1-хъ, пространства з а п о л н е н н ы я кажутся намъ болѣе, чѣмъ не заполненныя; во 2-хъ, острый уголъ кажется больше, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности, и въ 3-хъ, вертикальныя разстоянія кажутся больше горизонтальныхъ. Первыя двѣ группы Гельмгольцемъ объясняются изъ одного принципа, такъ что у него мы получаем[illegible] группы ошибокъ.

Явленіе первой группы онъ сводитъ на слѣдующій законъ: "ясно познаваемыя различія во всѣхъ чувственныхъ воспріятіяхъ кажутся большими, чѣмъ неясно познаваемыя различія одинаковой объективной величины". Этотъ законъ нужно признать общимъ для всѣхъ нашихъ воспріятій. Человѣкъ средняго роста рядомъ съ человѣкомъ высокаго роста кажется очень малымъ. Тотъ же человѣкъ средняго роста, поставленный рядомъ съ человѣкомъ малаго роста, будетъ казаться большимъ". Слѣдовательно, контрастъ, позволяя намъ отчетливо воспринимать извѣстное различіе, въ то же время увеличиваетъ его. Раздѣленную пространственную величину мы считаетъ большею, чѣмъ не раздѣленную, потому что воспріятіе частей яснѣе намъ показываетъ,

что соотвѣтствующая величина имѣетъ столько-то и столько-то частей, чѣмъ въ томъ случаѣ, если пространство не раздѣлено на части.

Целльнеровскую фигуру онъ объясняетъ такъ, что мы можемъ разсматривать эти иллюзіи какъ примѣръ только что приведеннаго закона, согласно которому острые углы, будучи малаго размѣра и ясно ограничены, кажутся вообще слишкомъ большими, въ сравненіи съ прямыми и тупыми углами.

Вторая группа ошибокъ глазомѣра по мнѣнію Гельмгольца зависитъ отъ привычекъ нашего зрѣнія. Мы оцѣниваемъ разстоянія въ вышину большими, чѣмъ они суть въ дѣйствительности. Гельмгольцъ указываетъ на то, что поверхности большинства предметовъ, которыя мы разсматриваемъ, наклонены къ нашей "фиксаціонной линіи и составляютъ съ нею острый уголъ. Поэтому ихъ вертикальныя протяженія на сѣтчаткѣ оказываются гораздо болѣе сокращенными, чѣмъ горизонтальныя. Это легко понять изъ слѣдующаго примѣра. Если мы возьмемъ книгу и будемъ ее разсматривать, поставивши прямо передъ глазами въ вертикальномъ положеніи, то изображенія и вертикальнаго и горизонтальнаго направленія этой книги не подвергнутся никакому перспективному укороченію[x]. Но стоитъ книгу положить такъ, какъ мы ее обыкновенно держимъ при чтеніи, то мы тотчасъ увидимъ, что вертикальное разстояніе ея дастъ перспективное изображеніе, стало-быть значительно укороченное; а что мы дѣйствительно видимъ большинство предметовъ такими,

x) *Или если подвергнутся, то одинаковому.*

то это можно понять изъ слѣдующаго. Когда мы ходимъ, то мы не обращаемъ вниманія на предметы, находящіеся в ы ш е нашей линіи зрѣнія, да такихъ предметовъ и очень мало, потому что небо, напримѣръ, днемъ не имѣетъ ничего такого, на чемъ мы могли бы остановить нашъ взоръ; между тѣмъ предметы, находящіеся на землѣ, привлекаютъ наше вниманіе, потому что это необходимо во время ходьбы; мы видимъ большинство предметовъ наклонными подъ острымъ угломъ къ нашей линіи зрѣнія, а самые вертикальные размѣры предметовъ даютъ, разумѣется, на сѣтчаткѣ меньшее изображеніе, чѣмъ такія же разстоянія въ горизонтальномъ направленіи; а такъ какъ мы изъ опыта знаемъ истинную величину и истинное отношеніе между обоими разстояніями, то мы и возстановляемъ это отношеніе въ мысли и именно тѣмъ, что вертикальное разстояніе мысленно преувеличиваемъ. Эта привычка, вырабатывающаяся продолжительнымъ упражненіемъ, имѣетъ то значеніе, что когда впослѣдствіи мы должны бываемъ воспринять какое-нибудь вертикальное разстояніе, то мы непроизвольно стараемся увеличивать его, потому что опытъ намъ показалъ, что въ большинствѣ предметовъ мы вертикальныя разстоянія воспринимаемъ въ перспективномъ укороченіи. Этимъ и объясняется то, что изъ двухъ равныхъ разстояній, одного горизонтальнаго, а другого вертикальнаго, вертикальное кажется больше.

Есть еще одно объясненіе изъ перспективности. Сторонники этого объясненія предполагаютъ, что мы тѣ или иныя линіи

или группу линій представляемъ себѣ какъ бы составляющими извѣстную фигуру съ опредѣленной перспективой". Принявъ это въ соображеніе, мы можемъ объяснить то, что мы острые углы преувеличиваемъ, а тупые уменьшаемъ. Вообще большинство прямыхъ угловъ мы видимъ въ перспективѣ, напр., прямые углы оконъ, столовъ, мы видимъ или перспективно укороченными или перспективно удлиненными. Но такъ какъ мы знаемъ, изъ опыта истинную величину прямыхъ угловъ, то мы постоянно увеличиваемъ перспективно видимые углы, до прямого. Вырабатывающаяся такимъ образомъ привычка производить то, что мы, видя острые углы, увеличиваемъ ихъ, а тупые углы уменьшаемъ.

Есть еще объясненіе, принадлежащее Липпсу. По его мнѣнію, линіи не суть для насъ что либо мертвое, но они суть носители живыхъ силъ, мы вкладываемъ въ нихъ дѣятельности и движенія. Наша фантазія вноситъ свою собственную дѣятельность въ пространственныя формы. Съ этой точки зрѣнія, вертикальныя протяженности кажутся больше, чѣмъ равныя имъ горизонтальныя потому, что вертикальныя протяженности таковы, что кажется что они движутся или распространяются вверхъ и внизъ.

И такъ мы видѣли, что глазомѣръ и иллюзіи зрѣнія приводятся для доказательства участія мускульнаго ощущенія въ зрительныхъ воспріятіяхъ. Но оказывается, что глазомѣръ не всегда подчиняется веберовскому закону. У различныхъ изслѣдователей получаются различныя цифры, можетъ быть оттого происходящія, что изслѣдованія эти производились при помощи

различныхъ методовъ. Наконецъ, если даже и допустить, что глазомѣръ вполнѣ подчиняется веберовскому закону, то отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что мускульныя чувства должны быть причиною этого. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ остается чрезвычайно спорнымъ и отнюдь не доказаннымъ. Что касается утвержденія Вундта, что въ иллюзіяхъ зрѣнія причиною переоцѣнки является мускульное напряженіе, то противъ этого можно замѣтить, что теоретически совсѣмъ не понятно, почему большее мускульное напряженіе должно быть связано съ воспріятіемъ большей протяженности.

Если мы сравнимъ вѣроятность объясненія приведенныхъ нами иллюзій, то кажется, что психологическимъ объясненіямъ надо отдать преимущество передъ физіологическими. Кажется, что иллюзіи зрѣнія могутъ быть объяснены помимо мускульнаго чувства. Которое именно изъ приведенныхъ нами психологическихъ объясненій истинно, при незначительности изслѣдованій въ настоящее время весьма трудно рѣшить, но для насъ они представляютъ интересъ въ томъ отношеніи, что доказываютъ возможность и иного рода объясненій. Здѣсь ошибки происходятъ по причинамъ общаго характера т.е. по причинамъ, которыя могутъ имѣть мѣсто и въ другихъ ощущеніяхъ, совсѣмъ не связанныхъ съ мускульными ощущеніями.

Лекція 5-ая.

Мы разсматривали вопросъ о природѣ пространственнаго качества только съ одной стороны. До сихъ поръ я все время

говорилъ о пространственномъ качествѣ, предполагая, что оно будетъ разсматриваемо съ точки зрѣнія той характеристики, которая уже была дана. Элементы протяженности мыслятся съ одинаковой ясностью, проходимъ ли мы ихъ въ одномъ направленіи или въ другомъ, т.е. если намъ даны элементы, то мы можемъ мыслить начало и конецъ элементовъ съ одинаковой ясностью, откуда бы не отправлялись. Кромѣ того одинъ элементъ протяженности находится в н ѣ другого. Ближе описать это свойство мы не можемъ. Мы можемъ лишь сказать, что есть элементы а, в, с, д, е и т.д. и каждый изъ нихъ таковъ, что находится внѣ другого элемента. Такое свойство называется "в н ѣ п о л о ж н о с т ь ю",

Мы говорили до сихъ поръ о протяженности и непроизводности качества протяженности, которое называется глубиной или третьимъ измѣреніемъ. Каждый предметъ, каждая вещь представляется не только расположенной на плоскости, но и находящейся на извѣстномъ разстояніи отъ насъ. Это свойство называется глубиной или третьимъ измѣреніемъ. Это свойство принято считать особымъ свойствомъ, отличнымъ отъ внѣположности. Когда мы говоримъ о внѣположности, мы какъ будто имѣемъ дѣло съ плоскостной протяженностью; Но вѣдь тѣлесные предметы, доска, напримѣръ, находится на извѣстномъ разстояніи отъ насъ, слѣдовательно къ ранѣе найденнымъ свойствамъ пространства мы присоединяемъ то, что называется глубиной или третьимъ измѣреніемъ. И относительно этого свойства можно спросить, что является ли оно производнымъ, или же оно, наоборотъ, подобно протяженности, имѣетъ непроизводный характеръ.

Вы представляете себѣ, какъ должны отвѣтить нативисты: разумѣется, нашъ глазъ видитъ протяженность, имѣющую три измѣренія. Глубина, третье измѣреніе есть предметъ непосредственнаго воспріятія; она ощущается также, какъ ощущается протяженность вообще.

Я говорилъ уже о взглядахъ генетистовъ и напомню вамъ ихъ аргументы. Для генетистовъ всѣ свойства пространства, а слѣдовательно и третье измѣреніе вовсе не представляются предметами непосредственнаго воспріятія, они всѣ одинаково производны. Психологами этого направленія приводится рядъ аргументовъ, которые показываютъ, что третье измѣреніе нами непосредственно не воспринимается, глубина видима непосредственно быть не можетъ. Соображенія Беркли вы, конечно, хорошо помните. Онъ говоритъ: если глазу дается какая-нибудь точка и на извѣстномъ разстояніи, то это разстояніе само по себѣ и непосредственно не можетъ быть видимо, потому что оно, будучи линіей, направлено къ глазу, проецируетъ въ глубину глаза только одну точку, которая остается неизмѣнно той же самой, будетъ ли разстояніе большимъ или меньшимъ. Глазъ, слѣдовательно, предоставленный самому себѣ, не можетъ отличить положенія точки а отъ положенія точки в с д и т.д. Глазъ не имѣетъ средствъ для различенія третьяго измѣренія.

Другой аргументъ сторонниковъ генетизма такой: нашъ глазъ, нашъ свѣтоощущающій аппаратъ, равно какъ и нашъ осязательный аппаратъ состоятъ изъ элементовъ, расположенныхъ въ плоскости, такъ какъ сѣтчатка глаза, напримѣръ, представляетъ изъ

себя почти плоскость. Слѣдовательно, всѣ изображенія на сѣтчаткѣ получаются плоскія, всѣ изображенія осязательныя представляютъ изображенія плоскія. Наше ощущеніе должно сообразоваться съ изображеніемъ на сѣтчаткѣ, т.е. изображеніемъ плоскости., и поэтому все должно восприниматься плоскимъ. Такъ и есть на дѣлѣ: первоначально мы все видимъ плоскимъ, лишь впослѣдствіи благодаря опыту, получается возможность воспріятія плоскостного измѣренія въ трехъ измѣреніяхъ. Далѣе, что можетъ обозначать, когда мы говоримъ объ отдаленности какого-либо предмета? Очевидно, не что иное, какъ его удаленіе отъ насъ, или точнѣеотъ нашего глаза т.е. различіе мѣста объекта и моего глаза. Если же это такъ, то отдаленіе не можетъ быть воспринимаемо посредствомъ зрительныхъ чувствъ, потому что мой глазъ не видитъ самого себя, слѣдовательно не можетъ сравнить оба эти мѣста. Только третій будетъ видѣть это разстояніе, но онъ будетъ видѣть это разстояніе какъ линію на извѣстной плоскости.

Изъ новѣйшихъ аргументовъ я могу указать аргументъ Липпса противъ возможности непосредственнаго воспріятія третьяго измѣренія. Возьмемъ предметъ а , надъ нимъ другой предметъ в, мы говоримъ: между а и в есть извѣстное разстояніе, одинъ столъ и вотъ другой столъ, которое я совершенно явственно воспринимаю и могу, слѣдовательно, сказать, что между ними есть извѣстное разстояніе. Но дѣйствительно ли это разстояніе является предметомъ непосредственнаго воспріятія? По мнѣнію Липпса, нѣтъ, потому что здѣсь нѣтъ никакого содер-

жанія: есть одинъ предметъ, а и другой предметъ в, то же, что называется разстояніемъ, есть нѣчто безсодержательное. Какъ въ такомъ случаѣ можно сказать, что мы воспринимаемъ разстояніе? Наоборотъ оно совершенно не воспринимается, не есть предметъ непосредственнаго воспріятія, это есть результатъ мѣста. Я замѣчаю, что между предметами есть разстояніе. Это есть продуктъ опыта, умозаключенія, знанія, но не предметъ непосредственнаго воспріятія. Третьяго измѣренія, какъ непосредственнаго психологическаго содержанія, совершенно не существуетъ.

Такимъ образомъ, по мнѣнію генетистовъ, оказывается, что того, что называется разстояніемъ, третьимъ измѣреніемъ, мы не можемъ непосредственно воспринимать.

Разсмотримъ теперь, какъ защищаютъ свою позицію нативисты. Обратимся сначала къ Штумфу, какъ наиболѣе видному представителю этого направленія.

По его мнѣнію: глубина воспринимается непосредственно, потому что ниоткуда не можетъ быть привнесена; она ощущается такъ же непосредственно, какъ вообще всякая протяженность. Допустите, что протяженность является предметомъ непосредственнаго воспріятія. Если вы это допустите, говоритъ Штумфъ, то и третье измѣреніе является предметомъ непосредственнаго воспріятія.

Есть три аргумента, которыя онъ приводитъ. 1-й аргументъ: если вы считаете непосредственно воспринимаемой плоскостную протяженность, она должна быть и л и п р я м а я, и л и

к р и в а я . Если вы признаете, что первоначально воспринимаемая плоскость есть прямая или кривая, то этимъ вы вводите понятіе прямизны или кривизны. Понятіе кривизны получается изъ отношенія къ третьему измѣренію. Если вы говорите, что эта плоскость прямая въ отличіе отъ кривой, вы говорите, что здѣсь нѣтъ кривизны, а прямизна и кривизна предполагаетъ третье измѣреніе, они высказываютъ относительно плоскости нѣчто, что имѣетъ отношеніе къ глубинѣ; присутствіе изгиба или его отсутствіе въ глубину. Слѣдовательно, если признать, что первоначально воспринимаемая протяженность есть плоскостная протяженность, то eo ipso предполагается третье измѣреніе,

2-ое доказательство непосредственности воспріятія глубины Штумфа сводится къ слѣдующему. Уже въ природѣ плоскости заключается то, что она имѣетъ двѣ стороны, а это включаетъ глубину. Если мы подъ плоскостью разумѣемъ нѣчто, что обладаетъ извѣстной толщиной, то уже тѣмъ самымъ дается три измѣренія. Если же подъ этимъ мы разумѣемъ нѣчто, что не имѣетъ толщины т.е. границу, то она имѣетъ, по крайней мѣрѣ, двѣ стороны, т.е. она тогда есть граница тѣла изъ трехъ измѣреній и это заключено въ его представленіи. Конечно, вѣрно то, что мы никогда заразъ не можемъ видѣть двухъ сторонъ, тѣмъ не менѣе очевидно, что тѣло имѣетъ двѣ стороны и, поэтому по отношенію къ нему существуетъ передняя сторона и задняя.

Не менѣе интерееенъ и третій аргументъ Штумфа. Штумфъ

разсуждаетъ въ данномъ случаѣ такимъ образомъ: Когда бы мы ни говорили о плоскости, воспріятіи плоскостной протяженности, мы должны предполагать отношеніе къ опредѣленному естественному центру, который лежитъ внѣ представляемой плоскоссти, которая, слѣдовательно, лежитъ въ глубинѣ. Гдѣ этотъ центръ и каковъ онъ, это безразлично, но онъ долженъ быть. Протяженность, абсолютную плоскость безъ отношенія къ центру представить нельзя, какъ нельзя представить время безъ отношенія къ центру. Говоря, напримѣръ, о событіи Рождества Христова, я отношу его къ нашему времени: говорю, что оно было за столько лѣтъ до того момента, къ которому отношусь я самъ. Такимъ же образомъ представляется и плоскость, относящейся къ извѣстному центру. Сказать, что плоскость относится къ центру, значитъ сказать, что воспринимается третье измѣреніе, воспринимается глубина.

Вотъ три аргумента, которые, какъ предполагаетъ Штумфъ, доказываютъ, что нельзя говорить только о воспріятіи плоскостной протяженности. Всякій разъ, когда данъ въ зрительномъ впечатлѣніи непосредственно плоскость, то она есть такъ же глубина.

Мы имѣемъ дѣлѣ съ двумя противорѣчивыми взглядами. Генетисты утверждаютъ, что третье измѣреніе не воспринимается, что воспринять третье измѣреніе психологически невозможно. Разъ линія, показатель третьяго измѣренія, не воспринимается, потому что ея не существуетъ, разстояніе воспринято быть не можетъ, потому что не имѣетъ никакого содержанія. Съ другой сто-

роны, нативисты, подобно Штумфу утверждаютъ, что протяженность всегда имѣетъ три измѣренія. То же утверждает и Джэмсъ: если, говоритъ онъ, вамъ случалось лежать на спинѣ и смотрѣть въ бездну голубого неба, вы видите ее не какъ плоскость, а как нѣчто, имѣющее три измѣренія.

Намъ надо рѣшить вопросъ: чье же мнѣніе- нативистовъ или гентистовъ :- должно быть признано правильнымъ, другими словами: нужно выяснить воспринимается ли третье измѣреніе непосредственно, или нѣтъ ?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надо обратить вниманіе на одинъ пунктъ, который и надо выразить отчетливо, о какого рода третьемъ измѣреніи идетъ рѣчь, когда говорятъ Штумфъ и Джэмсъ. Дѣло въ томъ, что они говорятъ о совершенно различныхъ вещахъ(Если взять взглядъ Джэмса, то у него глубина недифференцированная). Такимъ образомъ нужно различать два понятія глубины, которыя я предлагаю называть первоначальнымъ, недостаточно развитымъ понятіемъ глубины и глубиной развитого сознанія. Если провести такую дифференціацію, мы увидимъ, что Джэмсъ говоритъ объ одномъ, а Штумфъ о другомъ. Штумфъ говоритъ о развитомъ сознаніи, а то что приложимо къ развитому сознанію и его представленію о глубинѣ, той глубинѣ, которая можетъ быть предметомъ развитого сознанія, рѣзко отличается отъ представленія глубины первоначальнаго сознанія. Установить здѣсь психогенезисъ нѣтъ возможности, мы остаемся здѣсь въ сферѣ предположеній, гипотезъ, но не можемъ пойти дальше. Научная цѣнность гипотезъ, какъ и всегда, опредѣляется

здѣсь тѣмъ, какая гипотеза можетъ лучше объяснить наиболѣе фактовъ.

Я сказалъ бы, что глубина является безспорно предметомъ первоначальнаго сознанія, но повторяю: эта глубина, вовсе не та, что въ развитомъ сознаніи, гдѣ она является въ модифицированномъ видѣ. Правильнѣе будетъ дать такой отвѣтъ: глубина развитого сознанія есть продуктъ опыта, а не есть первоначальная.

Какія соображенія можно привести въ пользу этого мнѣнія? Я хотѣлъ бы только провести различіе между глубиной развитого сознанія и глубиной первоначальнаго сознанія. То, что называется глубиной развитого сознанія первоначальному не приложимо. Теоретическія соображенія будутъ слѣдующія. Если рѣчь идетъ о плоскостной протяженности, то изъ анализа качества протяженности мы знаемъ, что протяженность находится въ зависимости отъ количества возбуждающихся элементовъ. Если возбуждается одно количество элементовъ, протяженность будетъ одна, если большее количество элементовъ, протяженность увеличится. Плоскостная протяженность есть функція количества возбуждающихся элементовъ. Вслѣдствіе того, что тѣ элементы, которые воспринимаютъ протяженность, расположены въ плоскостномъ порядкѣ, и могутъ быть возбуждены въ большемъ или меньшемъ количествѣ, то въ зависимости отъ этого и протяженность можетъ возрастать или уменьшаться. Функціональная зависимость здѣсь точно установлена. Для третьяго измѣренія, для глубины мы не находимъ такихъ элементовъ. Въ восприни-

мающемъ аппаратѣ нѣтъ такихъ элементовъ, которые непосредственно обусловливали бы собой воспріятіе глубины, какъ плоскостное расположеніе свѣтоощущающихъ элементовъ обусловливаетъ плоскостную протяженность. Фактъ отсутствія болѣе или менѣе опредѣленнаго анатомическаго субстрата можно считать достаточнымъ, чтобы утверждать, что въ первоначальномъ воспріятіи глубины нѣтъ, она является продуктомъ послѣдующаго развитія.

Говоря о изначальности третьяго измѣренія, мы отдѣляемъ его отъ первыхъ двухъ. Здѣсь въ сущности мы становимся не на психологическую точку зрѣнія, а на практическую. Вѣдь понятіе измѣренія взято изъ математики, гдѣ оно выросло изъ практическихъ потребностей. Можетъ показаться, что понятіе третьяго измѣренія какъ будто вноситъ нѣчто абсолютно новое. Но въ сущности оно является такимъ понятіемъ, которое можетъ быть выведено изъ понятія внѣположности. Въ самомъ дѣлѣ, что я дѣлаю, опредѣляя положеніе точекъ С и д относительно f ? Я двигаюсь въ извѣстномъ направленіи и затѣмъ говорю, что точки находятся на извѣстномъ разстояніи. Этого достаточно, чтобы видѣть, что называется измѣреніемъ. Измѣреніе есть возможность передвиженія въ опредѣленномъ направленіи. Возможность же движенія предполагаетъ, что элементы протяженности должны быть внѣположными. Въ этомъ смыслѣ третье измѣреніе психологически ничего новаго не вноситъ сравнительно съ внѣположностью. Если сказать, что третье измѣреніе есть не что

иное, какъ модификаціи плоскостной внѣположности, мы объяснимъ откуда она можетъ быть выведена. Итакъ, глубина это есть модификаціи плоскостной протяженности. Исходя изъ этихъ соображеній, я бы сказалъ: анатомическаго субстрата для третьяго измѣренія, для глубины, мы не находимъ, но теоретически глубина можетъ быть выведена изъ плоскостной протяженности, что есть модификація плоскостной протяженности. О томъ какъ получается возможность модификаціи, я скажу послѣ. Теперь же мы разсмотримъ аргументы, приведенные Штумфомъ. Всѣ они имѣютъ логическій характеръ. Желая доказать непосредственность воспріятія, ощущенія третьяго измѣренія, онъ анализируетъ сложное представленіе третьяго измѣренія. Онъ беретъ наше представленіе пространства, какъ оно сложилось въ развитомъ сознаніи и старается вывести возможность непосредственнаго воспріятія протяженности въ три измѣренія. Онъ говоритъ: плоскостная протяженность должна быть или кривая или прямая, а отсюда вытекаетъ, что здѣсь имѣется отношеніе къ третьему измѣренію. Слѣдовательно, всякая плоскость, если мы представимъ себѣ, что первоначальное сознаніе способно воспринять таковую представляется ему содержащей въ себѣ третье измѣреніе. Но этотъ аргументъ содержитъ въ себѣ petito principii. Штумф исходитъ изъ логическаго содержанія понятія протяженности, мы же можемъ предполагать, что первоначально воспринимаемое нами не обладаетъ ни тѣмъ, ни другимъ свойствомъ, потому что прямизна(а говоря о плоскости, мы имѣемъ въ виду прямую плоскость) является послѣдствіемъ нашего представленія

- глубины.

Нельзя согласиться также и съ другимъ положеніемъ Штумфа, что воспринимая плоскость, мы предполагаемъ ее имѣющей другую сторону. Мы предполагаемъ другую сторону потому, что мы имѣемъ случай видѣть этотъ предметъ съ другой стороны. Справедливость этого положенія легко провѣрить, если мы посмотримъ какъ воспринимаются такіе предметы, какъ небо, небесный сводъ луна и т.д. При обычномъ воспріятіи о другой сторонѣ луны вовсе не думаютъ и луна представляется въ видѣ диска. Слѣдовательно въ природѣ плоскости вовсе не заключается того, что она для нашего представленія включаетъ и другую сторону. Другая сторона плоскости включаетъ обходъ извѣстнаго предмета съ другой стороны. Слѣдовательно представленіе другой стороны есть продуктъ ассоціаціи и служитъ аргументомъ въ пользу непосредственности воспріятія глубины отнюдь быть не можетъ.

Третій аргументъ - если воспринимаемъ плоскостную протяженность, мы отнесемъ ее къ извѣстному центру - тоже имѣетъ логическій характеръ. Штумфъ беретъ зрѣлое сознаніе протяженности, какое можетъ быть въ развитомъ сознаніи, отмѣчаетъ признаки и предполагаетъ, что первоначальное сознаніе мыслитъ ихъ такимъ же образомъ. Штумфъ пользуется аналогіей съ временемъ: нельзя мыслить протяженность, не мысля центра, какъ мы имѣемъ во времени: если мы имѣемъ какое-нибудь событіе, мы его опредѣляемъ по отношенію къ намъ. Это правильно по отношенію ко времени, но время имѣетъ лишь одно измѣреніе. Ес-

ли мы беремъ элементы а в с д е f , мы не можемъ мыслить f., чтобы не отнести его къ одному какому-нибудь пункту, потому что время есть многообразіе одного измѣренія, мы неизбѣжно должны опредѣлить отношеніе f къ извѣстному центру. Такъ ли это по отношенію къ протяженности въ три измѣренія? Психологически можно утверждать это только относительно плоскостной протяженности: если мы говоримъ о д, мы должны опредѣлить отношеніе д къ какой нибудь другой точкѣ. Но по отношенію къ третьему измѣренію мы этого сказать не можемъ. Если брать глубину, какъ она имѣется въ зрѣломъ сознаніи, это будетъ правильно, но относительно первоначальнаго сознанія этого утверждать нельзя. Говоря о естественномъ центрѣ, Штумфъ не можетъ указать, какой это можетъ быть центръ, и только указываетъ на то, что имъ можетъ быть наше тѣло, а это есть опять таки продуктъ опыта.

Я достаточно говорилъ уже о различіи глубины первоначальнаго сознанія и сознанія развитого. Чтобы рѣшить психологическій вопросъ о первоначальности или непервоначальности третьяго измѣренія, надо ясно провести это различіе. Мы должны сказать, что есть двѣ глубины и они такъ отличны, что выводить одну изъ другой совершенно нельзя. И первоначальное сознаніе ощущаетъ протяженность, имѣющей третье измѣреніе, глубину, но она такъ отличается отъ развитой глубины, что вывести послѣднюю изъ первоначальной нельзя. Глубина, о которой говорится въ психологіи и въ практической жизни,

имѣетъ характеръ производный, является продуктомъ развитія

Итакъ, на вопросъ о первоначальности третьяго измѣренія или глубины мы можемъ дать такой отвѣтъ: есть двѣ глубины- глубина развитого сознанія и глубина первоначальнаго сознанія. Различіе между ними таково, что глубина первоначальнаго сознанія имѣетъ слишкомъ неопредѣленный характеръ, а глубина развитого сознанія имѣетъ дифференцированный характеръ, и вывести изъ первоначальной глубины то, что называется глубиной развитого сознанія, невозможно. Затѣмъ для третьяго измѣренія, для глубины мы не имѣемъ анатомическаго субстрата, который представлялъ бы аналогію съ плоскостной протяженностью. Можно, слѣдовательно сказать, что первоначальная протяженность имѣетъ три измѣренія, но то, что называется глубиной нашего развитого сознанія въ ней можетъ и отсутствовать. Это есть та неопредѣленная глубина, на которую ссылаются Джэмсъ, Геринп, когда говорятъ: если мы видимъ темноту, она не есть плоскость, но въ то же время нельзя сказать, что она имѣетъ извѣстное разстояніе. Первоначальная глубина такова, что можно сказать, что ея нѣтъ въ томъ смыслѣ, какъ она понимается въ развитомъ сознаніи. Первоначально я строю плоскостную протяженность, внѣположность. Мнѣ кажется, что первоначально мы воспринимаемъ плоскость, а затѣмъ путемъ опыта уже начинаемъ имѣть дѣло съ третьимъ измѣреніемъ, съ разстояніемъ. Понятіе плоскости есть понятіе, полученное путемъ абстракціи. Нельзя повторить о первоначальной протяженности, что она является такой же плоскостью, какъ стѣна, доска, бумага, пусть и для перво-

начальнаго сознанія глубина есть, но она не можетъ быть дифференцированной. Мы не можемъ ее сравнивать, сопоставлять. Если относительно плоскостной протяженности мы говоримъ, что получаемъ ее, опредѣляя разстояніе одной точки отъ другой въ одномъ направленіи, то это разстояніе можно опредѣлить и въ другомъ направленіи :- въ глубину. Психологически это не представляетъ различія, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ имѣемъ дѣло съ плоскостной протяженностью. Какъ въ плоскостной протяженности мы имѣемъ дѣлѣ съ внѣположностью, такъ же, какъ и въ глубинѣ. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ сказать, что здѣсь вносится что-то новое. Если я отдѣляю плоскостную протяженность отъ протяженности трехъ измѣреній, я дѣлаю попытку понять, какимъ образомъ первоначальное сознаніе переживаетъ эту протяженность. Я не могу сказать, что оно воспринимаетъ протяженность на разстояніи, но не могу сказать, что это что-то плоское: глубина есть несомнѣнно, но она не имѣетъ еще опредѣленности.

Глубина нашего сознанія есть продуктъ цѣлаго ряда вспомогательныхъ пріемовъ.

Отчего плоскость кажется намъ находящейся на извѣстномъ разстояніи отъ насъ? Откуда пріобрѣтается представленіе третьяго измѣренія?

Нативистическая и генетическая психологія указываютъ много данныхъ, съ помощью которыхъ мы оцѣниваемъ разстояніе, другими словами видимъ его. Сюда относятся такіе вспомогательные пріемы, какъ аккомоданія, конвергенція, бинокулярное зрѣ-

ніе, локальные знаки и т.д. Въ первоначальномъ сознаніи не воспринимается не абсолютно плоскимъ, но и не на разстояніи, тамъ есть глубина, но не дифференцированная; наша глубина является продуктомъ вспомогательныхъ пріемовъ. Разсмотримъ ихъ.

Разсмотримъ прежде всего аккомодацію. Подробностей я не буду касаться, укажу только, что есть особыя аккомодаціонныя мышцы, благодаря которымъ глазъ можетъ разсматривать предметы, находящіеся близко. На извѣстномъ разстояніи хрусталикъ долженъ измѣнить форму, а это совершается благодаря дѣйствію аккомодаціонной мышцы ... Какъ это происходитъ, я предполагаю изложить въ курсѣ будущаго года. Теперь будетъ достаточно указанія, что есть мышца, которая даетъ опредѣленное ощущеніе напряженія. Если предметъ находится далеко, аккомодація не совершается. Если же предметъ будетъ приближаться, то есть и аккомодація, которая будетъ тѣмъ больше, чѣмъ ближе предметъ. Большее или меньшее сокращеніе ассоціируется съ большими или меньшими разстояніями. Вотъ соображеніе, приводимое въ доказательство того, что есть особый пріемъ, съ помощью котораго ощущается, опредѣляется разстояніе.

Другому вспомогательному пріему придаютъ еще большее значеніе. Если разсматривается далекій предметъ, напримѣръ, звѣзда на горизонтѣ, то зрительныя оси могутъ считаться, какъ параллельныя. Если же предметъ приблизится, то должны сблизиться и зрительныя оси, должно произойти то, что называется конвергенціей. Чтобы глазъ могъ конвергировать, надо, чтобы извѣстная мышца сократилась. Если мышца сократилась, это

сокращеніе такъ или иначе доходитъ до сознанія, а по количеству напряженія можно судить, находится предметъ ближе или дальше. Чтобы конвергировать глаза на одной точкѣ а, потребно извѣстное количество напряженія - д; если же эта точка приблизится въ в, напряженіе д будетъ иное, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ, если, наконецъ, фиксируемая точка будетъ въ с, напряженіе д будетъ еще больше. По этому напряженію можно судить о томъ, на какомъ разстояніи отъ насъ находится предметъ. Мы ощущаемъ разстояніе съ помощью того количества мускульнаго напряженія, которое необходимо, чтобы глазъ могъ конвергировать.

Но какъ глазъ опредѣляетъ разстояніе въ томъ случаѣ, если онъ не движется, не конвергируетъ. Положимъ глазъ фиксируетъ точку а, если въ то время, какъ я фиксирую а, появится предметъ въ другомъ мѣстѣ, изображеніе его падаетъ въ другую точку въ глазу. Извѣстно, что глазъ каждый разъ дѣлаетъ попытку фиксировать предметъ, переведя его въ точку яснаго зрѣнія. Для этого надо, чтобы глазъ сдѣлалъ опредѣленное движеніе. Однако глазъ можетъ и не двигаться, но ощущать то количество движенія которое онъ долженъ совершить для приведенія въ эту точку. Вотъ это - то ощущеніе, количества напряженія, необходимаго для отнесенія ея въ точку яснаго врѣнія, есть показатель нужнаго сокращенія и показатель разстоянія. Чѣмъ ближе предметъ, тѣмъ конвергенція сильнѣе, чѣмъ дальше - тѣмъ слабѣе. Итакъ, конвергенція можетъ являться показателемъ самыхъ тонкихъ разстояній.

Такова мысль тѣхъ, которые думаютъ, что конвергенція имѣетъ значеніе для ощущенія разстоянія. Было произведено много опытовъ, которые доказали, что съ помощью одной конвергенціи можно ощущать разстояніе. Эти опыты таковы. Находясь въ абсолютной темнотѣ, субъектъ видитъ появленіе въ разныхъ мѣстахъ искръ; онъ долженъ, какъ только замѣтитъ ихъ, указать мѣсто, гдѣ они появились. Такъ какъ дѣло происходитъ въ темнотѣ, искры же появляются на одно мгновеніе, то, слѣдовательно, опредѣленіе ихъ разстоянія обусловливается одной конвергенціей. Субъектъ указывалъ мѣсто очень точно. Это доказываетъ, что съ помощью конвергенціи можно опредѣлить разстояніе.

Но есть возможность доказать при помощи, такъ называемыхъ герингговскихъ опытовъ паденія, что мы можемъ воспринимать разстояніе предмета точно, когда глазъ не производитъ и не можетъ произвести конвергенціи. Этотъ экспериментъ производится съ помощью особаго прибора (См. рис. 30), такимъ образомъ. Субъектъ садится передъ аппаратомъ и сквозь отверстіе передней стѣнки фиксируетъ маленькую точку. Изображеніе этой точки падаетъ въ соотвѣтствующей части сѣтчатки. Въ ту минуту, когда субъектъ фиксируетъ эту точку, другое лицо роняетъ маленькія шарики сквозь отверстія крышки передъ или позади этой блестящей фиксируемой точки. Шарики падаютъ съ такой чрезвычайной быстротой, что въ это время глазъ не можетъ произвести никакого движенія; тѣмъ не менѣе, если смотрѣть бинокулярно, можно всегда опредѣлить, упалъ шарикъ передъ или сзади фиксаціонной точки. Это показываетъ, что сѣт-

чатка, независимо отъ мышечныхъ ощущеній, можетъ произвести ощущенія разстоянія. При закрываніи одного глаза или при отсутствіи бинокулярнаго зрительнаго акта опредѣленіе разстоянія шарика очень затруднительно или же это нельзя бываетъ сдѣлать совсѣмъ.

Самое главное значеніе эксперимента заключается въ слѣдующемъ: нѣкоторые физіологи утверждаютъ, что единственнымъ вѣрнымъ способомъ оцѣнки разстоянія является конвергенція, т.е. мы ощущаемъ разстояніе по движенію глаза. Но геринговскіе опыты показываютъ, что это не совсѣмъ правильно: изображеніе на сѣтчаткѣ помимо движенія оказывается вспомогательнымъ средствомъ для ощущенія разстоянія. Далѣе, оказывается, что геринговскіе опыты возможны и въ томъ случаѣ, если даже удалиться отъ фиксаціонной точки на 7 - 8 метровъ. При такомъ отдаленіи оказывается, что ни конверг енція ни аккомодація почти не дѣйствуетъ, а разстояніе предмета ощущается правильно. Слѣдовательно и это явленіе показываетъ, что ни аккомодація, ни конвергенція не имѣютъ рѣшающаго значенія, а есть помимо ихъ еще и другіе факторы. Опредѣленіе разстоянія какой нибудь бинокулярно видимой точки или предмета, при отсутствіи другихъ средствъ можетъ совершаться посредствомъ ощущенія степени конвергенціи, если нѣтъ другихъ средствъ оцѣнки разстоянія. Это доказывается опытомъ Іатстона. Устроенный имъ стереоскопъ имѣетъ два зеркала, изображеніе падаетъ на поверхность зеркалъ, и субъектъ видитъ два изображенія, которыя сливаются и даютъ одно изображеніе; значитъ все устрое-

но такъ, какъ вообще въ стереоскопѣ. Въ этомъ стереоскопѣ есть возможность произвести видоизмѣненіе такого рода: оба изображенія могутъ быть приближаемы къ зеркаламъ и удаляемы отъ нихъ. Чѣмъ ближе оба изображенія придвигаются къ зеркаламъ тѣмъ больше дѣлаются изображенія сѣтчатки безъ измѣненія конвергенціи. При этомъ кажущаяся величина видимаго объекта увеличивается безъ измѣненія кажущагося отдаленія. Если же, напротивъ, мы оставляемъ неподвижными изображенія, а вращаемъ зеркало вокругъ средней оси, то конвергенція измѣняется, между тѣмъ величина изображенія сѣтчатки остается безъ измѣненія. Такимъ образомъ, хотя величина изображенія остается той же самой, но съ измѣненіемъ конвергенціи предметы кажутся больше или меньше. Это является показателемъ роли ковергенціи при опредѣленіи разстоянія предмета. Измѣняется конвергенція, измѣняется и величина предмета. Это находится въ зависимости отъ того, что когда мы видимъ предметъ, то мы ощущаемъ разстояніе и величину предмета не только на основаніи изображенія на сѣтчаткѣ: есть, слѣдовательно и другіе факторы, вліяніе которыхъ сказывается при опредѣленіи разстоянія.

Если на глазъ падаетъ два изображенія одинаковой величины отъ разныхъ предметовъ - карандаша и дерева, то можетъ случиться, что-если напр. дерево находится на далекомъ разстояніи, а карандашъ - на близкомъ - что изображенія ихъ на сѣтчаткѣ будутъ одинаковы. Несмотря на это они оцѣнива-

ются все же не какъ одинаковыя. Мы знаемъ, что предметъ, находящійся на б о л ь ш е м ъ р а з с т о я н і и (изъ мускульно-осязательнаго опыта, извѣстенъ, какъ больший), мы его и оцѣниваемъ, какъ предметъ больший, не довольствуясь тѣмъ, что есть на сѣтчаткѣ. Слѣдовательно, если я смотрю на карандашъ и дерево, находящееся далеко, изображенія ихъ на сѣтчаткѣ получаются одинаковой величины, не взирая на то, что изображенія получаются одинаковыя, я считаю дерево болѣе толстымъ, потому что о величинѣ дерева я знаю изъ мускульно-осязательнаго опыта. Величина и разстояніе дерева опредѣляются не на основаніи только лишь изображенія на сѣтчаткѣ, но принимается въ соображеніе еще одинъ факторъ - мускульно-осязательный опытъ.

Слѣдуетъ наконецъ указать еще одинъ факторъ. - Когда на сѣтчаткѣ получаются два не одинаковыя изображенія, то слія-ніе ихъ даетъ намъ представленіе тѣла, даетъ третье измѣре-ніе, даетъ рельефъ. Теперь мы можемъ перечислить вспомога-тельные пріемы ощущенія разстоянія. Это суть: аккомодація, конвергенція, неодинаковое изображені на сѣтчаткѣ, и вооб-ще изображенія на сѣтчаткѣ, бинокулярное зрѣніе. Всѣ они такъ или иначе даютъ возможность ощущать разстояніе, а это, въ свою очередь, является показателемъ того, что разстояніе вос-принимается, созидается въ сознаніи благодаря перечисленнымъ выше вспомогательнымъ пріемамъ.

Если бы вы спросили, отъ-чего бинокулярное зрѣніе дѣлаетъ

вещи тѣлесными, рельефными, отвѣтъ можетъ быть таковъ: если я смотрю на предметъ лѣвымъ глазомъ, я вижу больше лѣвую сторону; если смотрю правымъ глазомъ-вижу правую сторону. Если смотрю одновременно обоими глазами, я какъ будто нѣсколько обхожу предметъ съ разныхъ сторонъ, и предметъ кажется рельефнымъ.

Итакъ то, что называется третьимъ измѣреніемъ развитого сознанія, является продуктомъ вспомогательныхъ пріемовъ, которые даютъ возможность ощущать разстояніе, созидаютъ то, что называется третьимъ измѣреніемъ или разстояніемъ. Вы видѣли существенное различіе, которое должно проводить между глубиной или третьимъ измѣреніемъ первоначальнаго сознанія и сознанія развитого.

Теперь поднимается важная проблема, связанная съ проблемой воспріятія третьяго измѣренія. Я указалъ, что весьма важнымъ для воспріятія разстоянія является мускульно-осязательный опытъ. Въ курсѣ прошлаго года я привелъ много данныхъ доказательство того, что безъ него мы, зрячіе, видѣли бы протяженность, третье измѣреніе, не такъ, какъ видимъ теперь, благодаря мускульно-осязательному опыту. Но приведя эти факты, я оставилъ ихъ безъ объясненія; не привелъ даже тѣхъ сомнѣній, которыя могутъ психологически возникнуть.

Мы говоримъ: глазъ предоставленный себѣ, не могъ бы видѣть третьяго измѣренія, какъ видитъ теперь. Спрашивается, какъ объяснить этотъ фактъ?

При разсмотрѣніи теоріи Беркли мы видѣли, что дѣло об-

ится такимъ образомъ: сначала формы предметовъ, разстоянію ихъ мы научаемся съ помощью осязательнаго опыта, къ которому впослѣдствіи присоединяется зрительный опытъ, оказывающійся значительнѣе осязательнаго опыта. Если передо мной находится шаръ, я ощущаю его шаровидную форму лишь путемъ осязательнаго опыта, прикасаясь къ нему. Въ глазу же у меня получается плоское изображеніе круга. Оба опыта въ свое время соединяются, ассоціируются, благодаря чему намъ и кажется, что мы пространственныя отношенія видимъ, когда смотримъ на предметы.

Такъ разсуждаетъ Беркли, такъ разсуждаютъ и всѣ генетисты. Такое объясненіе воспріятія рельефа предметовъ предлагаю и я.

Фактъ этотъ подтверждается опытами надъ новорожденными. Но психологически здѣсь есть нѣкоторая трудность и я обращаю на нихъ ваше вниманіе. Если я смотрю на предметъ, имѣющій для меня цилиндрическую форму, то по теоріи Беркли выходитъ, что въ глазу у меня есть извѣстное изображеніе, а въ памяти извѣстный образъ цилиндрической формы. Такимъ образомъ въ сознаніи есть какъ будто два элемента: зрительный опытъ и осязательный опытъ. Спрашивается, какова форма взаимнаго сосуществованія въ сознаніи этихъ двухъ элементовъ? На этотъ вопросъ можно дать нѣсколько отвѣтовъ.

Д. С. Милль, который особенно останавливалъ свое вниманіе на этомъ вопросѣ, говоритъ: въ сознаніи имѣется осязательный образъ, зрительный образъ вызываетъ осязательный, такъ что въ

сознаніи одновременно имѣется и зрительный и мускульно-осязательный образъ.

Другіе же психологи предлагаютъ такое объясненіе: хотя зрительный образъ вызываетъ осязательный, но его собственно нѣтъ, потому, что, когда я смотрю, я не въ состояніи вызвать въ сознаніи элементы осязательнаго образа.

Нѣкоторые же, наконецъ, полагаютъ, что хотя осязательный опытъ оказалъ въ свое время большія услуги, но теперь мы оперируемъ исключительно со зрительнымъ образомъ. Я вижу предметъ, онъ кажется мнѣ рельефнымъ, но осязательнаго образа при этомъ у меня не возникаетъ совсѣмъ.

Я ставлю вопросъ, въ настоящую пору трудно разрѣшимый: что же имѣется на лицо изъ этихъ двухъ опытовъ, оба они или одинъ только? Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что на лицо имѣется лишь опытъ зрительный, а осязательнаго не имѣется. Этотъ вопросъ такъ или иначе долженъ быть рѣшенъ. Теоретически рѣшить его, мнѣ представляется необычайно трудно, скорѣе онъ можетъ быть рѣшенъ экспериментально. Теоретически, если будемъ исходить изъ понятія безсознательнаго, можно предложить такое рѣшеніе: образъ мускульно осязательный появляется, но не въ такой формѣ, чтобы могъ быть воспроизведенъ; онъ оказываетъ свое дѣйствіе, но сознаваемъ быть не можетъ. Это единственная теорія, объясняющая совмѣстное существованіе въ сознаніи зрительныхъ и осязательныхъ формъ.

На этомъ я позволю себѣ закончить вопросъ о воспріятіи пространства и перейти въ слѣдующій разъ къ вопросу о воспрі-

тіи времени.

ВОСПРІЯТІЕ ВРЕМЕНИ.

Лекція 6-ая.

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть вопросъ о воспріятіи времени. Я обращаю ваше вниманіе на характерное отличіе времени отъ протяженности. Вы видѣли, что протяженность характеризуется слѣдующими свойствами: если протяженность имѣетъ а в с д е въ качествѣ элементовъ, то они имѣютъ характеръ рядоположности, внѣположности, т.е. элементъ а существуетъ внѣ в, в существуетъ внѣ с, с - внѣ д, д - внѣ е и т.д. Всѣ они представляются сосуществующими, всѣ представляются сознанію одновременными. Мы знаемъ, что время, разсматриваемое параллельно съ протяженностью, тоже складывается изъ извѣстныхъ элементовъ. Параллельно протяженности въ пространствѣ, протяженность во времени кажется складывающейся изъ отдѣльныхъ элементовъ а в с д е.

Интересно выяснить, каково различіе между протяженностью во времени и протяженностью въ пространствѣ. Въ то время, как въ пространствѣ элементы его представляются рядоположными и внѣположными, одновременными; во времени они представляются сознаніемъ послѣдовательными, одинъ за другимъ; тогда какъ въ пространствѣ элементы представляются одинъ вмѣстѣ съ другимъ и сохраняютъ полную самостоятельность, во времени - одинъ вслѣдъ за другимъ. Ощущеніями, которыя преимущественно располагаются въ пространственномъ порядкѣ, являются ощу-

щенія зрительныя; они наиболѣе благопріятны для расположенія въ пространственномъ порядкѣ, могутъ быть внѣположными и рядоположными. Для временной протяженности характерны звуковыя ощущенія, располагающіяся въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Замѣтивъ это различіе между временнымъ и пространственнымъ порядкомъ, мы можемъ провести дальше такую аналогію. По отношенію къ протяженности у насъ возникаетъ вопросъ: есть ли протяженность предметъ ощущенія или воспріятія? Кто смотритъ на протяженность, какъ на предметъ непосредственно данный, непроизводный, тотъ считаетъ ее ощущаемой. Параллельно возникаетъ вопросъ о времени: ощущается оно или воспринимается? Многіе психологи, между прочимъ, Махъ, держатся мнѣнія, что время, подобно другимъ качествамъ, ощущается, а не воспринимается. Есть ощущеніе протяженности: -Raumempfindung., есть и Zeitempfindung - ощущеніе времени. Во второй половинѣ 19 вѣка былъ введенъ терминъ, существовавшій очень долго, терминъ "чувство времени". Подобно тому, какъ есть чувство для зрительныхъ ощущеній, для слуховыхъ ощущеній, такъ есть особое чувство для временныхъ ощущеній. Какъ мы увидимъ дальше, сказать, что время есть предметъ ощущеній, нельзя. Это было бы можно сдѣлать въ томъ случаѣ, если бы время, переживаемое нами въ сознаніи, представляло какое-нибудь особое содержаніе въ родѣ того, какое имѣется въ зрительныхъ, осязательныхъ, слуховыхъ ощущеніяхъ. Какъ увидимъ изъ анализа представленія времени, такого особаго содержанія для времени не существуетъ. Поэтому мнѣ представляется, что неправильно бы-

ло бы говорить объ ощущеніи времени, правильнѣе - о воспріятіи времени, какъ процессѣ болѣе сложномъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо разсмотрѣть время, какъ оно переживается въ сознаніи, съ точки зрѣнія описательной. Я раздѣляю эти двѣ точки зрѣнія: въ слѣдующій часъ я буду говорить о природѣ воспріятія времени, теперь я разсмотрю время съ описательной точки зрѣнія.

Когда мы говоримъ о временной послѣдовательности, временномъ порядкѣ, мы, какъ извѣстно изъ обиходныхъ наблюденій, всегда различаемъ три отличныхъ другъ отъ друга момента. Мы говоримъ: есть событія, совершающіяся въ настоящее время; есть событія, предшествовавшія настоящему времени, событія прошедшія, бывшія раньше настоящаго времени; наконецъ, есть событія, которыя будутъ послѣ настоящаго времени, событія будущія. Мы различаемъ такимъ образомъ три момента - настоящее, прошедшее, будущее. Это фактъ безспорный, его можетъ каждый отмѣтить въ своемъ самонаблюденіи. Когда мы говоримъ о локализаціи событій во времени, мы всегда имѣемъ эти три момента. Исходнымъ пунктомъ является настоящее: мы опредѣляемъ все по отношенію къ настоящему, и прошедшее и будущее является таковымъ по отношенію къ настоящему.

Изобразимъ это схематически черт. А Б С. Если Б - настоящее, А - прошедшее и С - будущее, то эти три элемента, чтобы мы могли оцѣнивать ихъ какъ настоящее, прошедшее и будущее, должны находиться въ нашемъ сознаніи одновременно. Это необычайно существенно для представленія о природѣ време-

ни. Мы не можемъ говорить о прошедшемъ, если не думаемъ о настоящемъ и будущемъ, т.е. при локализаціи во времени эти три элемента въ сознаніи находятся одновременно, другими словами являются соединенными. - А съ Б, Б съ С.

Итакъ отличительный признакъ времени - это соединеніе элементовъ. Возникаетъ вопросъ, почему, на какомъ основаніи соединяются элементы и что за соединеніе представляютъ три момента временной послѣдовательности? Такъ простой фактъ, что элементы времени всегда представляются соединенными, является необычайно важнымъ въ принципіальномъ отношеніи для всякой психологіи. Если вы скажете, что элементы соединены, вы должны предположить существованіе особаго синтеза - и тогда должны допустить наличность синтетической дѣятельности ума, т.е. вы приписываете уму что-то особенное, чего въ самомъ ощущеніи не наблюдается.

Я хочу обратить ваше вниманіе на слѣдующее. Сознанію предлагаются пять звуковъ, пять тоновъ; они слѣдуютъ другъ за другомъ и даютъ идею послѣдовательности въ томъ случаѣ, если всегда соединяются другъ съ другомъ, представляютъ соединеніе, сплетаются другъ съ другомъ. Пусть имѣется 6 элементовъ a b c d e f; представимъ такой случай: сознаніе можетъ воспринять каждый элементъ, но, воспринявъ, тотчасъ забываетъ его. Могло бы такое сознаніе имѣть идею послѣдовательности? Конечно, нѣтъ: я воспринялъ элементъ a и забылъ его при переходѣ къ b, при переходѣ къ c я забылъ о b и т.д. Можетъ ли быть при такихъ условіяхъ сознаніе послѣдовательности? Конечно, не

можетъ. Сознаніе должно проходить весь рядъ, все должно храниться въ сознаніи, иначе сознанія послѣдовательности быть не можетъ. Какъ можно объяснить, что эти элементы соединяются? То, что они должны соединяться, это несомнѣнно, это можно было бы подтвердить такимъ примѣромъ.

Есть особая форма душевной болѣзни, когда происходитъ аналогія того, что я только что указалъ: субъектъ воспринимаетъ элементы, но соединить ихъ вмѣстѣ онъ не въ состояніи; у больного утрачивается сознаніе послѣдовательности для данной группы представленій. Итакъ несомнѣнно, что для сознанія послѣдовательности всѣ элементы должны быть соединены. Но какимъ образомъ происходитъ это соединеніе?

Соединеніе можно объяснить, вѣроятно, такимъ образомъ: Мы воспринимаемъ а, т.е. обращаемъ на него вниманіе, затѣмъ съ помощью вниманія переходимъ къ в, что должно происходить въ этотъ моментъ? Отъ а остается извѣстный образъ, который не успѣлъ заглохнуть, исчезнуть изъ сознанія, когда оно перешло къ в. Когда сознаніе переходитъ къ С, образъ в не успѣваетъ еще исчезнуть изъ сознанія. Остатокъ, получающійся отъ пережитаго впечатлѣнія сохраняется въ сознаніи, соединяется съ тѣмъ впечатлѣніемъ, на которое направлено вниманіе въ данный моментъ. Весь этотъ рядъ цѣликомъ сохраняется въ сознаніи: одинъ элементъ не успѣваетъ еще заглохнуть, когда сознаніе переходитъ ко второму, затѣмъ къ третьему, четвертому и т.д. Когда мы начинаемъ f мыслить ясно, а поблекло уже, но оно все же хотя неясно существуетъ въ сознаніи. Такимъ способомъ можно объяснить

соединеніе, сплетеніе элементовъ въ одно цѣлое, соединеніе, необходимое, чтобы получился послѣдовательный рядъ.

Я указалъ уже то необходимое условіе, при наличности котораго можно получить временной порядокъ. Въ томъ ряду, который представляется послѣдовательнымъ, выдѣляется одинъ элементъ, называемый настоящимъ въ отличіе отъ прошлаго и будущаго. Этотъ исходный пунктъ представляетъ огромный психологическій интересъ. Что такое это настоящее? Какой оно имѣетъ характеръ? Если мы произведемъ рядъ звуковъ и я ощущаю ихъ-то это будетъ то, что мы называемъ настоящимъ; если звуки прошли, -это будетъ уже прошедшее; если же, наконецъ, звуки будутъ впослѣдствіи - то это - будущее, Что же такое это настоящее?

Въ психологіи происходили продолжительные споры относительно того, какъ можетъ быть съ точки зрѣнія длительности опредѣлено настоящее. Философы, поэты, , обыденное сознаніе всегда имѣли тенденцію сравнивать настоящее съ математической точкой. Въ тотъ моментъ, когда я говорю, настоящаго уже нѣтъ, оно ушло. Такое представленіе держалось очень долго, пока, наконецъ, въ послѣднее время не стали смотрѣть иначе и не обратили вниманія на различіе времени съ точки зрѣнія математики и непосредственно переживаемаго состоянія. Съ точки зрѣнія математики подъ временемъ подразумѣваютъ нѣчто абсолютно непрерывное, представляютъ его состоящимъ изъ точекъ и, говоря о настоящемъ времени, дѣлаютъ попытку представить его, какъ математическую точку. Всѣ художественныя сравненія показываютъ, что, выдѣляя изъ ряда одинъ моментъ, дѣлаютъ попытку мыслить на-

стоящій моментъ, какъ математическую точку. Въ реальномъ переживаніи дѣло обстоитъ не такъ.

Въ реальномъ переживаніи настоящее имѣетъ чрезвычайно неопредѣленный характеръ по своей длительности. Если бы настоящее развѣялось мгновенно, можно было бы сказать, что въ нашемъ сознаніи временная длительность настоящаго равна точкѣ. Но если сдѣлать попытку опредѣлить настоящее психологически, оказывается, что такъ говорить нельзя, такъ какъ длительность настоящаго колеблется. То, что можетъ быть названо настоящимъ, можетъ измѣняться по величинѣ: оно можетъ быть или очень краткимъ, или казаться довольно длительнымъ. Такимъ образомъ возникаетъ вопросъ о длительности настоящаго. Въ послѣднее время дѣлаются попытки рѣшить этотъ вопросъ экспериментально.

Проблему о длительности настоящаго ставили на основаніи теоретическихъ соображеній. Можетъ быть, эксперименты эти не имѣютъ значенія, но единственный способъ ихъ опровергнуть есть теоретическій анализъ представленія идеи времени. Если вы согласитесь относительно того, что настоящее время есть нѣчто такое, что оно имѣетъ неопредѣленную продолжительность, вы можете перейти къ экспериментамъ. Если вы съ этимъ не согласны, вы можете, конечно, осудить ихъ, какъ не имѣющіе цѣны. Я говорилъ уже, что эксперименты сами по себѣ, безъ теоретическихъ соображеній, не имѣютъ никакого значенія. Я покажу теперь, какъ производятся эти эксперименты, изъ чего они исходятъ.

Задача заключается въ томъ, чтобы опредѣлить длительность момента, называемаго настоящимъ. Мы должны опредѣлить длитель-

ность между двумя предметами, т.е. опредѣлить, какой промежутокъ времени можно воспринять какъ время, какъ промежутокъ между двумя пунктами.

Берется электрическая машина, которая при вращеніи даетъ звукъ треска. Если мы будемъ вращать съ извѣстной быстротой, то каждый отдѣльный трескъ отъ другого будетъ отдѣляться замѣтнымъ промежуткомъ времени; если ускорить быстроту движенія, всѣ трески будутъ сливаться въ одинъ звукъ, промежутковъ не будетъ. Мы найдемъ въ этой смѣнѣ тресковъ такой минимальный моментъ, когда они не сливаются, являются послѣдовательными, даютъ минимальную продолжительность, которую можно воспринять, которая нами ощущается. Оказывается, что 0,002 секунды являются минимальной продолжительностью, которую мы воспринимаемъ, т.е. между двумя послѣдовательными элементами долженъ быть промежутокъ въ 0,002 секунды. Для зрительныхъ ощущеній минимальная продолжительность будетъ 0,044, т.е. между двумя свѣтовыми ощущеніями долженъ быть промежутокъ въ 0,044 секунды, чтобы они казались намъ раздѣльными. Если возьмемъ два ощущенія, относящіяся къ различнымъ органамъ чувствъ - ощущеніе слуховое и ощущеніе цвѣтовое, то минимальная послѣдовательность будетъ 0,053 и 0,163 секунды.

Итакъ, минимальная послѣдовательность бываетъ различна, самой минимальной является она для звуковыхъ ощущеній: она равна 1/500 секунды. Это та минимальная продолжительность настоящаго времени, которую можно воспринять.

Теперь займемся вопросомъ о максимальной длительности на-

стоящаго времени, длительности того, что называется настоящимъ.

Надо выяснить, какое количество впечатлѣній можно воспринять въ одно мгновеніе и какъ долго они могутъ длиться? Если поставить этотъ вопросъ безъ отношенія къ экспериментальной психологіи, то, спрашивается, какъ его можно рѣшить теоретически? Предлагаются субъекту изображенія крестиковъ, точекъ и предлагаютъ сосчитать ихъ. Оказывается, что онъ воспримета извѣстное количество впечатлѣній. Я могу увеличить это количество; до извѣстнаго предѣла вы будете отличать ихъ, но наконецъ уже не будете въ состояніи это сдѣлать. Тогда мы можемъ будемъ сказать: вотъ это количество впечатлѣній, которое можно воспринять съ достаточной ясностью. Положимъ, мы опредѣлили это количество: оно равно 16, 20 и т.д. Но мы не опредѣлили еще, чему равняется этотъ промежутокъ времени. Какъ велика максимальная длительность момента, въ который воспринимается наибольшее количество впечатлѣній? Эту проблему нельзя рѣшить, взявъ зрительныя ощущенія, всего лучше взять для этого ощущенія слуховыя, потому что они не оставляютъ слѣда, могутъ быть кратки и отчетливы. При помощи ихъ, мы и можемъ рѣшить проблему.

Существуютъ очень сложные приборы, съ помощью которыхъ можно извлечь послѣдовательный рядъ звуковыхъ ощущеній. Опытъ можно произвести съ помощью метронома. Колебаніемъ маятника метронома можно получить опредѣленное количество впечатлѣній - 1, 2, 3, 4, 5, 6. Я могу ускорить эти колебанія и тогда рядъ будетъ раскрываться быстрѣе. Мы опредѣляемъ, какое количество звуковыхъ ощущеній можно воспринять, если ощущенія составляютъ

рядъ, чтобы когда послѣдній (шестой) элементъ будетъ находиться въ сознаніи, первый еще не и с ч е з ъ изъ сознанія, чтобы всѣ вмѣстѣ они составляли одно цѣлое. Итакъ, надо рѣшить, если дается рядъ звуковыхъ впечатлѣній, какое количество ихъ можно одновременно воспринять. Если мы рѣшимъ этотъ вопросъ, мы рѣшимъ вопросъ объ объемѣ сознанія. Эта задача рѣшается съ помощью метронома такимъ образомъ.

Я произвожу опредѣленное количество звуковъ, положимъ въ секунду 10 ударовъ, тѣмъ, что въ заставляю метрономъ выбивать въ секунду 10 ударовъ, Это будетъ нормальное количество, которое дается испытуемому субъекту. На другомъ метрономѣ я буду выбивать тоже 10 ударовъ такъ, чтобы, когда послѣдній ударъ будетъ въ сознаніи, первый тоже еще былъ тамъ. Всѣ они должны составлять одно цѣлое. Если при сравненіи этихъ 10 ударовъ съ первыми окажутся, что они равны, то спрашивается, всѣ эти 10 ударовъ восприняты ясно или не всѣ? Безспорно всѣ восприняты ясно, Эти 10 ударовъ и составляютъ то, что называется объемомъ сознанія. Если при 10 ударахъ сужденіе окажется точнымъ, я могу взять 16, 20, 40 и т.д. Если я беру 40 ударовъ, вы сравниваете съ другими 40, и сужденіе оказывается неточнымъ, то это уже показываетъ, что вы не можете обнять 40 ударовъ, вы должны спуститься ниже до извѣстнаго предѣла, Такой предѣлъ есть. Надо, чтобы между однимъ и другимъ ударомъ метронома былъ извѣстный промежутокъ. Если промежутокъ равенъ 1/5 секунды, то при 12 ударахъ метронома мы можемъ давать точную оцѣнку, т.е. если норму 12 сравнить съ другими 12, оцѣнка будетъ болѣе или

менѣе точная. Отсюда выводъ: 12 ударовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга промежуткомъ въ 1/5 секунды, заполняютъ сознаніе вполнѣ, сознаніе можетъ ихъ схватить, какъ послѣдовательно смѣняющіеся. Эта цифра составляетъ объемъ сознанія. Если такъ, то мы можемъ отвѣтить на вопросъ о максимальной длительности. Для этого надо 1/5 помножить на 12, получится отъ 2-3 секундъ. Итакъ минимальная длительность момента, называемаго настоящимъ, равно $\frac{1}{500}$ секунды, а максимальная - 3 секунды. Значитъ, настоящее имѣетъ различную длительность. Это имѣетъ большое значеніе для характеристики такъ называемаго объема сознанія.

Затѣмъ обращаю ваше вниманіе еще на одинъ видъ экспериментовъ, которые производились въ послѣднее время и интересны въ томъ отношеніи, что при помощи ихъ возможна оцѣнка различныхъ интереваловъ времени. Эксперименты ставятся такъ: берется нормальный метрономъ и другой для сравненія, или другими словами - нормальное время и время для сравненія. Я беру одну секунду, на другомъ я произвожу такимъ же образомъ секунду и спрашиваю субъекта: какъ вамъ кажется, равны они или нѣтъ? Если вы даете отвѣтъ - равны, вы оцѣниваете правильно. Затѣмъ я беру различные промежутки времени - въ 3, 2, 1 секунду, а также и дробныя части секунды - 1/2, 1/3 и т.д. Вы сравниваете и оцѣниваете. Получается фактъ необычайно интересный. Здѣсь есть одинъ моментъ, который оцѣнивается вполнѣ точно всѣми. По прежнимъ изслѣдованіямъ онъ равняется 0,7 секунды, по теперешнимъ - 0,5 секунды. Этотъ промежутокъ оцѣнивается вполнѣ точно, правильно почти всѣми испытуемыми субъектами. Другіе

интервалы, которые больше, ощущаются меньшими, мы ихъ преуменьшаемъ: вмѣсто 3 секундъ - 2,9 секунды и т.д. Такъ идетъ до этого предѣла 0,5, а начиная отъ него - 0,4; 0,3; 0,2 и т.д., всѣ преувеличиваемъ, мы стараемся сдѣлать ихъ нѣсколько больше. Этотъ пунктъ - 0,5 называется п у н к т о м ъ и н д и ф ф е р р е н т н о с т и, онъ оцѣнивается наиболѣе точно. Отчего происходитъ то, что его мы оцѣниваемъ точно, тогда какъ всѣ остальные либо переоцѣниваемъ, либо недооцѣниваемъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ мы пока не въ состояніи, этотъ вопросъ подлежитъ еще дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, въ настоящій же моментъ, пока нѣтъ еще точныхъ данныхъ для отвѣта. На вопросъ, чѣмъ мы руководствуемся, оцѣнивая вообще время, указываютъ различные факторы кровообращенія, дыханія, и т.д., но ихъ однихъ еще недостаточно для оцѣнки. Замѣчу, между прочимъ, что этотъ фактъ представляетъ громадный интересъ, потому что выдвигаетъ цѣлый рядъ проблемъ.

Я уже указывалъ, что представленіе времени возникаетъ потому, что послѣдовательный рядъ впечатлѣній дѣйствуетъ на наше сознаніе. У насъ есть представленія, которыя являются результатомъ воздѣйствія ряда впечатлѣній, что есть матеріалъ, изъ котораго строится представленіе времени. Вотъ что является весьма существеннымъ: если есть представленія a b c d e f и т.д., они даютъ новое представленіе, представленіе послѣдовательности.

Если возникаютъ только послѣдовательныя представленія, этого еще недостаточно для того, чтобы отсюда произошла идея времени. Когда я говорю, что слѣдованіе одного за другимъ представле-

ній даетъ поводъ для возникновенія идеи времени, то каковы должны быть эти представленія? Если бы они были абсолютно однородны, хотя бы они были смѣняющимися, то могли бы они дать идею длительности или нѣтъ? Я позволю себѣ иллюстрировать этотъ вопросъ съ помощью нѣсколько фантастическаго примѣра.

Представимъ себѣ живое существо, находящееся передъ цилиндромъ вполнѣ равномѣрно окрашеннымъ, который находится въ состояніи равномѣрнаго вращенія. Это существо воспримет вращеніе, но будетъ ли у него идея времени, какъ у насъ? Несомнѣнно, что есть смѣняющіяся впечатлѣнія, но всѣ они одинаковы, ни одно не отличается отъ другого. Безспорно, что идея длительности, послѣдовательности будетъ, потому что по нашей теоріи все, что смѣняется, слѣдуетъ другъ за другомъ, можетъ вызвать идею длительности, но здѣсь не будетъ того, что называется опредѣленностью. Чтобы смѣняющіяся впечатлѣнія дали идею опредѣленной длительности, надо, чтобы они возникали періодически, представлялись повторяющимися съ опредѣленной правильностью. Если бы появлялись отъ времени до времени какіе-нибудь значки - напримѣръ, черточки, и появлялись бы періодически правильно, то наше вниманіе направлялось бы на эти впечатлѣнія правильной смѣны, и у насъ получилась бы идея времени. Это то, что имѣется въ правильной смѣнѣ дневныхъ впечатлѣній въ видѣ періодическаго появленія солнца или въ томъ періодическомъ движеніи, которое совершаетъ часовая стрѣлка. Такимъ образомъ въ ряду представленій есть одно, которое привлекаетъ вниманіе и періодически повторяется. Это служитъ для того,

чтобы идеѣ длительности придать опредѣленный характеръ. Тѣ пункты, гдѣ находятся стрѣлка часовъ, солнце, являются отмѣтными пунктами для локализаціи: мы помѣщаемъ извѣстное событіе ближе или дальше, и идея длительности получаетъ большую или меньшую опредѣленность.

Я говорилъ въ прошлой лекціи, что если есть элементы А В С, то для полученія идеи длительности надо чтобы они соединялись: если есть В, то сознаніе направляется отъ него къ А и къ С; всѣ эти элементы находятся въ сознаніи одновременно.

Если мы скажемъ такъ, то становится понятнымъ, отчего время въ нашемъ сознаніи не есть ощущеніе, потому что для времени мы не можемъ отыскать опредѣленнаго содержанія. Длительность въ томъ, что мы ощущаемъ, не содержится. Длительность, время есть особый способъ соединенія тѣхъ или другихъ ощущеній. Намъ даются тоны А, В, С, мы ихъ воспринимаемъ. Ощущаемъ сначала одинъ, потомъ другой и, наконецъ, третій; мы мыслимъ не только ощущаемъ тоны, но у насъ есть, кромѣ того, и представленіе длительности. Но можетъ быть длительность и тоны представляютъ одно и тоже? Этотъ вопросъ представляется чрезвычайно важнымъ и для гносеологіи. Нужно замѣтить, что и длительность, и тоны нѣчто совершенно другъ отъ друга отличное. Намъ даются только извѣстные тоны, а въ сознаніи кромѣ представленія тоновъ получается идея длительности, времени, которая не тождественна съ тонами и въ тонахъ, какъ таковыхъ не содержится. Возьмемъ первый тонъ, другой, третій, въ каждомъ изъ нихъ длительности, какъ таковой не содержится. Съ

другой стороны- не будъ тоновъ,не было бы и идеи длительности,время.Итакъ,время есть особый способъ соединенія представленій, способъ синтезированія ощущеній.

Если вы примете это положеніе,то для васъ сдѣлается яснымъ несостоятельность обычнаго эмпирическаго толкованія,что содержаніе нашей психики получается исключительно отъ воздѣйствія внѣшняго міра,Мы уже убѣдились, что послѣдовательность не получается извнѣ,она создается нами,нашимъ сознаніемъ, изъ тѣхъ ощущеній,которыя намъ даются.Мнѣ кажется, что это разсужденіе такъ просто и убѣдительно, что едва ли можно спорить противъ него.Итакъ,ясно,что послѣдовательность созидается сознаніемъ.Послѣдовательности ощущеній недостаточно,чтобы получилась идея послѣдовательности;ее творитъ сознаніе,соединяя ощущенія.Вотъ отчего старый способъ выраженія,идущій отъ Гербарта,долженъ быть признанъ правильнымъ:"послѣдовательность ощущеній еще не есть ощущеніе послѣдовательности";такъ какъ мы созидаемъ послѣдовательность сами.

Чтобы послѣдовательность могла быть создана,т.е, чтобы мы имѣли идею длительности,послѣдовательности изъ ряда ощущеній,надо, чтобы эти ощущенія опредѣленнымъ образомъ синтезировались. Возможность такого синтеза обусловливается тѣмъ, что мы называемъ единствомъ сознанія. Безъ единства сознанія не можетъ быть идеи времени.Идея времени возникаетъ вслѣдствіе того, что сознаніе обладаетъ единствомъ,обладаетъ способностью соединять ощущенія, представленія въ одно.Сравнительно съ настоящимъ моментомъ В А кажется прошлымъ, С - бу-

душимъ, потому, что они переживаются одновременно, а это, въсвою очередь, возможно благодаря способности, называемой единствомъ сознанія. Безъ единства сознанія идеи длительности не существуетъ, Вѣроятно, что у организмовъ, у которыхъ сознаніе не пріобрѣло того совершенства въ единствѣ, которое принадлежитъ нашему сознанію, идеи длительности не имѣется на лицо, Вотъ все, что можно сказать о томъ, что называется представленіемъ времени.

Съ точки зрѣнія психологической этимъ довольствоваться нельзя: нельзя говорить только о представленіи времени, должно сказать вообще о времени, имѣющемся въ сознаніи. Мы должны, мы обязаны сказать, какъ вообще время можетъ быть переживаемо. Прежде всего нужно замѣтить, что время есть не только представленіе, но и понятіе. Время, какъ таковое, можетъ быть разсматриваемо не только въ качествѣ представленія, но и въ качествѣ логически обработаннаго понятія, освобожденнаго отъ случайныхъ признаковъ.

Я позволю себѣ коснуться этого вопроса, чтобы провести ту идею, что этотъ вопросъ относится къ области эмпирической психологіи, тогда какъ обычно онъ разсматривается въ логикѣ.

Прежде всего я хочу разсмотрѣть такія свойства времени, какъ е д и н и ч н о с т ь и н е п р е р ы в н о с т ь. Время представляется единичнымъ, безконечнымъ, непрерывнымъ; у насъ есть даже идея вѣчности. Интересно съ психологической точки зрѣнія выяснить, какимъ образомъ у насъ рождаются такого рода признаки времени.

Мы говоримъ, что время переживается въ сознаніи съ такимъ признакомъ, какъ единичность. Это было причиной того, что Кантъ называлъ время при посредствѣ термина и н т у и ц і и, т.е. построеніе, относящееся къ чему то единому. Какъ объяснить психологически возникновеніе такого представленія времени? Мы изслѣдовали вопросъ объ оцѣнкѣ времени, длительности. Этотъ вопросъ объ единичности времени представляется вопросомъ психологическимъ въ той же мѣрѣ, какъ и гносеологическимъ, и логическимъ. Какъ объяснить то, что мы имѣемъ представленіе единичности времени? Пространство мы представляемъ какъ нѣчто единое, по отношенію къ которому отдѣльныя протяженности кажутся частями. Точно также и время кажется намъ единымъ, тянущимся въ одномъ направленіи до безконечности въ прошломъ и до безконечности въ будущемъ. Откуда у насъ такое представленіе? Отвѣтъ можно дать психологическій. Когда мы говоримъ о длительности, мы говоримъ о конкретномъ времени, т.е. о времени съ опредѣленнымъ конкретнымъ содержаніемъ; но въ нашемъ сознаніи мы можемъ отрѣшиться отъ какого бы то ни было содержанія, мыслить только форму, способъ соединенія. Пусть намъ даны три тона: я говорю, что первый былъ раньше, а третій позднѣе второго. Пока я говорю о тонахъ, содержаніе будетъ конкретнымъ: къ данному частному содержанію прилагается идея длительности. Но я могу отрѣшиться отъ тоновъ и говорить о схемѣ ихъ соединенія отвлеченно, безъ конкретнаго содержанія. Я могу говорить, что есть три момента A B C, все равно, буду ли я говорить о трехъ тонахъ, цвѣтахъ, какихъ-нибудь другихъ ощущеніяхъ, это без-

различно.Я мыслю только одну отдѣльную схему и мыслю ее какъ лишенную всякаго содержанія,какъ опредѣленный порядокъ.Это есть переживаніе времени вообще,какъ представленіе одной опредѣленной схемы безъ опредѣленнаго содержанія.Если я говорю о движеніи,то оно совершается во времени, я мыслю это абстрактное,отвлеченное время безъ какого бы то ни было содержанія, я мыслю извѣстную схему,образъ.Это не есть содержаніе только моего мышленія,мышленія философа,мышленіе васъ,занимающихся философіей;это есть содержаніе мышленія обиходнаго,оно тоже знакомо съ этой абстракціей.Я могу расширить абстракцію до приложенія ея ко всѣмъ совершающимся событіямъ,я могу относить ее ко всѣмъ возможнымъ смѣнамъ,т.е. такая схема приложима ко всѣмъ,какимъ бы то ни было событіямъ.Схема остается единой,ничто не можетъ прибавиться къ ней.Такимъ образомъ получается то,что называется единичностью времени.Все что есть, что было до меня,что будетъ послѣ меня,все составляетъ одно, единое цѣлое,потому что мыслится опредѣленная схема,порядокъ безъ опредѣленнаго содержанія.Вотъ отчего время обладаетъ единствомъ.

Возьмемъ такое свойство,какъ однородность.Что понимается подъ однородностью? Если мы мыслимъ время состоящимъ изъ частей,то одна часть похожа на другую, другая на третью и т.д. Почему мы мыслимъ время однороднымъ? Потому,что мы имѣемъ въ виду не какое-нибудь содержаніе, а опредѣленный порядокъ,схему безъ содержанія .Поэтому безразлично,будетъ ли она прилагаться къ однимъ отношеніямъ или къ другимъ, время пред-

ставляется однороднымъ,одинаковымъ.Любой отрѣзокъ похожъ на другой,потому что мыслится,какъ опредѣленный порядокъ,опредѣленная схема, а не какъ содержаніе.

Возьмемъ третій признакъ - н е п р е р ы в н о с т ь.Мы не можемъ представить,чтобы время въ извѣстный моментъ прервалось,перестало быть временемъ,а спустя нѣкоторое время снова возобновило свое существованіе.Мы представляемъ время непрерывнымъ.Это справедливо по отношенію ко всякому времени, особенно по отношенію ко времени,въ которомъ совершается движеніе.Движеніе совершается во времени,оно тянется непрерывно, Откуда является представленіе непрерывности времени? Въ опытѣ все смѣняется, всякая смѣна событій совершается прерывно, мы не представляемъ ее непрерывной,несмотря на то идея непрерывности времени все же возникла.Она возникла очевидно подъ вліяніемъ математическихъ отвлеченій.Мы говоримъ,что время течетъ,мы представляемъ время какъ теченіе,какъ что - то текущее и сравниваемъ обычно его съ линіей:оно такъ же непрерывно и безгранично,какъ линія,Такъ какъ линія въ математической абстракціи является какъ идеальное построеніе, образъ чего - то непрерывнаго, то и время пріобрѣтаетъ характеръ непрерывности.Значитъ, если время пріобрѣтаетъ характеръ непрерывности вслѣдствіе употребленія математическихъ символовъ, въ первоначальномъ сознаніи непрерывности времени не имѣется на лицо.

Какимъ образомъ возникаетъ идея безконечности времени? Я говорилъ уже о томъ,какъ переживается время въ нашемъ созна-

ніи. Какъ же переживается въ реальномъ сознаніи безконечность времени? Психологическое объясненіе будетъ таково. Мы уже знаемъ, что время понимается какъ опредѣленная схема, опредѣленный порядокъ, лишенный содержанія. А отсюда ясно, что если мы мыслимъ время, то мы одинъ элементъ присоединяемъ къ другому элементу, одинъ отрѣзокъ къ другому отрѣзку. Мы замѣчаемъ, что наше сознаніе въ этой способности присоединять одинъ отрѣзокъ къ другому обладаетъ способностью никогда не останавливаться. Этотъ процессъ присоединенія никогда не можетъ быть завершенъ, онъ можетъ длиться непрерывно, не заканчиваясь никогда. Идея, что въ сознательной дѣятельности, въ присоединеніи одного отрѣзка времени къ другому сознаніе никогда не останавливается, эта идея дала то, что называется идеей безконечнаго времени. Повторяю, я не говорю о томъ, есть ли безконечность дѣйствительно или ея нѣтъ, я говорю, какъ мы представляемъ идею безконечности. Возьмите такой примѣръ: пусть дана безконечная линія: вы присоединяете къ одному отрѣзку другой, третій, четвертый и т.д.; вы замѣчаете, что сознаніе можетъ совершенно не останавливаться, что для сознанія нѣтъ никакого предѣла.

Наконецъ, послѣдній признакъ, не имѣющій характера переживанія въ реальномъ сознаніи, но созданный философіей, тоже имѣетъ характеръ психологическій - в ѣ ч н о с т ь в р е м е н и.

Подъ вѣчностью разумѣется слѣдующее: когда все совершается въ одинъ моментъ времени, когда все превращается въ насто-

ящее, когда все совершается внѣ времени, это называется вѣчностью времени. Если представимъ себѣ вездѣсущее существо, которымъ всѣ событія, совершающіяся для нашего сознанія въ послѣдовательности, воспринимаются въ одинъ моментъ, оно воспринимаетъ ихъ въ вѣчности. Я не буду разсматривать закономѣрность этого понятія, я разсматриваю его только психологически. Это есть идея такой длительности, въ которой нѣтъ послѣдовательности, нѣтъ длительности, нѣтъ прошедшаго, настоящаго, будущаго. Это есть просто отрицаніе времени.

А С С О Ц І А Ц І И.

Лекція 7-я.

Сегодня намъ предстоитъ разсмотрѣть вопросъ о законахъ ассоціаціи идей. Вопросъ объ ассоціаціи идей ставится въ связи съ вопросомъ о репродукціи, воспроизведеніи. Вы знаете, что между представленіями устанавливается извѣстная связь, называемая ассоціаціей, благодаря которой и могутъ быть репродуцированы представленія. Мы и займемся теперь разсмотрѣніемъ различныхъ типовъ этихъ связей, ассоціацій.

Прежде всего я долженъ упомянуть, что первымъ философомъ, ставившимъ вопросъ о классификаціи законовъ ассоціаціи, былъ Аристотель. Правда, еще Платонъ признавалъ ассоціацію, но классификацію далъ Аристотель. У него мы встрѣчаемъ четыре вида ассоціаціи: ассоціація по сходству, по противоположности, по одновременности и послѣдовательности.

Эти виды ассоціаціи - ассоціаціи по сходству и противоположности или какъ обычно ее называютъ теперь ассоціаціей по контрасту, ассоціаціи по одновременности и послѣдовательности(по теперешней терминологіи), очень долгое время держались въ наукѣ. Только по примѣру англійской психологіи 18 в. и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ психологовъ были попытки сократить эти типы: были попытки свести ассоціаціи по сходству и по противоположности къ одному типу - къ ассоціаціи по сходству, ассоціаціи по одновременности и послѣдовательности къ ассоціаціи по смежности. Попытки сокращать дальше, сводить къ болѣе общимъ формуламъ продолжаются и по настоящее время. Есть попытки при составленіи классификаціи расчленять типы, находить, такъ сказать, подтипы.

Заслуживаетъ вниманія классификація предложенная Вундтомъ. Ассоціаціи по сходству и по смежности обозначаютъ два понятія: ассоціація по сходству - отношеніе между содержаніемъ представленій, Вундтъ называетъ ее в н у т р е н н е й а с с о ц і а ц і е й, а ассоціацію по смежности называетъ в н ѣ ш н е й а с с о ц і а ц і е й. Въ силу этого получается двѣ большія группы:

I Внѣшняя ассоціація

II Внутренняя ассоціація.

Внутренняя ассоціація по родству содержанія, внѣшняя - по сопоставленію представленій. Во внѣшней ассоціаціи устанавливается отношеніе цѣлаго къ части и части къ цѣлому; мы усматриваемъ еще послѣдовательность, напр. звуковыхъ ощущеній. Что

касается внутренней ассоціаціи, гдѣ разсматривается отношеніе между содержаніемъ представленій, здѣсь существуютъ три типа: подчиненіе, соподчиненіе и зависимость. Какъ вы видите внутреннія ассоціаціи имѣютъ болѣе или менѣе логическій характеръ.

Давъ такую классификацію, Вундтъ не ограничился этимъ, понимая подъ ассоціаціей всѣ возможные виды связей представленій. Это весьма существенно, потому что по представленію англійскихъ психологовъ ассоціація можетъ быть только между представленіями, а по мнѣнію Вундта, какія бы то ни были соединенія психическихъ состояній, напримѣръ ощущеній, подобны тому, что называется ассоціаціей. Понимая терминъ ассоціація въ такомъ широкомъ смыслѣ слова, Вундтъ даетъ другую классификацію по другому принципу. Здѣсь ассоціаціи представленій таковы:

А, о д н о в р е м е н н а я а с с о ц і а ц і я

В, п о с л ѣ д о в а т е л ь н а я а с с о ц і а ц і я.

Къ одновременной ассоціаціи относятся, такъ называемые, процессы а с с и м и л я ц і и и к о м п л и к а ц і и. Къ послѣдовательной ассоціаціи относятся - у з н а в а н і е и в о с п р и з н а н і е. Этотъ послѣдній терминъ предложилъ одинъ русскій психологъ и можетъ быть мы его примемъ. Итакъ, замѣтивъ, что подъ ассоціаціей разумѣется соединеніе какихъ бы то ни было элементовъ, получаемъ два большихъ класса: одновременная ассоціація и послѣдовательная ассоціація. Какова ихъ характеристика? Чѣмъ отличается одна ассоціація отъ другой?

Разница между этими двумя видами ассоціаціи такова, если одинъ элементъ соединяется съ другимъ и оба они представляются сознанію одновременно, это есть одновременная ассоціація: ощущеніе и воспроизведенное представленіе даются сознанію одновременно, представляютъ одно нѣлое, въ которомъ мы не отличаемъ послѣдовательныхъ частей. Но можетъ быть, что мы отличаемъ въ процессѣ соединенія два послѣдовательныя моменты: одно ощущеніе и другое ощущеніе, одно представленіе и другое представленіе соединяются другъ съ другомъ и для нашего сознанія представляются въ видѣ двухъ послѣдовательныхъ актовъ, тогда мы имѣемъ дѣло уже съ послѣдовательной ассоціаціей. На отдѣльныхъ примѣрахъ будетъ ясно, о чемъ говоритъ Вундтъ.

Возьмемъ процессъ ассимиляціи. Когда бываетъ ассимиляція? Она имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда на сознаніе дѣйствуетъ извѣстное впечатлѣніе, вы его воспринимаете и репродудируете представленіе; они такъ сливаются, что составляютъ одинъ актъ. Въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ ассимиляціей. Напримѣръ: я читаю книгу и встрѣчаю слово, напечатанное невѣрно, ошибочно, но я читаю его правильно; вообще мы часто не замѣчаемъ ошибокъ, напримѣръ, отсутствіе буквъ. Какой здѣсь процессъ? Въ одной психологической лабораторіи показывали таблицу, на которой, вмѣсто "здѣсь говорить воспрещается", было написано "говорѣть воспрещается", но большая часть смотрѣвшихъ читалъ правильно. Мы обычно дополняемъ съ помощью репродукціи данное впечатлѣніе, послѣднее сливается съ репродуцированнымъ и они составляютъ одинъ актъ. Это есть процессъ ассимиляціи. Возь-

мемъ еще примѣръ:когда мы слышимъ, что кто-нибудь говоритъ, мы думаемъ, что слышимъ всѣ слова и слоги.Нѣкоторые говорятъ очень быстро и проглатываютъ слоги и слова,намъ же кажется, что мы слышимъ все.Ощущаемый слогъ сливается съ воспроизводимымъ и даетъ одно цѣлое,Этотъ процессъ наблюдается въ иллюзіяхъ,когда онѣ являются продуктомъ воспріятія репродуцированныхъ образовъ.Мы видимъ что-нибудь и намъ кажется,что мы видимъ предметъ,напоминающій то, что мы видимъ.Здѣсь воспроизводимое ощущеніе и воспроизводящее другъ съ другомъ сливаются.Вотъ сущность процесса ассимиляціи.

Въ чемъ заключается к о м п л и к а ц і я и почему она относится къ одновременной ассоціаціи?.Это есть соединеніе ощущеній,относящихся къ различнымъ органамъ чувствъ.Ощущенія могутъ представлять такое соединеніе, что намъ кажется,что они составляютъ одинъ образъ.Я слышу голосъ знакомаго и воспроизвожу его лицо,его фигуру,цвѣтъ волосъ и т.д,Я слышу только голосъ,слышу только звукъ и воспроизвожу цѣлую картину,составляющую одинъ цѣлостный актъ.Если такъ,то процессъ компликаціи можно считать одновременной ассоціаціей.Во всякой компликаціи изъ одновременныхъ элементовъ а в с д и т.д. одинъ элементъ имѣетъ главное значеніе,остальные отступаютъ на задній планъ,но всѣ вмѣстѣ составляютъ одно цѣлое,и потому Вундтъ называетъ одновременной ассоціаціей.

Въ качествѣ примѣра послѣдовательной ассоціаціи можетъ быть приведенъ процессъ узнаванія,когда я отличаю тотъ образъ, который представляется въ настоящій моментъ,и вмѣстѣ съ тѣмъ

отмѣчаю добавочные моменты. Между элементомъ воспроизводящимъ и воспроизведеннымъ можно отмѣтить моментъ во времени. Актъ распадается какъ бы на два отличныхъ акта.

Такова классификація Вундта.

Въ наукѣ мы замѣчаемъ тенденцію, чтобы при усложненіи, дифференціаціи классификаціи отыскать одинъ принципъ, который объединилъ бы всѣ законы. Такія попытки отыскать одинъ законъ замѣчаются и въ англійской, и въ нѣмецкой психологіи. Если признать, что есть два основныхъ типа ассоціацій - ассоціація по сходству и ассоціація по смежности, считая, что ассоціація по контрасту есть видъ ассоціаціи по сходству, то возникаетъ невольно сомнѣніе: неужели два разнородныхъ закона должны господствовать въ душевной жизни? Можетъ быть, существуетъ не два закона, а одинъ, можетъ быть, существуетъ только одинъ типъ ассоціаціи? Такое стремленіе - свести всѣ законы къ одному - замѣчается во всей исторіи психологіи 19 в. Все время дѣлались попытки свести все на одинъ законъ : съ одной стороны, признавали законъ ассоціаціи по сходству главнымъ, законъ же ассоціаціи по смежности считали производнымъ. Съ другой же стороны, наоборотъ; главной считалась ассоціація по смежности, ассоціація по сходству - производной. Вопросъ объ ассоціаціи представляетъ наибольшій интересъ въ англійской психологіи по причинѣ принципіальнаго характера. Англійскіе психологи считали, что наша душа, наше "я" есть пучокъ, совокупность соединенія ряда представленій. Естественно, что ассоціація являлась главнымъ принципомъ, объяснявшимъ всѣ соединенія,

всѣ осложненные психическіе процессы. Въ англійской психологіи наибольшее вниманіе обращалось на разсмотрѣніе законовъ ассоціаціи и примѣненіе ихъ къ душевнымъ явленіямъ. У англійскихъ психологовъ замѣчается стремленіе свести всѣ общіе законы къ одному. Познакомимся съ тѣми попытками, которые были сдѣланы, чтобы показать, что ассоціаціи по сходству собственно нѣтъ, есть только ассоціаціи по смежности, что ассоціаціи по сходству есть только видъ ассоціаціи по смежности. Попытки сводятся къ слѣдующему.

Одно представленіе можетъ вызвать другое всегда вслѣдствіе того, что между ними существуетъ отношеніе смежности, потому что они когда то были соединены вмѣстѣ. Возьмемъ представленіе A_1 и представленіе A_2. Мы говоримъ, что A_1 вызываетъ A_2? Можетъ быть, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ ассоціаціей по сходству, никакой смежности здѣсь не существуетъ? Но на это возражаютъ такъ: представленіе A_1 состоитъ изъ элементовъ m + n + p; A_2 состоитъ изъ элементовъ a + в + c + p. Если A_1 вызываетъ A_2, то не потому, что A_1 похоже на A_2, здѣсь скорѣе должна играть главную роль смежность. Когда явилось въ сознаніи A_1 сознаніе прошло по элементамъ m + n + p, когда оно дошло до p, оно перешло къ другому представленію A_2, въ числѣ элементовъ котораго есть тоже p и прошло всѣ остальные элементы a + в + e. Въ сознаніи получилось представленіе A_2, но не потому, что между A_1 и A_2 есть сходство, а потому, что имѣется одинъ общій элементъ, черезъ который сознаніе по смежности прошло всѣ остальные элементы A_2. Такимъ

образомъ A, вызвало A_1 не по сходству, а по смежности.

Я приведу такой конкретный примѣръ. Я иду по улицѣ и встрѣчаю господина, напоминающаго мнѣ другое лицо, умершее уже лѣтъ 20 назадъ. Вы скажете, что представленіе этого господина вызвало представленіе по сходству о лицѣ, умершемъ 20 лѣтъ назадъ. На самомъ дѣлѣ процессъ не таковъ: когда я увидѣлъ господина, подмѣтилъ одинъ элементъ р, я незамѣтно перешелъ къ тождественному элементу въ другомъ представленіи, въ другомъ ряду и прошелъ его, потому что есть смежность: отъ р черезъ р я прошелъ весь рядъ.

Итакъ смежность является единственнымъ закономъ въ данномъ случаѣ.

Можно привести и другое доказательство этого положенія. Чтобы имѣть возможность ознакомиться съ рядомъ сходныхъ признаковъ надо, чтобы они были въ сознаніи одновременно. Положимъ, я знакомлюсь съ шарообразностью яблока, шарообразностью глобуса, шарообразностью земли. Когда я говорю, въ сознаніи одновременно находятся шарообразность яблока, шарообразность глобуса, шарообразность земли и т.д.; то эти отдѣльные элементы A, A_1 и т.д. находятся въ сознаніи одновременно, потому, то, чтобы сравнивать ихъ, я долженъ имѣть ихъ въ сознаніи одновременно. Если я вижу круглоту яблока и думаю о круглотѣ земли, почему A вызываетъ A_1? Нельзя сказать, что здѣсь ассоціанія по сходству. Нѣкогда эти элементы были въ сознаніи одновременно, были соединены въ порядкѣ одновременности; и когда появляется A, оно вызываетъ A_1, потому что когда - то они

были въ сознаніи одновременно.

Можно привести еще одно соображеніе для доказательства того положенія, что законъ ассоціаціи по смежности является главнымъ. Оно можетъ быть формулировано такъ: когда мы разсматриваемъ сходные предметы, сходныя вещи, мы объединяемъ ихъ въ одинъ классъ съ помощью общаго термина, общаго слова. Это слово такъ объединяетъ элементы, что появленіе перваго вызываетъ появленіе другого по смежности, потому что, чтобы обобщить, мы должны были держать ихъ въ сознаніи одновременно. Тогда установилась одновременность, благодаря которой впослѣдствіи возникновеніе одного представленія вызываетъ возникновеніе другого.

Мнѣ кажется, два первыхъ аргумента яснѣе показываютъ, что законъ ассоціаціи по сходству можетъ быть замѣненъ закономъ ассоціаціи по смежности и поэтому въ законѣ ассоціаціи по сходству нѣтъ никакой надобности. Я привелъ эти аргументы потому, что они являются въ психологіи ходячими. Защитники ихъ были убѣждены въ возможности сведенія законовъ ассоціацій къ закону по смежности. Возраженія противъ этихъ аргументовъ я не стану приводить, потому что значеніе вопроса лежитъ не здѣсь. Если вы признаете, что законъ ассоціаціи по смежности является главнымъ, то вы можете законъ сходства считать второстепеннымъ и можете даже совсѣмъ выбросить его.

Если были сторонники сведенія всѣхъ законовъ ассоціаціи къ закону смежности, то съ другой стороны есть и сторонники сведенія всѣхъ законовъ къ закону сходства. Здѣсь дѣло нѣ-

сколько труднѣе и аргументы психологовъ этой группы сложнѣе.

Чтобы познакомить васъ съ этой теоріей, обращаюсь къ Г. Спенсеру, потому что у него наиболѣе рельефно выражена мысль свести все къ закону ассоціаціи по сходству, и отбросить ассоціацію по смежности. Онъ разсуждаетъ такимъ образомъ. Вообще всяка связь можетъ быть между данными ощущеніями и родственнымъ ему классомъ этихъ ощущеній. Спенсеръ этимъ утверждаетъ, что если имѣетъ мѣсто связь между двумя ощущеніями А и В, то ощущеніе А необходимо связывается съ классомъ, къ которому относится А. Никогда ни одно ощущеніе не можетъ сдѣлаться элементомъ сознанія, если оно не вступитъ въ связь съ классомъ, къ которому оно относится. Когда мы что-нибудь представляемъ, мы относимъ это представленіе къ извѣстному классу, И это совершается не преднамѣренно, а исключительно автоматически. Если я вижу какой-нибудь движущійся предметъ и говорю, это корова, я отношу извѣстное представленіе къ извѣстному классу. Я могу смотрѣть издалека и могу сказать, что это что-нибудь движущееся- будетъ ли это корова, лошадь автомобиль, это совершенно безразлично. Важно, что я не могу помыслить о предметѣ, не относя его въ извѣстный классъ. Я могу даже не считать его относящимся къ классу движущихся предметовъ, могу сказать только, что это матеріальный предметъ, т.е, могу отнести его въ самый общій классъ. Но ни одно ощущеніе не можетъ возникнуть безъ того, чтобы мы его не классифицировали, не отнесли въ извѣстный классъ, не ас-

соціировали его съ извѣстнымъ классомъ, съ которымъ онъ находится въ родствѣ, т.е. чтобы мы не произвели того, что называется ассоціаціей по сходству. Само собою очевидно, что мы всякое вообще ощущеніе относимъ въ извѣстный классъ, ассоціируемъ его, но какъ понять, что на ряду съ этимъ можетъ существовать законъ смежности въ пространствѣ и времени?

По мнѣнію Спенсера, мы можемъ ассоціировать не только ощущенія, но и отношенія ощущеній и представленій. Если воспринимаемъ какое нибудь ощущеніе , то мы имѣемъ дѣло не только съ этимъ ощущеніемъ А ,но въ этомъ ощущеніи а мы воспринимаемъ еще извѣстное отношеніе. Если мы примемъ, что предметомъ воспріятія являются отношенія, которыя могутъ быть между пространствомъ и временемъ, мы оперируемъ съ отношеніями пространственными и временными. Если мы имѣемъ дѣлѣ съ отношеніями пространственными А Б С, то съ этими отношеніями мы поступаемъ такъ , какъ съ пространственными ощущеніями: чтобы познать, (нужно ассимилировать, отнести въ классъ сходныхъ ощущеній А Б С - въ классъ, который выражаетъ это отношеніе. Мы можемъ воспроизвести смежность въ пространствѣ, во времени, но это происходитъ не отъ того, что мы воспроизводимъ по смежности, но потому что каждое отношеніе мыслится по сходству, относится въ классъ сходныхъ отношеній. Если такимъ образомъ мы примемъ, что ни одно ощущеніе не можетъ сдѣлаться предметомъ сознанія, если не будетъ классифицировано, мы должны принять и то положеніе, что временныя, пространственныя отношенія, смежность въ пространствѣ и времени могутъ быть поняты,

л.10.

лишь въ томъ случаѣ, если будутъ отнесены въ извѣстный сходный классъ, т.е. если имѣетъ мѣсто ассоціація по сходству.

Въ англійской психологіи можно указать лишь немногихъ психологовъ, которые, по примѣру Спенсера, считаютъ главнымъ закономъ законъ сходства, тамъ была тенденція сводить все къ закону смежности. Это происходило, какъ я уже указывалъ, по соображеніямъ принципіальнаго характера. Разъ душевная жизнь есть лишь пучокъ представленій, то соединеніе по смежности является наиболѣе существеннымъ, главнымъ. Извѣстный у насъ датскій психологъ Геффдингъ является сторонникомъ преобладанія закона ассоціаціи по сходству. Если у насъ, говоритъ онъ, есть представленіе A и благодаря ему мы имѣемъ возможность воспроизвести BCD , или A вызвать BCD , мы можемъ считать это смежностью. Но часто A вызываетъ A_1, которое въ свою очередь вызываетъ BCD и, хотя моментъ сходства можетъ быть и упущенъ изъ виду, но онъ все же имѣется на лицо. Если я вижу яблоко и думаю объ Адамѣ и Евѣ, то вѣроятно, что ходъ представленій будетъ такой: сначала появляется по сходству представленіе яблока на деревѣ познанія добра и зла, а затѣмъ уже вслѣдствіе ассоціаціи по смежности является представленіе объ Адамѣ и Евѣ.

Вотъ соображенія, которыя были приведены въ пользу того, что главнымъ типомъ соединеній является ассоціація по смежности или по сходству, т.е. основнымъ закономъ является или ассоціація по смежности, или ассоціація по сходству.

Намъ предстоитъ разсмотрѣть вопросъ, которую изъ двухъ

типовъ ассоціацій - ассоціацію по смежности или ассоціацію по сходству надо считать основной и которую производной. Прежде всего нужно замѣтить, что тенденція отыскать единство въ законахъ слѣдованія представленій должна быть признана вполнѣ правильной, потому что трудно понять ходъ представленій, если бы онъ подчинялся двумъ разнообразнымъ законамъ. Но все же теоріи, предлагающія считать единственнымъ законъ смежности или законъ сходства, являются крайними, неправильно описываютъ душевную жизнь. И тотъ, и другой законъ -, являются крайними случаями въ то время, какъ въ дѣйствительности имѣются налицо и сходство и смежность. Названіе же предполагается въ зависимости отъ преобладанія тѣхъ или другихъ элементовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, которые считаются ассоціаціей по смежности, элементы смежности сильнѣе, хотя сходство можетъ и не отсутствовать. Можно сказать такимъ образомъ, что ассоціаціи по сходству и по смежности суть крайніе случаи одного типа соединеній.

Я приведу примѣры, гдѣ можетъ казаться, что мы имѣемъ дѣло только съ ассоціаціей по сходству или съ ассоціаціей по смежности.

Если я, прогуливаясь, встрѣчаю неизвѣстнаго, напомнившаго мнѣ того, котораго я видѣлъ годъ назадъ, то, описывая свои переживанія, я могу сказать, что представленіе о лицѣ, видѣнномъ годъ назадъ, явилось главнымъ образомъ по ассоціаціи по сходству, хотя здѣсь могутъ быть и элементы смежности. Воспроизводя, напримѣръ, представленіе о прошлогоднемъ неизвѣстномъ, мы усматриваемъ элементы, которые не входятъ въ представле-

ніе разсматриваемаго неизвѣстнаго, могутъ быть элементы смежности, но мы не обращаемъ на нихъ вниманія, которое всецѣло направлено на открытое сходство. Поэтому мы говоримъ, что въ данномъ случаѣ имѣетъ мѣсто ассоціація по сходству. Если кто нибудь произноситъ стихи: "Горитъ востокъ зарею новой" и вы дополняете остальную часть стихотворенія, то съ какой ассоціаціей вы имѣете дѣло въ этомъ случаѣ? Можно сказать, что это есть ассоціація по смежности: слова, двигательные образы соединены ассоціаціей по смежности. Но здѣсь имѣются и элементы сходства, потому что вы слышите тамъ слова, размѣръ стиха и т.д. Однимъ словомъ получаете рядъ впечатлѣній, ощущеній, благодаря чему и вы воспроизводите по сходству извѣстныя слова, за которыми слѣдуютъ другія слова, хотя вы описываете этотъ случай, какъ примѣръ элементовъ смежности, элементы сходства не отсутствуютъ, только вы не обращаете на нихъ вниманія.

Надо выяснить, чѣмъ обусловливается это различіе между ассоціаціей по сходству и по смежности. Каковы элементы, которые изъ одной ассоціаціи дѣлаютъ другую? Чтобы разобрать вопросъ, вспомнимъ то, что сдѣлано въ психологіи по отношенію къ нѣкоторымъ типамъ воспроизведенія, носящимъ даже особое названіе. Данныя находимъ у Вундта.

Первый типъ воспроизведенія онъ называетъ просто у з н а в а н і е м ъ - E r k e nne n , второй типъ онъ называетъ в о с п р о и з в е д е н і е м ъ - W i e d e r e r k e n n e n, которое онъ дѣлитъ : на

а) непосредственное воспризнаніе
и в) посредственное воспризнаніе.

Непосредственное воспризнаніе въ свою очередь дѣлится еще на два типа α и β .Такимъ образомъ мы имѣемъ:

I. Узнаваніе

II, Воспризнаніе.

а - непосредственное воспризнаніе

в - посредственное воспризнаніе.

Я сейчасъ покажу на примѣрахъ, какая разница существуетъ между ними.

Узнаваніе и воспризнаніе суть типы послѣдовательной ассоціаціи.Разницу между ними мы постараемся понять на такомъ примѣрѣ:я вхожу въ комнату и вижу предметъ,напр. столъ на который указываю рукой.Этотъ экземпляръ стола я не имѣлъ случая воспринимать раньше,но я узналъ его какъ столъ.У меня было общее представленіе о столѣ и я узналъ, что это столъ,какъ я узнаю, что это,напримѣръ, камень, печи и т.п. Я узнаю не предметъ, который раньше зналъ, не данный экземпляръ, а классъ,въ данномъ предметѣ,другими словами, я узнаю представленіе даннаго класса. Такого рода процессъ ассоціаціи мы назовемъ узнаваніемъ.

Отъ этого процесса отличается другой процессъ. Если я встрѣчаю знакомаго и вижу, что это мой знакомый, то,пользуясь особенной терминологіей, я говорю: я его узнаю.

Я хотѣлъ обратить ваше вниманіе на разницу между узнаваніемъ и воспризнаніемъ. Если возьмемъ простой процессъ узнава-

нія,онъ похожъ на ассимиляцію. Даже на этой ступени мы не имѣ-
еще послѣдовательной ассоціаціи:это ассоціація одновремен-
ная; простая ассимиляція.Образъ стола,который былъ,и образъ
воспринимаемаго стола такъ сливаются, составляютъ настолько
неразрывное цѣлое, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ простой асси-
миляціей. Другое дѣло, если мы говоримъ объ узнаваніи пред-
мета, который мы видѣли раньше.Въ узнаваніи мы имѣетъ мѣсто
только сходства и ничего болѣе.Схема узнаванія : А вызыва-
етъ А,- полное сходство,никакихъ добавочныхъ элементовъ
нѣтъ.Въ воспризнаніи А вызываетА, ,но здѣсь присоединяются
еще добавочные элементы BCD и т.д.,о которыхъ я скажу немно-
го позднѣе.Обратите вниманіе на различіе между процессомъ
узнаванія и воспризнанія. Въ процессѣ воспризнанія существу-
етъ нѣсколько ступеней: -воспризнаніе непосредственное и
посредственное воспризнаніе.Непосредственное воспризнаніе
въ свою очередь распадается еще на два.Отдѣльные примѣры да-
дутъ ясное представленіе о различіяхъ этихъ классовъ ассо-
ніацій,

Возьмемъ случай непосредственнаго воспризнанія.Я иду по
улицѣ и встрѣчаюсь съ господиномъ. Я вижу хорошо, что знаю
его, что я гдѣ-то видѣлъ его, но гдѣ - не знаю, не могу
вспомнить,Несомнѣнно только, что я его гдѣ- то видѣлъ.Это
состояніе"гдѣ - то видѣлъ" всѣ,конечно, хорошо знаютъ, всѣ
могутъ провѣрить на своемъ опытѣ.Это мое впечатлѣніе, я его
воспринимаю, воспринимаю непосредственно, безъ посредствую-
щихъ процессовъ. Такой случай непосредственнаго воспри -

знанія напоминаетъ то,когда представленіе А вызываетъ непосредственно A_1. Но я вспоминаю,наконецъ, гдѣ я видѣлъ встрѣтившагося мнѣ господина:это приказчикъ книжнаго магазина, гдѣ я обыкновенно покупаю книги. Какъ только я это сказалъ, мнѣ представилась кромѣ даннаго лица вся обстановка магазина:полки, книги, другія обстоятельства - что я былъ тамъ въ прошлую субботу,покупалъ книги, говорилъ съ нимъ о томъ -то. Здѣсь представленіе А вызываетъ A_1,которое связывается съ $A + B + C + D$ и т.д.Вы видите разницу между случаемъ непосредственнаго воспризнанія типа α и непосредственнаго воспризнанія типа β .Въ обоихъ случаяхъ одно представленіе вызываетъ другое съ нимъ сходное, но въ одномъ случаѣ развертывается еще рядъ добавочныхъ представленій,которыя являются важными для насъ,потому что дѣлаютъ яснымъ разницу.Простое узнаваніе есть ассоціація по сходству. Непосредственное воспризнаніе : А вызываетъ A_1, есть тоже ассоціація по сходству. Случай же непосредственнаго воспріятія типа β уже не только сходство :мы не только говоримъ,что данное лицо знакомо намъ,но воспроизводимъ рядъ добавочныхъ представленій, дѣлающихъ изъ этой ассоціаціи по сходству ассоціацію по смежности.

Возьмемъ теперь посредственное воспризнаніе.Этотъ типъ очень интересный и занимающемуся психологіей стоитъ понаблюдать его.Онъ менѣе замѣтенъ,потому что,ассоціація по смежности и по сходству больше бросается въ глаза. Я вчера какъ разъ имѣлъ случай пережить этотъ случай посредственна-

го воспризнанія.Я получилъ книгу по философіи,присланную мнѣ какимъ - то авторомъ, фамилія котораго очень распространена, назовемъ его NN. Я недоумѣвалъ, что это за философъ, котораго я не знаю.Я собирался уже отложить книгу въ сторону, какъ вдругъ обратилъ вниманіе на то, что онъ пишетъ объ отцѣ. Затѣмъ я вспомнилъ его отца, котораго я знаю: зналъ также, что у него есть сынъ, занимающійся философіей. Я знаю его, но не узналъ сразу, что это онъ и потомъ окольнымъ путемъ я уже имѣлъ возможность его вспомнить.

Какъ изобразить это схематически? Представленіе А вызываетъ A_1, не прямо: Б вызываетъ А,которое въ свою очередь вызываетъ A_1, такимъ образомъ А вызываетъ A_1 не прямо, а косвенно.Такихъ случаевъ посредственнаго воспризнанія можно привести много.Напримѣръ,кто-нибудь приходитъ къ вамъ,и вы не узнаете его.Онъ говоритъ вамъ свою фамилію и тогда вы вспоминаете.Оказывается тотчасъ,что черты лица,вся фигура знакома вамъ.Черезъ посредствующее представленіе Б вы узнаете А , получается процессъ посредственнаго воспризнанія.

Еще послѣдній примѣръ,который приводится у одного изъ нѣмецкихъ авторовъ. Въ одной лабораторіи студенту подносятъ флаконъ съ жидкостью и предлагаютъ узнать, что это такое. Онъ говоритъ: знакомый запахъ,но не могу узнать. Тогда вводится новое представленіе, черезъ посредство котораго онъ долженъ узнать. Ему говорятъ: вспомните физическій кабинетъ гимназіи,гдѣ вы учились. Тогда студентъ тотчасъ припоминаетъ и говоритъ, что это спиртъ. Онъ узналъ черезъ посред-

ство другого представленія. Непосредственное воспризнаніе не существилось , а косвенное - черезъ другія представленія: гимназія физическій кабинетъ, банки со спиртомъ, имѣющимъ извѣстный запахъ; въ данномъ случаѣ такой же тоже запахъ, значитъ и это спиртъ. Такимъ образомъ получилось косвенное воспризнаніе.

Такого рода косвенныя воспризнанія были доказаны экспериментально. Если берутся три цвѣта - сѣрый, темно-сѣрый и свѣтло-сѣрый, субъектъ обыкновенно хорошо узнаетъ всѣ три предлагаемые оттѣнка. Но если ему дать четыре или пять оттѣнковъ, то онъ уже сильно путаетъ ихъ. Почему же, если дается три круга, то онъ ихъ узнаетъ, а если дается четыре, то происходитъ уже путаница въ ихъ различеніи? Чѣмъ это объясняется ? Дѣло въ томъ, что въ первомъ случаѣ есть посредственное воспризнаніе: въ языкѣ эти три оттѣнка получили хорошее выраженіе и субъектъ находитъ помощь не въ цвѣтахъ, а въ словахъ. Онъ воспризнаетъ эти оттѣнки благодаря словамъ. Если же ему дадутъ четыре - пять оттѣнковъ, то, такъ какъ въ языкѣ нѣтъ соотвѣтствующихъ обозначеній, и получается смѣшеніе.

Я привелъ эти примѣры, чтобы вы видѣли осложненіе, градацію этихъ процессовъ. Сначала мы имѣемъ простую ассимиляцію и ничего болѣе, затѣмъ кромѣ этого есть еще добавочныя представленія. Какое же различіе между непосредственнымъ воспризнаніемъ и посредственнымъ воспризнаніемъ ? Разница между ними та, что въ одномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ элементами, которые сходны, въ которыхъ нѣтъ добавочныхъ элементомъ, а во второмъ случаѣ

присутствуютъ кромѣ того и добавочные элементы. Вы видите, что между первымъ и вторымъ случаемъ кореннаго различія нѣтъ. Разница лишь та, что къ сходнымъ элементамъ присоединяются добавочные, которые мѣняютъ характеръ процесса. Процессъ распадается какъ бы на двѣ части: узнается не только то, что бывшее представленіе сходно съ настоящимъ, но еще воспризнаются добавочныя представленія. Нельзя поэтому сказать, какъ это дѣлается что въ одномъ случаѣ есть ассоціація сходства, а въ другомъ-смежности. Дѣло въ томъ, что присутствіемъ сходства, не устраняется возможность смежныхъ, добавочныхъ элементовъ: они только не сознаются, но могутъ имѣться на лицо. Въ другомъ случаѣ эти элементы превалируютъ, преобладаютъ. На вопросъ, который тон является болѣе существеннымъ, дается опредѣленный отвѣтъ: каждый тон соединяетъ представленія и по сходству и по смежности съ той разницей, что въ одномъ случаѣ элементы добавочные не сознаются или мало сознаются. Поэтому обычно мы обращаемъ вниманіе на сходство и говоримъ, что имѣемъ дѣло съ ассоціаціей по сходству. Въ другомъ же случаѣ добавочные элементы выступаютъ на первый планъ, и мы думаемъ, что имѣемъ дѣло съ ассоціаціей по смежности. Между ассоціаціей по сходству и ассоціаціей по смежности коренного различія не существуетъ, оно заключается лишь въ степени сознательности добавочныхъ элементовъ. Вотъ то рѣшеніе, которая я могъ бы предложить и, которое въ настоящее время считается единственно пріемлемымъ.

Теперь я коснусь очень общаго вопроса о такъ называемыхъ

"законахъ" ассоціаціи идей. Этотъ вопросъ имѣетъ огромное значеніе для англійской психологіи въ силу того, что она считаетъ ассоціаціи основнымъ закономъ душевной жизни и потому называется ассоціативной психологіей. Надо замѣтить, что терминъ ассоціація идей отличается неясностью и неопредѣленностью. Вы помните изъ элементарнаго курса, что извѣстное представленіе А мы репродуцируемъ, потому что оно было соединено въ прошломъ опытѣ съ В, В вызываетъ А, потому что между ними была ассоціативная связь. Если принять такое опредѣленіе ассоціативной связи, то пожалуй мы не будемъ имѣть право называть ассоціацію по сходству ассоціаціей, потому что не будемъ въ состояніи доказать, что А вызываетъ А, потому, что они были связаны раньше. Вѣдь представленіе вызываетъ А только потому, что оно на него похоже. Пониманіе ассоціаціи, какъ связи между элементами, не можетъ быть проведено даже для ассоціаціи по сходству, которую пришлось бы выбросить, потому что непонятно, какъ А вызываетъ А, разъ мы не можемъ доказать связь между ними.

Другое замѣчаніе чрезвычайно важное: въ англійской психологіи обыкновенно было принято думать, что ассоціація можетъ быть между отдѣльными представленіями. Подъ представленіемъ мыслилось нѣчто самостоятельное, нѣчто законченное, нѣчто вполнѣ опредѣленное. Если устанавливалась ассоціація между стѣной и домомъ, то казалось, что представленія стѣны и дома находятся въ сознаніи, какъ какія-нибудь законченныя ве-

ши. Поэтому, когда выплываетъ какое- нибудь одно представленіе, то другое воспроизводится въ сознаніи цѣликомъ; казалось, что представленія сохраняются въ сознаніи въ полной цѣлости. Но это утвержденіе нужно признать неправильнымъ. Никогда представленіе, которое воспроизводится, не воспроизводится цѣликомъ такъ, какъ было воспринято, каждый разъ оно созидается заново. Нельзя себѣ представлять, что у насъ въ глубинѣ сознанія хранятся представленія, которыя иногда поднимаются за порогъ, какъ какія-нибудь спрятанныя вещи. Представленія находятся въ сознаніи, но, когда они выплываютъ, они созидаются заново. Это не то же самое, когда то воспринятое представленіе, и нѣчто новое. Я попробую сдѣлать это убѣдительнымъ съ помощью примѣра.

Если вамъ приходится думать о предметѣ, который вы хорошо изучили, если вы сдѣлаете попытку воспроизвести его, то вы не сумѣете сдѣлать этого въ томъ же самомъ видѣ. Въ этомъ вашемъ воспроизведеніи вы навѣрное внесете новые элементы изъ воспринятаго вами отъ другихъ предметовъ. Возьмите зданіе университета, которое вы хорошо изучили, сдѣлайте попытку изобразить его. Вы навѣрное внесете элементы, которые въ немъ не содержатся.

Итакъ вы воспроизводите не въ томъ видѣ, какъ восприняли, вы воспроизодите новый синтезъ для каждаго представленія. Поэтому неправильно говорить, что есть ассоціація представленій; надо сказать, что есть ассоціація элементовъ, по которымъ складываются представленія, т.е. подъ ассоціаціей по-

нимается, собственно, способность синтеза.

Я хотѣлъ сдѣлать еще замѣчаніе по поводу понятія" закона". Въ англійской психологіи принятъ терминъ "законы"ассоціаціи идей. Но правильно ли примѣненіе здѣсь названія закона ? Въ строгомъ смыслѣ слова въ данномъ случаѣ нельзя говорить о законахъ: мы не имѣемъ здѣсь дѣла съ законами въ собственномъ смыслѣ слова. Если мы употребляемъ терминъ закона, то мы имѣемъ въ виду указать причины, благодаря которымъ совершается явленіе. Здѣсь мы не можемъ сказать этого : у насъ нѣтъ данныхъ для объясненія, отчего представленія, которыя были связаны вмѣстѣ, вызываютъ другъ друга. Мы имѣемъ дѣло не съ законами въ томъ строгомъ смыслѣ, въ какомъ долженъ употребляться терминъ "законы". Въ законахъ ассоціаціи идей мы имѣемъ лишь дѣло съ формами, типами, классами соединеній. Мы беремъ готовые ассоціированные продукты и смотримъ, какого рода типы соединеній можно установить между ними. Было бы правильнѣе, если бы мы сказали, что законы ассоціаціи суть ф о р м ы с о е д и н е н і й, т и п ы с о е д и н е н і й, а не законы, потому что терминъ законы можетъ ввести въ заблужденіе.

Наконецъ, послѣднее замѣчаніе заключается въ слѣдующемъ. Употребляя терминъ ассоціація, мы должны имѣть въ виду всякое соединеніе вообще, всякій синтезъ. Но отъ этихъ соединеній, которыя можно назвать ассоціаціями, рѣзко отличаются соединенія, имѣющія чисто логическій характеръ. Я указывалъ въ свое время, что теперь дѣлаются попытки эти соединенія считать ассоціаціями, выводить ихъ изъ законовъ ассоціаціи идей.

Но въ виду того, что эти соединенія такъ рѣзко отличаются отъ соединеній, которыя мы сегодня разсмотрѣли и которыя называются ассоціативными, мы должны разсмотрѣть ихъ отдѣльно. Эти соединенія носятъ особый характеръ и называются апперцептивными. Это дастъ намъ возможность перейти теперь къ вопросу объ апперцепціи.

А П П Е Р Ц Е П Ц І Я.

Л е к ц і я 8-ая.

Мы разсмотримъ въ сегодняшней лекціи вопросъ объ отношеніи между понятіемъ ассоціаціи и понятіемъ апперцепціи. Послѣднее понятіе является въ психологіи чрезвычайно важнымъ, о чемъ уже можно заключить потому, что въ настоящее время существуетъ въ психологіи особое направленіе - апперцептивная психологія.

До сихъ поръ психологія носила характеръ ассоціативный, потому что въ основу объясненій различныхъ явленій душевной жизни клалось понятіе ассоціаціи. Обычно полагали, что сложныя психическія образованія являются продуктомъ ассоціаціи, и въ душевной жизни все можетъ быть объяснено при помощи ассоціацій отдѣльныхъ элементовъ. Было время, когда объясненіямъ всего изъ ассоціаціи придавали важное значеніе и думали, что всѣ психическіе процессы могутъ быть объяснены съ такой же точностью, какъ объясняются явленія въ естествознаніи. Я указывалъ уже вамъ, что ассоціативное объясненіе имѣло характеръ механическій: все объяснялось изъ механическаго сое-

диненія представленій. Но при помощи такого механическаго принципа можно объяснить лишь немногія явленія: лишь тѣ психическіе процессы ,которые вырабатываются вслѣдствіе упражененія, навыка, могутъ быть такъ или иначе объяснены ассоціаціей.Такъ, напримѣръ, съ помощью этого принципа можетъ быть хорошо объяснена способность рѣчи. Но во всѣхъ случаяхъ, гдѣ приходится прибѣгать къ понятію единства душевной жизни, единства сознанія, ассоціація оказывается несостоятельной.

Ассоціативная психологія и атомистическая химія имѣютъ между собою много общаго. Какъ химія дѣлаетъ попытку показать, какъ изъ атомовъ вырабатываются сложныя вещи, такъ пытается показать и ассоціативная психологія, какъ всѣ психическія явленія складываются изъ частей, даже единство сознанія она пытается объяснить изъ того, что называется суммой представленій. То, что должно быть объяснено, здѣсь берется въ качествѣ основы. Нельзя изъ ассоціаціи объяснить единство душевной жизни, наоборотъ, единство душевной жизни, единство сознанія служитъ для объясненія процесса ассоціаціи. Если возьмемъ процессы, связанные съ воспоминаніемъ или ожиданіемъ, то по признанію англійской ассоціативной психологіи, мы встрѣчаемся здѣсь съ неопредолимыми трудностями:объяснить ихъ изъ однихъ ассоціацій невозможно. Если возьмемъ такой фактъ, какъ тожество нашего "я", то объяснить это тожество "я" при помощи ассоціаціи отказывается такой сторонникъ ассоціативной психологіи, какъ Д.С. Милль. Сумма представленій не даетъ возможности опѣнить тожество прошлаго "я" и ожидаемаго "я".

Такимъ образомъ въ англійской психологіи мы находимъ признаніе, что принципъ ассоціаціи, какъ соединеніе элементовъ, оказывается неудовлетворительнымъ.

Мы видѣли уже, что такіе процессы, какъ процессъ сужденія, къ ассоціаціи сведены быть не могутъ: всегда получается нѣкоторый остатокъ, который ассоціативнымъ путемъ объясненъ быть не можетъ. Этого достаточно вполнѣ, чтобы искать объясненія въ другомъ принципѣ.

Характерной особенностью ассоціативной теоріи является утвержденіе, что всѣ психическіе процессы совершаются механически, что въ душевной жизни царствуетъ полная пассивность: все складывается изъ представленій, кромѣ нихъ ничего нѣтъ, если представленія пассивно складываются и даютъ тѣ или другіе элементы. Вопросъ объ активности, самодѣятельности сознанія въ ассоціативной психологіи совершенно устраняется, потому что активность сознанія нельзя объяснять изъ ассоціаціи. Поэтому въ англійской психологіи понятіе активности устраняется всѣми возможными способами. Джемсъ правильно говоритъ, что въ ассоціативной психслогіи мы не находимъ понятія активнаго вниманія и это вполнѣ понятно, оттого что по ассоціативной психологіи не является продуктомъ опыта, продуктомъ воздѣйствія извнѣ, а разъ все объясняется изъ ассоціаціи представленій, то представленіе, что нашъ духъ можетъ что-то созидать самъ, было бы въ противорѣчіи съ основными принципами ассоціативной психологіи. Понятіе активности въ англійской ассоціативной психологіи отсутствуетъ. Если она вво-

дитъ понятіе активнаго вниманія,то это понятіе не находится въ гармоніи съ другими данными, потому что англійская психологія по существу представляется сенсуалистической.Она все старается вывести изъ пассивнаго переживанія воздѣйствій внѣшняго міра, что -либо отъ себя, активное переживаніе ассоціативная психологія признать не можетъ.Такое понятіе, какъ понятіе активнаго вниманія является помѣхой,потому что его нельзя вывести изъ ассоціацій.

Эти недостатки ассоціативной психологіи были усмотрѣны уже очень давно и на ряду съ построеніемъ ассоціативной психологіи есть попытки построить апперцептивную психологію,которая съ большимъ успѣхомъ борется съ ассоціативной психологіей. Эта психологія вноситъ понятіе апперцепціи, понятіе активнаго вниманія,понятіе активной переработки впечатлѣній. Она вноситъ понятіе апперцепціи какъ дѣятельности,имѣющей характеръ направляющій,упорядочивающій, расчленяющій, разъединяющій, соединяющій и т.п., т.е. дѣятельности, какъ способности такъ или иначе перерабатывать впечатлѣнія внѣшняго міра.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію особенностей этой психологіи,я разберу самое понятіе апперцепціи въ его историческомъ происхожденіи.

Въ настоящее время главнымъ представителемъ апперцептивной психологіи является Вундтъ, который наиболѣе удачно формулируетъ ея основныя положенія,пожалуй даже этого мало сказать:наиболѣе оригинально объяснилъ весь матеріалъ пси-

хологіи съ точки зрѣнія понятія апперцепціи. Понятіе апперцепціи идетъ отъ Лейбница, встрѣчается затѣмъ у Канта, Герб арта, гербартіанцевъ, Лацаруса и Штейнталя. Понятіе апперцепціи такимъ образомъ существуетъ въ нѣмецкой психологіи уже давно. Но разсматривая это понятіе, мы должны разсматривать его въ связи съ взглядами Вундта, потому что онъ является самымъ выдающимся защитникомъ этой теоріи.

Въ чемъ же заключается понятіе апперцепціи?

Я противопоставилъ бы понятіе ассоціативной психологіи, какъ механической, признающей лишь пассивность переживаній, и понятіе апперцептивной психологіи, доказывающей активность переживаній. Если для ассоціативной психологіи характерно признаніе пассивности, механическаго соединенія, то апперцептивная психологія характеризуется признаніемъ активности, сознательной переработки впечатлѣній. Но такого общаго опредѣленія мало, надо разсмотрѣть понятіе апперцепціи съ разныхъ сторонъ.

Впервые это понятіе было введено, какъ я уже говорилъ, Лейбницемъ, онъ придалъ ему своеобразное содержаніе. У Лейбница есть два понятія для обозначенія духовной дѣятельности Всѣ монады обладали способностью перцепціи. Это есть низшій видъ психическихъ переживаній, характеризующійся яснымъ различеніемъ, присущимъ низшимъ видамъ психической дѣятельности. Если взять высшія монады, то здѣсь кромѣ перцепціи встрѣчается другого рода психическая дѣятельность - интеллектуальная дѣятельность - апперцепція. У Лейбница во всѣхъ его

сочиненіяхъ проходитъ различеніе перцепціи и апперцепціи. Аппер-
цепція есть высшій видъ психической дѣятельности, перцепція
же - низшій. Не снова повторяю, этого еще недостаточно для насъ,
надо разсмотрѣть, каковы особенности у высшей психической дѣя-
тельности.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтно, что говоря объ апперцепціи,
Лейбницъ имѣетъ въ виду перцепцію, сопровождающуюся процессомъ
вниманія, благодаря которому ощущеніе дѣлается яснѣе, отчет-
ливѣе. Значитъ понятія апперцепціи и вниманія до извѣстной сте-
пени совпадаютъ. Впослѣдствіи онъ установилъ еще одинъ при-
знакъ апперцепціи, что можетъ быть названо самосознаніемъ. Это
conscience, connaissance reflective, т.е. познаніе, обращенное
къ самому себѣ, самосознаніе присуще далеко не всѣмъ монадамъ
и даже одной и той же монадѣ, которой оно вообще присуще, оно
присуще далеко не всегда. Итакъ, первый признакъ, понятія аппер-
цепціи - вниманіе, второй - самосознаніе, сознаніе нашего "я",
совершающаго извѣстный процессъ, что-либо переживающаго. Въ
высшемъ познаніи замѣчается познаніе упорядоченное, познаніе,
которому присущи связи, имѣющія логическій характеръ, что
нельзя признать за низшимъ познаніемъ, процессомъ перцепціи.
Первое познаніе присуще лишь высшимъ монадамъ. Это высшее по-
знаніе можетъ созидаться съ помощью той способности, которую
Лейбницъ называетъ апперцепціей. Оно сопровождается самосозна-
ніемъ, т.е. сознаніемъ, что это познаніе присуще нашему "я",
что наше "я" его имѣетъ въ себѣ, наше "я" его созидаетъ. Вотъ
третья характерная особенность высшаго познанія и той спо-

собности, которая называется апперцепціей: она сопровождается сознаніемъ, что познаніе, процессъ воспріятія находится въ нашемъ "я", порождается нашимъ "я". Итакъ, если разобрать понятіе апперцепціи у Лейбница, можно установить слѣдующее: перцепція есть низшій видъ, апперцепція - высшій, который характеризуется какъ отчетливое, расчлененное, упорядоченное познаніе. Кромѣ того для пріобрѣтенія познанія надо вниманіе, какъ актъ сознанія. Затѣмъ, такого рода познаніе характеризуется самосознаніемъ, сознаніемъ что "я" есть причина познанія. Итакъ: вниманіе, сознаніе и самосознаніе - таковы признаки понятія апперцепціи у Лейбница.

Въ такомъ видѣ ученіе Лейбница перешло къ Канту. Но такъ какъ Кантъ преслѣдовалъ задачи гносеологическаго характера, то онъ употребляетъ его главнымъ образомъ для цѣлей гносеологическихъ. Мы замѣчаемъ, что два признака апперцепціи перешли къ Канту - это - способность, благодаря которой упорядочивается познаніе, и самосознаніе. Но Кантъ отличаетъ понятіе трансцендентальной апперцепціи отъ эмпирической апперцепціи. Мы разберемъ понятіе трансцендентальной апперцепціи. Какъ Кантъ понималъ трансцендентальную апперцепцію? Кантъ предполагаетъ, что познаніе сопровождается самосознаніемъ, что всѣ представленія сопровождаются представленіемъ что "я мыслю", что въ этомъ процессѣ принимаетъ участіе "я". Благодаря трансцендентальной апперцепціи между представленіями устанавливается единство въ пространствѣ и времени. Всѣ представленія упорядочиваются, пріобрѣтаютъ законченный об-

разъ міра, какъ цѣлаго. Это единство, цѣлостность созидается трансцендентальной апперцепціей. Трансцендентальная апперцепція имѣетъ постоянный, жизненный характеръ у всѣхъ познающихъ субъектовъ. По мнѣнію Канта процессу апперцепціи присуща та особенность, что онъ устанавливаетъ единство познанія, обладаетъ синтетическимъ характеромъ, т.е. благодаря ему представленія связываются. Никакое познаніе не можетъ осуществиться, никакая связь, никакое единство безъ того единства сознанія, которое предшествуетъ всякому акту. Это чистое первоначальное сознаніе я назову, говоритъ Кантъ, трансцендентальной апперцепціей, это единство сознанія, упорядочивающее, приводящее въ связь, устанавливающее форму.

Если мы сопоставимъ опредѣленіе понятія апперцепціи у Лейбница и Канта, то мы можемъ усмотрѣть нѣкоторое сходство. Кантъ при построеніи понятія трансцендентальной апперцепціи употребляетъ его для гносеологическихъ цѣлей, признаетъ рядъ признаковъ, которые признаетъ и Лейбницъ. Лейбницъ говоритъ: апперцепція есть способность, при помощи которой знаніе упорядочивается. Кантъ опредѣляетъ апперцепцію, какъ способность, благодаря которой придается единство знанію, которая соединяетъ, разъединяетъ, синтезируетъ такимъ образомъ, чтобы сознаніе имѣло законченный міровой образъ, который имѣется въ реальномъ познаніи. И Лейбницъ, и Кантъ сходятся другъ съ другомъ. По Лейбницу самосознаніе въ процессѣ апперцепціи играетъ большую роль, совпадаетъ до извѣстной степени съ понятіемъ апперцепціи: мы сознаемъ, что этотъ процессъ

созидается нашимъ сознаніемъ. По Канту понятіе "я мыслю" сопровождаетъ всегда представленія : я не могу ни о чемъ подумать, чтобы не думать, что созидается нашимъ "я". Самосознаніе у Канта и Лейбница тождественно. Итакъ, признаки апперцепціи - упорядоченіе познанія и то, что оно сопровождается самосознаніемъ, оказываются тождественными какъ у Лейбница, такъ и у Канта.

Послѣ Канта мы встрѣчаемъ это понятіе у Гербарта и его послѣдователей. Гербартъ употребляетъ то же самое понятіе апперцепціи, но нѣсколько въ другомъ видѣ: У него тотъ же самый терминъ, что у Лейбница и Канта, но содержаніе, которое онъ вкладываетъ въ него, нѣсколько отличается. Онъ имѣетъ въ виду не то же самое, что Лейбницъ и Кантъ, такъ какъ, съ одной стороны, вноситъ новые признаки, съ другой стороны, отбрасываетъ нѣкоторые изъ нихъ, допущенные Лейбницемъ и Кантомъ. Здѣсь понятіе самосознанія проявляется въ другомъ видѣ. Подъ апперцепціей Гербартъ понимаетъ слѣдующее. Онъ говоритъ: нѣкоторыя представленія, которыя мы переживаемъ, связываются другъ съ другомъ, соединяются, образуютъ группы, опредѣленныя массы. Всѣ переживаемыя представленія образуютъ извѣстныя группы. На долю этихъ группъ представленій выпадаетъ своеобразная роль: они оказываются активными, имѣютъ дѣйственное значеніе. Они имѣютъ въ душевной жизни такое значеніе, что ни одно изъ новыхъ представленій не можетъ войти въ сознаніе, чтобы не подвергнуться воздѣйствію этихъ апперцепирующихъ группъ, массъ, этихъ какъ бы затвердѣвшихъ группъ пред-

ставленій, имѣющихъ опредѣляющее значеніе. Этотъ процессъ, называемый Гербартомъ тоже апперцепціей имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда на вновь входящія представленія прежнія группы оказываютъ извѣстное воздѣйствіе. Надо ли это иллюстрировать съ помощью примѣровъ? Опредѣленіе апперцепціи, которое я давалъ въ элементарномъ курсѣ, есть Гербартовское опредѣленіе этого понятія. Если сознаніе что-либо воспринимаетъ, то только съ помощью большихъ группъ, апперципирующихъ массъ, составляющихъ часть сознанія: ни одно новое представленіе не можетъ войти въ сознаніе, если не подвергнется воздѣйствію какой-нибудь группы, какой-нибудь апперципирующей массы, которая должна сказать на него извѣстное воздѣйствіе. Гербартъ объясняетъ этимъ то, что настоящей апперцепціей, активнымъ вниманіемъ не могутъ обладать дѣти, ибо у нихъ нѣтъ совсѣмъ старыхъ затвердѣвшихъ массъ представленій, или если они существуютъ, то въ незначительныхъ размѣрахъ. Тоже самое можно сказать относительно людей необразованныхъ, дикарей.

Вотъ понятіе апперцепціи у Гербарта въ томъ видѣ, въ какомъ оно было передано въ гербартіанскую школу, отчего его теорія и имѣетъ такое значеніе. Наилучше объяснить возникновеніе, усвоеніе знаній можно съ помощью теоріи Гербарта. Опредѣляемость воспріятія при помощи содержанія сознанія доказываетъ, что ни одно представленіе не можетъ войти въ сознаніе, чтобы не подвергнуться извѣстной переработкѣ. Переработку, упорядоченія представленій Канта признавалъ и Гербартъ, только онъ иначе объяснялъ механизмъ переработки: передѣлываетъ, пере-

работываетъ представленія отдѣльныя апперцинирующія массы. Вы видите, чѣмъ понятіе Гербарта отличается отъ понятій его предшественниковъ, мы видѣли, что Лейбницъ и Кантъ признавали субъектъ въ цѣломъ, дѣйствующее, самостоятельное "я", которое перерабатываетъ данныя представленія, ощущенія. По мнѣнію Гербарта дѣйствуютъ отдѣльныя лишь массы, группы, о субъектѣ даже рѣчи быть не можетъ; въ переработкѣ даннаго матеріала дѣйствуетъ не все сознаніе, а его отдѣльныя группы. Вслѣдствіе этого гербартовское толкованіе имѣетъ механическій характеръ. Гербартіанская психологія не была въ состояніи признать настоящей активности. Гербартіанецъ не могъ сказать: сознаніе перерабатываетъ, онъ долженъ былъ говорить: въ сознаніи совершается болѣе или менѣе механически. Здѣсь есть все же извѣстная активность, но она не вырастаетъ до той степени, какъ признавали Лейбницъ и Кантъ.

По отношенію къ теоріи Гербарта высказывались нѣкоторыя возраженія, чрезвычайно важныя, потому что они пролили свѣтъ на самую теорію.

Если она говоритъ: каждое вновь получаемое ощущеніе перерабатывается той или другой апперцинирующей массой, то вѣдь эти массы складываются изъ представленій, являются продуктомъ опыта. Естественно возникаетъ вопросъ, какъ же могло войти въ сознаніе первое представленіе, если ни одно не можетъ войти безъ того, не переработаться, не подвергнуться воздѣйствію массъ ? У ребенка нѣтъ старыхъ апперцепирующихъ массъ, слѣдовательно, онъ совершенно не можетъ ничего воспринимать. Такимъ

образомъ начало душевной жизни при этомъ предположеніи Гербарта оставалось необъяснимымъ. Если скажемъ, что все опредѣляется апперципирующими массами, то разъ ихъ не существуетъ на первой стадіи, то ребенокъ и не можетъ ничего воспринять. Этотъ вопросъ ставился и гербартіанцы не могли отвѣтить на него.

Здѣсь мы можемъ закончить вопросъ объ исторіи понятія апперцепціи, чтобы перейти къ современному положенію вопроса. Въ этихъ трехъ теоріяхъ - Лейбница, Канта и Гербарта мы находимъ понятіе апперцепціи съ разными признаками: разные авторы обращали вниманіе на разныя стороны. Если я поставлю вопросъ, на что больше всего обращалъ вниманіе Лейбницъ, какой стороны придавалъ онъ большее значеніе, на что переносилъ центръ тяжести, то придется отвѣтить, что наибольшее значеніе, онъ, можетъ быть, придавалъ вниманію. Впрочемъ и сознанію онъ придавалъ такое же большое значеніе. Кантъ представляетъ для насъ только историческій интересъ, ибо онъ выразилъ тотъ же взглядъ, что и Лейбницъ. Что же является существеннымъ у Гербарта? Главнымъ признакомъ апперцепціи у него является понятіе усвоенія. Всякаго рода усвоеніе, воспріятіе есть переработка новаго черезъ старое. На этой переработкѣ лежитъ центръ тяжести у Гербарта, оставившаго какъ бы въ тѣни какъ вниманіе, такъ и самое сознаніе, считая ихъ сравнительно второстепенными признаками. Надо было эти три стороны понятія апперцепціи соединить въ одно, признать ихъ всѣ главными признаками понятія апперцепціи, признать его основнымъ и сдѣлать попытку всѣ современныя психологическія понятія подвести

подъ понятіе апперцепціи. Это сдѣлалъ Вундтъ, придавшій апперцепціи такіе признаки, какъ вниманіе, самосознаніе, усвоеніе, дѣятельность, т.е. всѣ признаки, которые были выставлены Лейбницемъ, Кантомъ и Гербартомъ. Теорія Вундта является въ современной психологіи заключительнымъ звеномъ въ исторіи этого вопроса.

Я долженъ предупредить недоразумѣніе : по моему изложенію могло показаться, что Вундтъ взялъ теоріи Лейбница, Канта и Гербарта и соединилъ ихъ механически въ одну теорію. Такое заключеніе было бы неправильно. Онъ воспользовался признаками, установленными его предшественниками и создалъ оригинальную теорію. Онъ такъ успѣшно подвелъ не подъ свою теорію, такъ удачно объяснялъ понятіе апперцепціи, что ее нельзя не признать оригинальной. Я бы сказалъ что Вундтъ является наиболѣе яснымъ представителемъ апперцептивной психологіи, наиболѣе сильнымъ противникомъ ассоціативной психологіи. Его взгляды заслуживаютъ того, чтобы разсмотрѣть ихъ отдѣльно. Въ слѣдующій часъ мы разсмотримъ взгляды Вундта и постараемся опредѣлить наше отношеніе къ этому новому направленію въ психологіи.

Какое различіе существуетъ между понятіемъ ассоціаціи и понятіемъ апперцепціи ? По мнѣнію Вундта, различіе это сводится къ слѣдующему: ассоціація есть соединеніе, совершающееся внѣ вниманія, не имѣющее характера активности, обладающее механическимъ характеромъ. Апперцепція же, наоборотъ, есть способность синтеза, она имѣетъ характеръ активности. Если про-

вести аналогію между этимъ процессомъ и дѣйствіями волевыми, то простѣйшій волевой процессъ, влеченіе соотвѣтствуетъ ассоціаціи, а то, что называется волевымъ процессомъ въ собственномъ смыслѣ слова, гдѣ есть выборъ, рѣшеніе, соотвѣтствуетъ процессу апперцепціи. Подъ процессомъ апперцепціи Вундтъ понимаетъ всякое психическое состояніе, которое сопровождается актомъ вниманія. Благодаря вниманію или, что то же самое, благодаря апперцепціи, представленія становятся болѣе ясными и болѣе отчетливыми, klar und deutlich. Яснымъ представленіе оказывается само по себѣ, возьмемъ напримѣръ, тонъ, отчетливымъ же онъ бываетъ въ томъ случаѣ, когда это представленіе отличается отъ другого-напримѣръ когда отличаемъ одинъ тонъ отъ другого. Это происходитъ благодаря вниманію, благодаря апперцепціи.

Здѣсь я прерву на мгновеніе свое изложеніе взглядовъ Вундта. Когда вы будете изучать Вундта, вы замѣтите, какъ это указываютъ всѣ критики его, что Вундтъ употребляетъ вмѣсто апперцепціи то одинъ терминъ, то другой, вслѣдствіе чего изученіе Вундтовской теоріи представляетъ много трудностей. Упрекъ этотъ неправиленъ. Стоитъ только представить себѣ ясно смыслъ его теоріи, какъ всѣ его отождествленія станутъ понятны. Понятіе апперцепціи является какъ бы всеобъемлющимъ, оно господствуетъ во всей душевной жизни. Говоря одинъ разъ апперцепція, другой разъ - вниманіе, Вундтъ правъ, потому что по существу они тождественны, хотя апперцепція и болѣе

широкое понятіе, сравнительно съ понятіемъ вниманія. Благодаря вниманію, благодаря апперцепціи представленія становятся болѣе ясными и болѣе отчетливыми.

Отъ апперцепціи отличается понятіе перцепціи. Чтобы объяснить разницу между ними, Вундтъ воспользовался сравненіемъ съ полемъ зрѣнія. Разсматривая группу представленій, мы замѣчаемъ, что находящіяся въ полѣ зрѣнія представленія отличаются ясностью, отчетливостью, что находящіяся внѣ поля зрѣнія или въ боковомъ полѣ зрѣнія не ясны и не отчетливы. Это и есть поле сознанія. Но въ этомъ полѣ можно отмѣтить еще болѣе узкую часть - свѣтлый пунктъ сознанія: если вниманіе направляется на одну точку, благодаря чему она воспринимается яснѣе,. Наиболѣе отчетливымъ оно будетъ, когда воспринимается только свѣтлый пунктъ, а не пѣлое поле; ясность и отчетливость уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ ясной точки сознанія; то, что находится внѣ поля зрѣнія, воспринимается неясно и неотчетливо. Итакъ теоретически мы видимъ, что понятіе апперцепціи и вниманія являются тождественными. Апперцепціи и вниманіе - одно и то же : благодаря вниманію мы ясно и отчетливо воспринимаемъ предметъ.

Описывая процессъ апперцепціи, Вундтъ обращаетъ вниманіе на одну особенность, которую мы должны отмѣтить. Въ процессѣ апперцепціи мы отличаемъ въ себѣ своеобразное чувство, которое называется чувствомъ дѣятельности. Оно сопровождаетъ всегда актъ апперцепціи. Мы чувствуемъ, что мы дѣятельны, что мы совершаемъ извѣстный процессъ, что въ насъ есть своеоб-

разное чувство активности, дѣятельности. Но когда Вундтъ начинаетъ объяснять, въ чемъ это чувство, у него получается неясность, потому что онъ утверждаетъ, что процессъ сопровождается рядомъ ощущеній, связанныхъ съ мышечной дѣятельностью. если я ковергирую глаза на близкій предметъ, разсматривая его, я ощущаю извѣстное напряженіе. Если я слушаю, я ощущаю извѣстнаго рода напряженіе. Если вниманіе переносится отъ предмета, который я слушаю, къ предмету, который я вижу, то перенесеніе вниманія сопровождается ощущеніемъ напряженія. Я чувствую или ощущаю напряженіе. Чувство активности сопровождаетъ процессъ вниманія, процессъ апперцепціи и въ этомъ случаѣ мы дѣйствительно обнаруживаемъ извѣстную активность. Въ процессѣ апперцепціи мы бываемъ активны въ противоположность процессу ассоціаціи, гдѣ мы чувствуемъ себя совершенно пассивными. Если вы хотите наблюдать процессъ ассоціаціи въ чистомъ видѣ, вы должны предаться вполнѣ пассивно игрѣ представленій Но какъ только вы обнаружите активность, то это будетъ уже не процессъ ассоціаціи, но онъ будетъ носить характеръ апперцепціи. Итакъ, если вы хотите отыскать процессъ ассоціаціи въ чистомъ видѣ, сумѣйте предаться полной пассивности, тогда представленія будутъ течь по ассоціаціи, и мы не усмотримъ проявленія апперцепціи. Слѣдующее замѣчаніе, которое я хочу сдѣлать, будетъ слѣдующее. Вундтъ понятіе апперцепціи, вниманія отождествляетъ съ понятіемъ воли. Мы противополагаемъ обыкновенно актъ влеченія акту воли.. Въ актѣ влеченія, мы бываемъ большею частью почти пассивны, тогда какъ

въ волевыхъ актахъ мы избираемъ извѣстное дѣйствіе, отдаемъ предпочтеніе извѣстному дѣйствію, обнаруживаемъ, слѣдовательно извѣстную активность. Если мы противополагаемъ влеченіе акту воли, то ясно, что процессъ апперцепціи, въ которомъ мы обнаруживаемъ вниманіе, направляемъ вниманіе на извѣстный предметъ, удерживаемъ вниманіе на извѣстномъ предметѣ, этотъ процессъ оказывается родственнымъ акту воли. Поэтому Вундтъ говоритъ, что а п п е р ц е п ц і я е с т ь а к т ъ в о л е в о й, а п п е р ц е п ц і я е с т ь в о л я. Здѣсь есть безусловно правильное сравненіе. Вундтъ сравниваетъ вниманіе съ волей и утверждаетъ, что вниманіе, апперцепція есть актъ волевой. На это замѣчаютъ, что вниманіе можетъ быть непроизвольнымъ. Мы знаемъ изъ элементарнаго курса, что какой нибудь рѣзкій стукъ, какое-нибудь рѣзкое зрительное впечатлѣніе привлекаетъ наше вниманіе. Спрашивается, гдѣ же здѣсь воля ? На первый взглядъ можетъ показаться, что здѣсь нѣтъ мѣста элемента воли, разъ одного внѣшняго впечатлѣнія достаточно, чтобы вызвать вниманіе.

Вундтъ отвѣчаетъ на это: всякій сложный волевой актъ предполагаетъ элементарный. Всякій волевой актъ, въ которомъ на лицо нѣсколько мотивовъ, всегда предполагаетъ такой, въ которомъ дѣйствуетъ только одинъ мотивъ. Между ними нѣтъ принципіальнаго различія, потому что въ сущности не важно, дѣйствуемъ ли мы подъ вліяніемъ одного мотива, или двухъ, трехъ, четырехъ и т. д. мотивовъ. Важно лишь то, чтобы совершился извѣстный актъ. Такъ и въ направленіи вниманія: если я дѣй-

ствую подъ вліяніемъ одного мотива, то этимъ еще волевой характеръ вовсе не устраняется. Будетъ ли вниманіе произвольнымъ или непроизвольнымъ, оно имѣетъ характеръ волевой.

Вундтъ указываетъ дальше, что здѣсь существуетъ просто извѣстная градація: актъ болѣе высокій есть актъ апперцепціи, болѣе низкій - актъ ассоціаціи. Если бы существовали только эти два акта, переходъ отъ ассоціаціи къ апперцепціи, отъ акта абсолютно безъ вниманія, насколько это возможно, къ апперцепціи, гдѣ есть вниманіе, былъ бы такъ рѣзокъ. Чтобы не было такой рѣзкой разницы, Вундтъ внесъ понятіе пассивной апперцепціи. Многіе говорятъ на этомъ основаніи, что хотя Вундтъ и оспариваетъ понятіе ассоціаціи, но допускаетъ понятіе пассивной апперцепціи, онъ какъ бы стираетъ различіе между ассоціаціей и апперцепціей, потому что между пассивной апперцепціей и ассоціаціей въ сущности нѣтъ никакого различія. Въ дѣйствительности же разница все же есть. Если какое-нибудь представленіе дѣйствуетъ на меня и я обращаю на него вниманіе, это пассивная апперцепція. Если же изъ ряда представленій я выбираю сознательно одно представленіе, то это будетъ уже то, что можно назвать активной апперцепціей. Само собой разумѣется, что здѣсь обнаруживается активность въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ пассивной апперцепціи. Въ ассоціаціи же активности совсѣмъ нѣтъ никакой; этому процессу присуща полная пассивность. Но, конечно, абсолютныхъ границъ провести нельзя и Вундтъ правъ, говоря, что апперцепціи отличается отъ ассоціаціи по степени.

Итакъ, апперцепція есть вниманіе, сопровождающееся своеобразнымъ чувствомъ дѣятельности. Поэтому апперцепція представляется родственной съ волевымъ процессомъ, это есть волевой процессъ.

Разсмотримъ теперь, что новаго вноситъ понятіемъ апперцепціи сравнительно съ ассоціаціей. Этотъ вопросъ необходимо разсмотрѣть, потому что обычно Вундту возражаютъ, что апперцепція не вноситъ ничего новаго, что съ помощью ассоціаціи можно объяснить все, что Вундтъ объясняетъ апперцепціей. Итакъ чѣмъ же отличается апперцептивное соединеніе отъ ассоціативнаго?

Различіе между ними сводится къ слѣдующему: дѣло въ томъ, что въ апперцепціи мы изъ множества возможныхъ ассоціативныхъ связей выбираемъ предпочтительно одну, двѣ или нѣсколько. Мнѣ представляется выборъ между связями А съ В, А съ С и т.д. Въ процессѣ ассоціаціи представленіе А идетъ внѣ меня, связывается съ В, затѣмъ связывается дальше съ С и т.д. Здѣсь я не принимаю въ этомъ связываніи никакого участія. Если же изъ возможныхъ связей А съ В, А съ С и т.д., выбираетъ одну, то это будетъ уже актъ апперцепціи. Вы видите, какое здѣсь огромное различіе: въ одномъ случаѣ принципъ выбора между возможными связями, а въ другомъ случаѣ- принципъ механической связи представленій. На этомъ случаѣ, когда устанавливается извѣстная связь, наша активность дѣятельность нашего "я", обнаруживается въ томъ, что мы выбираемъ отдѣльное представленіе изъ ряда другихъ, выбираемъ изъ ря-

да возможныхъ ассоціацій одну или нѣсколько. У насъ обнаруживается избирающая, руководящая дѣятельность процесса, который называется апперцепціей.

Вы видите, что благодаря тому, что ассоціативныя связи имѣютъ характеръ пассивный, а апперцептивныя - активный, мы имѣемъ возможность въ классъ апперцептивныхъ связей отнести огромное количество процессовъ, которые ассоціаціей объяснены быть не могутъ. Я имѣю въ виду процессы логическіе, продукты творческаго воображенія. Всѣ логическіе процессы мышленія относятся сюда, имѣютъ характеръ апперцептивный.

Итакъ, тамъ гдѣ мы что-либо мыслимъ, созидаемъ, съ помощью творческаго воображенія производимъ новыя комбинаціи, поставивъ извѣстныя цѣли, достигаемъ этихъ цѣлей, сообразно имъ связываемъ представленія, выбираемъ опредѣленныя представленія, - вообще мы мыслимъ, тамъ проявляется процессъ апперцепціи.

Отношеніе между ассоціаціей и мышленіемъ таково: въ процессѣ мышленія апперцепція вмѣшивается въ ассоціативный процессъ, стѣсняетъ ассоціативный процессъ. Это чрезвычайно интересно и Вундтъ дѣйствительно глубоко подмѣтилъ отношеніе между ассоціаціей и апперцепціей. Обыденныя наблюденія подтверждаютъ правильность Вундтовскаго замѣчанія: когда мы устаемъ отъ работы, то ассоціаціи совершенно непроизвольно овладѣваютъ нами, мысли наши текутъ сами собой, потому что здѣсь не имѣетъ мѣсто апперцепція. Съ этимъ находится въ связи слѣдующее наблюденіе: когда человѣкъ начинаетъ плохо мыс-

слить, онъ начинаетъ много говорить, Это происходитъ потому, что апперцептивныя связи не дѣйствуютъ, и слова текутъ какъ бы сами собой вслѣдствіе ассоціаціи по смежности и по сходству, Психически больной, у которыхъ нѣтъ вниманія, говорятъ часто безъ умолку, подбирая слова, по сходству, смежности и т. д. У нихъ мы наблюдаемъ механическій процессъ ассоціаціи, Но здѣсь нѣтъ апперцепціи, нѣтъ того, что называется логическими процессами мышленія. Здѣсь есть лишь чистая ассоціація, процессъ совершенно пассивный, механическій.

А п п е р ц е п ц і я и м ѣ е т ъ н а п р а в л я ю щ е е з н а ч е н і е. Если скажемъ такъ, то мы совершенно правильно опишемъ процессъ апперцепціи, которой дѣйствительно присущъ направляющій характеръ. Такимъ образомъ къ ранѣе приведеннымъ опрѣдѣленіямъ присоединяется еще одно. Естественно возникаетъ вопросъ:"что же такое въ сущности апперцепція: которую мы опредѣлили, какъ воля, какъ нѣчто, имѣющее направляющій характеръ и т.д.? По мнѣнію Вундта, апперцепція есть дѣйствующая сила, есть совокупность всѣхъ прошлыхъ переживаній. Въ чистомъ актѣ, въ которомъ проявляется наше "я", которое избираетъ, дѣйствуетъ сообразно цѣлямъ, проявляется не метафизическая сущность, но Totalkrafft , все наше "я", сумма всего, что мы переживали раньше. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ процессѣ апперцепціи, наше"я" чувствуетъ себя дѣятельнымъ, такъ какъ оказывается дѣятельнымъ и вся совокупность всѣхъ нашихъ прошлыхъ переживаній.

Итакъ, въ каждомъ актѣ наше "я", наше сознаніе является вполь-

нѣ опредѣленнымъ цѣлостнымъ "я". Эта мысль, Вундта, на мой взлядъ, представляется глубокой и плодотворной.

Если мы скажемъ, что апперцепція обладаетъ синтетическимъ характеромъ, то этимъ мы, въ сущности, говоримъ, что апперцепція производитъ анализъ и синтезъ. А если мы скажемъ, что въ актѣ апперцепціи мы располагаемъ ассоціаціи для извѣстныхъ цѣлей, то и всякаго рода упорядоченную дѣятельность мы можемъ признать апперцепціей. Она, слѣдовательно, анализируетъ, синтезируетъ, все сложное она разлагаетъ на составныя части, объединяетъ отдѣльные элементы и т.д. Такимъ образомъ осуществляется процессъ, который мы называемъ апперцепціей. Вотъ въ чемъ заключается апперцепція. Мнѣ кажется, что я указалъ достаточно признаковъ, чтобы было ясно, что въ апперцептивномъ процессѣ имѣются важныя отличія отъ ассоціативнаго.

Когда эта теорія была предложена Вундтомъ въ 80-хъ г.г., она прошла сначала совершенно незамѣченной, только къ концу 80-хъ гг, она привлекла на себя общее вниманіе. Сторонники ассоціативной теоріи стали оспаривать ее и ими было приведено много соображеній противъ теоріи Вундта. Знаменитый англійскій психологъ Бэнъ послѣдній выразитель ассоціативной теоріи никакъ не могъ допустить, чтобы кромѣ ассоціацій можно было признать реальнымъ въ психической жизни и еще что то. Такой взглядъ онъ считалъ метафизическимъ.

Въ нѣмецкой психологіи Мюнстербергъ въ концѣ 80-хъ гг, выступилъ противъ Вундта и доказывалъ, что послѣдній своимъ признаніемъ апперцепціи принимаетъ какую-то метафизическую

сущность, которая не можетъ быть примирена съ эмпирическими данными. Сторонникомъ этого взгляда является Цигенъ и другіе психофизіологи. Главное возраженіе ихъ заключается въ томъ, что этотъ апперцептивный процессъ, стоящій надъ ассоціаціями, есть что-то метафизическое. Но утвержденіе этого они усматривали въ томъ, что Вундтъ будучи параллелистомъ, не могъ найти физіологическаго соотвѣтствія процессу апперцепціи. Вѣдь по мнѣнію параллелистовъ всякому психологическому процессу долженъ быть соотвѣтствующій ему процессъ физіологическій, а у Вундта оказывается, что для апперцепціи не можетъ быть соотвѣтствующаго физіологическаго процесса. Для ассоціативнаго процесса есть опредѣленный физіологическій коррелатъ, а для того, что стоитъ надъ этими соединеніями представленій, что Вундтъ называетъ апперцепціей, физіологическаго коррелата отыскать нельзя.

Въ отвѣтъ на эти возраженія, Вундтъ пытался указать апперцетивныя центры. Онъ утверждаетъ: поскольку апперцепція имѣетъ дѣло съ представленіями, ощущеніями, постольку апперцепція должна имѣть опредѣленный физіологическій коррелатъ, который долженъ нѣсколько отличаться отъ коррелата простыхъ представленій, отъ слухового центра, зрительнаго центра, обонятельнаго, потому что апперцептивному центру должны быть присущи функціи и разъединяющая и соединяющая и т.д. Но тѣмъ не менѣе этой способности все же надо указать извѣстное мѣсто.

Въ данномъ случаѣ Вундтъ неправъ. Мнѣ скорѣе кажется, что

такого центра отыскать нельзя. Объ этомъ я уже имѣлъ случай говорить, когда шла рѣчь о функціональной психологіи: я указывалъ что для такихъ актовъ, какъ волевой актъ, понятіе центра, физіологическаго аппарата должно быть измѣнено

Теперь позвольте мнѣ резюмировать все сказанное относительно Вундта. По мнѣнію Вундта то, что называется апперцепціей, есть вниманіе. Процессъ апперцепціи сопровождается сознаніемъ активности, сопровождается самосознаніемъ. Сознаніе активности указываетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣлѣ съ явленіемъ, родственнымъ волѣ. Наша активность объясняется дѣятельностью нашего "я", совокупностью всѣхъ прежнихъ переживаній. Вы видите, что въ такомъ опредѣленіи есть элементы Лейбница, Канта, Гербарта. Вундтъ, слѣдовательно, взялъ у своихъ предшественниковъ самое понятіе апперцепціи, его характерныя свойства, какъ напр., активность вниманія и т.д. Но повторяю, если разсмотрѣть всю его систему, мы увидимъ, что понятіе апперцепціи онъ гармонически провелъ по всей психологіи.

Я хотѣлъ выразить свое отношеніе къ апперцептивной психологіи. Я долженъ сознаться, что это не только выдающаяся теорія, но и преодолѣвающая ассоціативную психологію. Если въ настоящее время говорить что, ассоціативная психологія сумѣетъ объяснить всю совокупность психическихъ переживаній, то это звучало бы наивностью, отсталостью и свидѣтельствовало бы лишь о томъ, что говорящій не сознаетъ всѣхъ трудностей, связанныхъ съ этой теоріей. Апперцептивная теорія вывела психологію на новый путь. Слѣдуетъ замѣтить, что функціональная и апперцеп-

тивная психологія во многомъ сходятся. Я не буду въ данный моментъ указывать, въ чемъ именно они сходятся, но вы сами можете убѣдиться, что сходство это очень велико. И та и другая являются на смѣну старой отжившей ассоціативной психологіи.

Благодаря понятію апперцепціи мы созидаемъ новый классъ соединеній, классъ апперцептивныхъ соединеній, цѣнныхъ уже потому, что съ помощью ассоціативныхъ соединеній мы не можемъ двинуться дальше. Вѣдь ассоціація настолько грубый механизмъ, что такіе процессы какъ сужденія, умозаключенія объяснить не въ состояніи, что до нѣкоторой степени удается сдѣлать съ помощью апперцепціи. Такія понятія, как руководящая, направляющая, избирающая дѣятельность съ точки зрѣнія ассоціативной психологіи представляются совершенно безсмысленными, потому, что не могутъ быть выведены изъ ассоціаціи. Съ точки же зрѣнія апперцептивной психологіи они являются необходимыми для описанія процессовъ сознанія.

Благодаря апперцепціи поставлены новыя проблемы, которыя должны быть разсмотрѣнны и только съ точки зрѣнія этой психологіи могутъ быть такъ или иначе разрѣшены.

Если мы говоримъ, что ассоціація представленій обусловливается физіологическими причинами, мы можемъ сказать, что извѣстныя ассоціаціи могутъ совершаться по причинамъ чисто механическаго характера. Если же наоборотъ, мы говоримъ, что въ процессѣ логическаго мышленія мы ставимъ извѣстную цѣль и для достиженія ея изъ ряда ассоціацій наше "я" выбираетъ лишь нѣкоторыя, то въ этомъ случаѣ мы преодолѣваемъ то, что на-

зывается механической ассоціаціей и психофизической причинностью. Тутъ интересно именно то, что мы преодолѣваемъ, уничтожаемъ психофизическую причинность, механическую причинность и вводимся въ другую сферу психической причинности, которая обнаруживается въ томъ случаѣ, когда дѣйствуетъ "я", въ процессѣ апперцепціи, избирая, руководя при выборѣ той или другой ассоціативной связи.

Покончивъ съ вопросомъ объ апперцепціи, мы должны теперь перейти къ новому отдѣлу психологическихъ вопросу о чувствахъ.

Ч У В С Т В А .

Л е к ц і я 9 - ая.

Сейчасъ я предлагаю разсмотрѣть вопросъ о природѣ чувствъ и отношеніи ихъ къ другимъ состояніямъ сознанія - къ элементамъ познавательнымъ, съ которыми обыкновенно приводятъ въ связь чувства.

Были попытки смѣшать понятіе чувства съ понятіемъ ощущенія, считать ихъ болѣе или менѣе тождественными. Поэтому всѣ теоріи относительно чувствъ могутъ быть классифицированы согласно тому, какъ они смотрятъ на отношеніе чувствъ и ощущеній.

Здѣсь существуютъ различные взгляды. Нѣкоторые считаютъ, что такіе признаки чувства, какъ удовольствіе, страданіе могутъ быть поставлены на ряду съ ощущеніями тепла, запаха, вкуса, что удовольствіе и страданіе есть, такъ сказать, содержаніе ощущенія. Въ прежней психологіи и въ англійской въ но-

вое время замѣчается попытка смѣшивать ощущеніе съ чувствомъ. Гербертъ Спенсеръ обозначаетъ ихъ даже однимъ терминомъ - feeling ,который переводится какъ "чувство",т.е. Г. Спенсеръ не отличаетъ чувствъ и ощущеній, относитъ ихъ въ одинъ классъ. Есть попытки привести ихъ въ связь еще и въ такомъ отношеніи. Подобно тому, говорятъ сторонники этой теоріи,какъ въ ощущеніи есть такія стороны, какъ качество, интенсивность, точно также третьей стороной ощущенія надо считать чувство, извѣстный чувственный тонъ. Такимъ образомъ ощущенія и чувства приводятся въ близкую связь.

Но съ другой стороны есть теоріи, въ которыхъ за чувствами отрицается самостоятельность.Подобный взглядъ мы находимъ въ психологіи Гербарта. Чувствъ, какъ самостоятельнаго класса психическихъ явленій,не существуетъ: они являются продуктомъ взаимодѣйствія между представленіями. Все зависитъ отъ хода, теченія представленій:если они текутъ безпрепятственно, получается чувство удовольствія; если сталкиваются съ другими, встрѣчаютъ препятствія, то получается с т ѣ с н е н і е получается чувство страданія.Въ душевной жизни имѣются лишь только представленія,чувствъ нѣтъ,они имѣютъ характеръ производный и - являются результатомъ процесса представленія. Всѣмъ этимъ теоріямъ можно противоположить одинъ взглядъ, который представляется мнѣ наиболѣе вѣрнымъ. Эта теорія признаетъ, что чувства представляютъ самостоятельный классъ, отличаются отъ элементовъ познавательныхъ, волевыхъ, имѣютъ самостоятельное значеніе, обладаютъ самостоятельными призна-

ками. Указывая на самостоятельность, мы должны однако считаться съ прежними теоріями, которыя приводили чувства въ связь съ ощущеніями. Здѣсь существуютъ два крайнихъ взгляда. Съ одной стороны утверждаютъ слѣдующее: чувство безъ ощущенія ни въ коемъ случаѣ существовать не можетъ, не можетъ быть мыслимо, въ этомъ смыслѣ между чувствами о ощущеніями есть неразрывная связь. Чувство является производнымъ отъ ощущенія. Ощущеніе такъ или иначе порождаетъ чувства. Если ощущеніе возрастаетъ въ своей интенсивности, напримѣръ, если звукъ выростаетъ до высшей интенсивности, мы получаемъ непріятное чувство. Чувство есть функція ощущенія. Отъ особенностей ощущенія зависитъ чувство.

Противъ этой теоріи неразрывной связи можно указать, что на низшей стадіи чувство дѣйствительно связано съ ощущеніями, но на болѣе высокихъ стадіяхъ мы мыслимъ чувства, имѣющими существованіе, независимое отъ представленій, и, какъ особый психическій классъ, они представляютъ нѣчто самостоятельное. Между чувствами и ощущеніями такой неразрывной связи, какъ говорятъ нѣкоторые вовсе не существуетъ. Здѣсь вовсе нѣтъ такой связи, какъ связь между цвѣтомъ и протяженностью, которыхъ нельзя мыслить отдѣльно другъ отъ друга.

Такого рода теорія можетъ быть признана правильной лишь въ извѣстномъ смыслѣ. Несомнѣнно, что чувства и ощущенія по большей части связаны, но въ своемъ существованіи чувства могутъ быть и независимы отъ ощущеній, связь между ними не можетъ быть признана абсолютно неразрывной. Сравнивая ощущенія съ

чувствами и отмѣтивъ, что они связаны другъ съ другомъ, можно сказать, что есть причины, которыя порождаютъ ощущенія, но эти же причины въ качествѣ побочныхъ эффектовъ порождаютъ и чувства. Положимъ А есть причина В, но эта же причина въ качествѣ побочныхъ эффектовъ можетъ быть причиною и чувства.

Въ этой теоріи ощущенія и чувства рѣзко отличаются другъ отъ друга по своей теоріи.

По своей природѣ чувства и ощущенія различны. Ощущенія отличаются болѣе или менѣе постояннымъ характеромъ въ зависимости отъ тѣхъ причинъ, которыя ихъ порождаютъ. Возьмемъ звукъ: онъ дѣйствуетъ сегодня, будетъ дѣйствовать завтра, черезъ мѣсяцъ, годъ, два; вы всегда получите одно ощущеніе. Сохраняетъ ли чувство такое постоянство? Конечно, нѣтъ: одна и та же мелодія сегодня доставляетъ вамъ удовольствіе, завтра вы дѣлаетесь къ ней равнодушны, послѣзавтра у васъ можетъ быть нѣчто такое, что мелодія будетъ вамъ непріятна. Одна и та же причина можетъ вызывать совершенно различныя чувства, т.е. другими словами, чувства не обладаютъ такимъ постоянствомъ, какъ ощущенія.

Извѣстная мелодія, извѣстная арія, если она бываетъ сыграна на шарманкѣ или постоянно повторяется, утрачиваетъ свой эластическій характеръ и вмѣсто удовольствія доставляетъ уже страданіе. Измѣнчивость чувствъ въ сравненіи съ ощущеніями бросается въ глаза. Отчего же это зависитъ?

Мы отмѣчали одну характерную черту чувствъ, въ силу которой они отличаются отъ ощущеній. Дѣло въ томъ, что чувства

имѣютъ субъективный характеръ, они не относятся къ чему-нибудь объективному, внѣшнему подобно тому, какъ цвѣтъ ощущается какъ нѣчто внѣшнее, проицируется во внѣ, какъ проицируется внѣ насъ звукъ, тепловое ощущеніе, свойство. Чувства не проицируются, имѣютъ субъективный характеръ. Если поэтому трудно опредѣлить, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло - съ ощущеніемъ или чувствомъ, то можно воспользоваться субъективностью чувствъ-въ качествѣ критерія. Звукъ вызываетъ ощущеніе и чувство. Ощущеніе вн объективируете, проицируете внѣ, а чувство нѣтъ; мы относимъ его къ нашему "я". Это отнесеніе къ "я", эта субъективность чувствъ - характерная особенность этого рода психическихъ процессовъ.

Во всякомъ переживаніи, имѣющемъ сложный характеръ, имѣется и ощущеніе и чувство. Мы можемъ выдѣлить чувство, потому что относимъ его къ нашему "я", а ощущеніе къ объекту. То, что чувства не имѣютъ объективнаго существованія, а имѣютъ лишь субъективное, существуютъ только въ нашемъ сознаніи, я бы сказалъ, только въ нашей душѣ - это обстоятельство имѣетъ важное значеніе не только психологическое, но и гносеологическое. Чувства суть элементы, интимно связанные съ нашимъ "я". Это положеніе настолько неоспоримо, что одинъ современный психологъ, Липпс, понятіе "я" приводитъ въ связь съ переживаніемъ чувствъ: какъ будто чувства цѣликомъ опредѣляютъ наше "я". Этотъ взглядъ возникъ можетъ быть потому, что вѣрно подмѣчена особенность чувствъ- ихъ субъективный характеръ, тогда какъ ощущенія объективны.

Если мы обратимъ вниманіе на это различіе ощущеній и чувствъ, будетъ ясно слѣдующее обстоятельство: если имѣется ощущеніе, порождаемое внѣшнимъ предметомъ, то чувство этимъ предметомъ не созидается, потому что, если бы что-нибудь внѣшнее вызывало чувство, оно имѣло бы характеръ объективный, а мы уже видѣли, что чувства имѣютъ исключительно субъективный характеръ. Отсюда вы уже можете видѣть, что въ оставленной было теоріи Гербарта(какъ построенной на метафизическомъ основаніи), есть извѣстная доля истины.

Если признать, что чувства имѣютъ субъективный характеръ, то становится понятнымъ существованіе формальныхъ (по гербартовской терминологіи) чувствъ и отличіе матеріальныхъ чувствъ отъ интеллектуальныхъ, которыя являются результатомъ соединенія представленій. Я бы сказалъ, что вопросъ о чувствахъ вообще можетъ быть разрѣшенъ въ связи съ тѣмъ, какъ смотрѣть на интеллекту альныя, формальныя чувства. Психологъ, желающій дать отвѣтъ на вопросъ о природѣ чувствъ, долженъ разсмотрѣть эти чувства, потому что ихъ природа можетъ быть разъяснена съ наибольшей трудностью.

Если я возьму булавку и прикоснусь къ поверхности кожи, то получу чувство боли. Очевидно, что въ данномъ случаѣ это чувство возникло вслѣдсвіе причины внѣшняго характера. Возьмемъ какой-нибудь пріятный запахъ. И здѣсь намъ ясна причина, порождающая данное чувство, и намъ кажется, что природа чувства ясна, понятна. Возьмемъ интеллектуальныя, формальныя чувства и сдѣлаемъ попытку пояснить, чѣмъ они по-

рождаются. Вы увидите, что субъективная причина чувства въ зависимости отъ того или другого представленія сдѣлается совершенно ясной. Если возьмемъ простѣйшій примѣръ - эстетическое чувство, то вы увидите субъективный характеръ чувства съ одной стороны, а съ другой стороны то, что оно порождается взаимодѣйствіемъ представленій. Возьмемъ два тона а и в. Сами по себѣ, взятые отдѣльно, они вызываютъ извѣстное ощущеніе. Если же заставимъ ихъ дѣйствовать вмѣстѣ, они составятъ интервалъ и мы получимъ чувство пріятнаго. Откуда оно взялось ? Въ ощущеніяхъ въ отдѣльности его нѣтъ, отсюда выводъ : должно существовать извѣстное взаимоотношеніе, чтобы получилось чувство удовольствія. Возьмемъ гармонію цвѣтовъ: сами по себѣ одинъ цвѣтъ и другой могутъ быть безразличны, или вызывать лишь неясное чувство. Но стоитъ ихъ сопоставить, чтобы составилось то, что называется гармоническими сочетаніями, получается удовольствіе. Отчего? Очевидно вліяетъ взаимодѣйствіе одного ощущенія и другого. Итакъ, уже въ простѣйшихъ чувствахъ мы замѣчаемъ, что не все можетъ быть объяснено причинами внѣшняго характера: вы видите, что какое - то взаимодѣйствіе представленій связано съ чувствами.

Возьмемъ формальныя или интеллектуальныя чувства и постараемся ихъ анализировать, посмотримъ, что они дадутъ.

Положимъ, вы предлагаете мнѣ какой нибудь легко разрѣшимый вопросъ: напримѣръ, пересѣкаются ли Большая Никитская и Моховая ? Я тотчасъ отвѣчаю - пересѣкаются. Такого рода

представленіе связано съ извѣстнымъ чувствомъ, чувствомъ достовѣрности. Если вы спрашиваете меня : а вы увѣрены въ этомъ то я отвѣчу: безъ сомнѣнія, я увѣренъ. Это состояніе которое сопровождаетъ извѣстную связь представленій, мы называемъ чувствомъ достовѣрности, Это состояніе многими не будетъ признано за чувство, но стоитъ противопоставить ему другое чувство - сомнѣнія ,какъ будетъ ясно, что оно имѣетъ реальный характеръ.Если вы спрашиваете меня, я отвѣчаю на вопросъ, но не увѣренъ, правиленъ ли мой отвѣтъ или нѣтъ, у меня является чувство сомнѣнія. Какъ только сдѣлается ясна природа чувства сомнѣнія, чувство достовѣрности выступитъ, какъ безспорное чувство.

По общей классификаціи признаками чувства является наличность удовольствія или страданія. Если ихъ нѣтъ - то данное психическое переживаніе не есть чувство. Гдѣ здѣсь можно отыскать эти элементы при переживаніи сомнѣнія? Если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія этой классификаціи,намъ покажется, что мы не имѣемъ дѣла съ чувствами, что это особыя состоянія,не подходящія подъ эту рубрику. Я хотѣлъ сдѣлать вамъ яснымъ, что въ чувствѣ сомнѣнія, неувѣренности, въ чувствѣ увѣренности удовольствія или страданія въ такой формѣ, какая встрѣчается въ рѣзко выраженныхъ чувствахъ,мы не находимъ. Если вы роетесь въ своей памяти въ поискахъ какой - нибудь мысли, то есть ли на лицо удовольствіе или страданіе:этомъ состояніи исканія, сомнѣнія, что не найдете желаемаго ? Вы согласитесь безспорно, что состояніе,

когда вы хотите и не можете что - либо вспомнить, является въ сущности непріятнымъ. Здѣсь есть, несомнѣнно, чувственный оттѣнокъ, чувственный тонъ. Если вы предлагаете мнѣ вопросъ, и я отвѣчаю на него съ живой увѣренностью, то въ этомъ случаѣ я испытываю извѣстную легкость. И съ этимъ чувствомъ легкости связывается чувственный тонъ. Если это такъ, то откуда же это чувство берется ?

Если, пользуясь прежней схемой, будемъ говорить, что чувство порождается причиной внѣшняго характера, то здѣсь такой причины не имѣется. Здѣсь есть представленія а и в, я ихъ связываю, получаю процессъ сужденія. Связываніе представленій сопровождается извѣстнымъ чувствомъ. Откуда оно берется? Согласно предлагаемой теоріи можно отвѣтить: оно происходитъ вслѣдствіе того, что одно и другое представленіе связываются другъ съ другомъ съ извѣстной легкостью, не встрѣчаютъ препятствія и этотъ процессъ легкой, безпрепятственной связи вызываетъ то психическое состояніе, которое называется чувствомъ. Чувство есть продуктъ соотношенія представленій. Если представленія связываются легко, это вызываетъ удовольствіе; если для связыванія ихъ встрѣчаются препятствія, получается чувство страданія.

Итакъ, чувства возникаютъ изъ какого то взаимодѣйствія между представленіями. Это указываетъ, съ одной стороны, на субъективный характеръ чувствъ, а съ другой стороны, на то отношеніе, которое существуетъ между чувствами и предста-

вленіями. Чувство возникаетъ изъ опредѣленной связи представленій. Затрудняется чѣмъ-нибудь ходъ представленій или они текутъ безпрепятственно, это влечетъ за собой извѣстное чувство. Вопросъ объ отношеніи между чувствами и интеллектуальнымъ моментомъ можетъ быть разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что извѣстное отношеніе между представленіями порождаетъ извѣстное чувство. Я не скрываю, что такое рѣшеніе является повтореніемъ того, что имѣлось у Гербарта, который, какъ вы помните, исходилъ изъ метафизическихъ предпосылокъ, но это рѣшеніе безусловно находится въ согласіи съ фактами. Формальныя, интеллектуальныя чувства указываютъ на субъективный характеръ чувствъ и ихъ возникновеніе изъ взаимодѣйствія между представленіями.

Возьмемъ еще примѣръ: чувство удивленія или изумленія. Какъ его описать ? Что это есть чувство, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Это есть чувство и если подниматься по градаціямъ, оно можетъ привести къ сильному аффекту: оно находится въ родствѣ съ аффектомъ, называемымъ испугомъ, который въ своей ослабленной формѣ даетъ удивленіе. Состояніе удивленія есть чувство. Откуда получается это чувство ? Въ какомъ случаѣ мы удивляемся, изумляемся? Отвѣтъ будетъ ясный: когда ассимиляція стараго съ новымъ оказывается затрудненной. Если я вижу то, что видѣлъ вчера, еще раньше, я воспринимаю, ассоціація прежняго представленія съ новымъ осуществляется безпрепятственна; въ этомъ случаѣ я имѣю дѣло съ воспріятіемъ,

не имѣющимъ чувственнаго тона.Но если бы я взялъ въ руки мѣлъ чернаго, а не бѣлаго цвѣта, я остановился бы въ удивленіи. Ассоціанія встрѣчаетъ препятствіе, и это останавливаетъ ходъ представленій. Процессъ замедленія ассоціаціи, затрудненія порождаетъ извѣстное чувство. Мы можемъ сказать, что этотъ примѣръ указываетъ, что чувство порождается извѣстнымъ взаимодѣйствіемъ представленій.

Я говорю все это, чтобы описать характерное свойство чувствъ,которое называютъ субъективностью . Мнѣ хотѣлось сказать, что чувства не проицируются въ пространствѣ, не имѣютъ объективнаго характера, какъ ощущенія.Благодаря этому у насъ получается критерій болѣе прочный, чѣмъ приведенный въ прошломъ году:тогда я указывалъ на удовольствіе и страданіе, теперь въ качествѣ критерія привожу субъективность и
объективность. Если психическое состояніе имѣетъ субъективный характеръ, это - чувство , если объективный - ощущеніе.

Чтобы выяснить дальше природу чувствъ, надо обратиться къ вопросу о физіологическихъ основахъ чувствъ; это можетъ содѣйствовать выясненію вопроса объ отношеніи чувствъ и ощущеній.

Нѣкоторые рѣшаютъ вопросъ такимъ образомъ. Они говорятъ, что для ощущеній есть опредѣленный физіологическій коррелатъ, такой же коррелатъ существуетъ и для чувствъ. Для ощущеній существуютъ извѣстные органы - нервы двигательные

и чувствующіе. Слѣдовательно, и для чувствъ, если они имѣютъ такую же природу, долженъ быть такой же физіологическій коррелатъ, какъ и для ощущеній. Гольдшейберъ и другіе физіологи, занимаясь кожными ощущеніями, нашли, что существуютъ на поверхности кожи точки реагирующія только на холодъ, или наоборотъ, реагирующія только на тепло. Кромѣ того найдены точки прикосновенія, давленія, болевыя и т.д. Разъ это такъ, то, слѣдовательно, для чувствъ есть опредѣленный физіологическій коррелатъ, похожій на коррелатъ для ощущеній вообще. Но это не доказано и болѣе вѣроятно, другое предположеніе, что всѣ точки могутъ давать чувство боли, если давленіе будетъ сильнѣе, а всѣ нервы, служащіе для ощущеній, въ случаѣ сильнаго раздраженія реагируютъ болевымъ ощущеніемъ. Для чувствъ опредѣленнаго физіологическаго коррелата, какъ для ощущеній, признать нельзя. Правильнѣе было бы сказать, что возникновеніе чувствъ сопровождается рядомъ физіологическихъ процессовъ, которые даютъ намъ руководящую точку зрѣнія для вопроса о природѣ чувствъ; таковы суть процессы кровообращенія, дыханія и т.д.

Въ прошломъ году я разбиралъ вопросъ о томъ, что происходитъ въ нервной системѣ, когда мы испытываемъ удовольствіе или страданіе. Я тогда говорилъ, что, если въ нервныхъ клѣткахъ дѣятельность происходитъ такимъ образомъ, что между приходомъ и расходомъ энергіи есть правильное соотношеніе, получается чувство удовольствія. Если приходъ или расходъ превышаетъ, получается страданіе. Это рѣшеніе частью можетъ -

быть признано правильнымъ, но для болѣе точнаго объясненія этого недостаточно. На этотъ вопросъ отвѣтилъ Цигенъ и его теорія заслуживаетъ вниманія.

Онъ говоритъ о физіологическихъ процессахъ, которые бываютъ, когда мы переживаемъ удовольствіе или страданіе: чувство удовольствія благопріятствуетъ ходу представленій, которыя легко переходятъ отъ одного къ другому; при страданіи ходъ представленій замедляется. Если мы хотимъ отыскать причину, можно сдѣлать такое предположеніе: въ могзу въ той или другой клѣткѣ накопляется возбужденіе. Если клѣтка находится въ такомъ состояніи, что можетъ энергію, накопившуюся въ ней, легко разрѣдить, направивъ ее въ другую клѣтку, мы испытываемъ удовольствіе, потому что энергія легко переходитъ изъ одной клѣтки въ другую. Наоборотъ, если энергія не можетъ быть направлена въ другую клѣтку, получается чувство неудовольствія.

Я думаю, что вопросъ о физіологическомъ коррелатѣ, о процессахъ въ нервной системѣ, когда мы испытываемъ удовольствіе или страданіе, вообще трудно разрѣшимый, но то рѣшеніе, которое предлагаетъ Цигенъ, кажется мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ и въ этомъ именно направленіи надо искать рѣшеніе.

На этомъ вопросѣ о чувствахъ въ отношеніи ихъ къ представленіямъ и ощущеніямъ я считаю законченнымъ, и теперь предложу вамъ класеификацію чувствъ, которая возможна въ настоящее время.

Вопросъ, который я хочу теперь разсмотрѣть, является од-

нимъ изъ самыхъ основныхъ вопросовъ въ психологіи, вопросъ о классификаціи чувствъ. Это одинъ изъ наиболѣе трудно разрѣшимыхъ вопросовъ. Въ 19 в. не было психолога, который не давалъ бы отвѣта на него. Въ англійской, нѣмецкой, французской психологіи давались своеобразныя классификаціи. Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, сначала надо рѣшить, какой принципъ долженъ быть положенъ въ основу классификаціи. Прежде всего нужно замѣтить, что чувства настолько разнообразны, что, если ихъ не классифицировать, то изученіе ихъ представляло бы большія трудности.

У прежнихъ психологовъ замѣчалась тенденція приводить чувства въ связь съ моментами интеллектуальными и дѣлать ихъ въ зависимости отъ этихъ послѣднихъ: если въ составъ ихъ входятъ ощущенія, то получается одинъ классъ чувствъ, если воспріятія - то другой, и т.д. Такъ какъ отличительныя особенности того или другого класса чувствъ находятся въ зависимости отъ интеллектуальныхъ моментовъ, то на этомъ основаніи и можно было бы дѣлить чувства.

Одинъ изъ новѣйшихъ психологовъ, Вундтъ, находитъ, что обычный способъ классификаціи неправиленъ, потому что упускаются изъ виду признаки, присущіе чувствамъ на самомъ дѣлѣ. Мы говоримъ, что характерная особенность чувствъ заключается въ томъ, что имъ присуще удовольствіе или страданіе. Признавъ что чувства есть многообразіе одного измѣренія, мы могли бы это изобразить такимъ образомъ: мы можемъ взять прямую линію и отмѣтить на ней удов. о страд.

Всякое чувство содержитъ въ себѣ или удовольствіе или страданіе въ большей или меньшей мѣрѣ. Въ нулевой точки нѣтъ ни удовольствія, ни страданія, это есть точка индифферетности, или какъ ее называютъ зона индифферентности. Таково обычное мнѣніе. Вундтъ исходитъ изъ того, что для характеристики чувствъ этого признака недостаточно: есть еще другіе признаки, характерные для чувствъ.

Возьмемъ такой примѣръ: если я вхожу въ темную комнату и выхожу изъ темной комнаты въ свѣтлую, въ испытываемыхъ чувствахъ будетъ различіе: вхожденіе въ темную комнату связано съ неудовольствіемъ, въ свѣтлую - съ удовольствіемъ. Возьмемъ другой примѣръ: ощущеніе спектральнаго краснаго цвѣта и ощущеніе спектральнаго синяго цвѣта. Не будемъ говорить о томъ, есть здѣсь удовольствіе или нѣтъ. Въ этихъ случаяхъ мы замѣтимъ здѣсь различнаго рода переживанія: ощущая красный цвѣтъ, мы чувствуемъ нѣкотораго рода возбужденіе, чувствуемъ особое состояніе, которое Вундтъ называетъ возбужденіемъ; созерцая синій цвѣтъ, испытываемъ состояніе, которое можно было бы назвать успокоеніемъ. Возбужденіе и успокоеніе - два различныхъ испытыванія, сопровождающія воспріятія краснаго и синяго цвѣта.

Беремъ еще примѣръ : намъ говорятъ, что сейчасъ будутъ выбивать тактъ метрономомъ. Когда мы собираемся воспринять удары метронома и ждемъ, мы испытываемъ особое состояніе, которое Вундтъ называетъ напряженіемъ. Когда удары метронома наступаютъ, напряженіе исчезаетъ и смѣняется тѣмъ, что Вундтъ

называетъ разрѣшеніемъ, составляющимъ противоположность напряженію.

Итакъ, по мнѣнію Вундта, это характерная особенность его теоріи, всѣмъ чувствамъ присущи и удовольствіе или страданіе, и напряженіе или разрѣшеніе, и возбужденіе или успокоеніе. Всѣ эти три пары моментовъ присущи каждому чувству. Если бы я хотѣлъ, характеризуя то или другое чувство, изобразить схематически, я долженъ изобразить его какъ измѣненіе не въ одномъ измѣреніи, а въ трехъ.

Въ какомъ - нибудь чувствѣ кромѣ элементовъ удовольствія и страданія есть еще другіе элементы, начиная отъ нуля, нѣкоторое количество возбужденія или успокоенія и напряженія или разрѣшенія. Если бы было двѣ пары признаковъ, чувства представляли многообразіе двухъ измѣреній. Но такъ какъ существуетъ и третья пара, то чувства суть многообразіе трехъ измѣреній. Имѣя эту схему, мы можемъ сказать, что любое чувство складывается изъ трехъ моментовъ : удовольствія или страданія, возбужденія или успокоенія, напряженія или разрѣшенія. Вы можетъ легко представить, что если есть какое нибудь чувство, какой-нибудь процессъ, его можно изобразить въ видѣ кривой, проходящей черезъ эти три пересѣкающіяся линіи: мы имѣемъ или страданіе, успокоеніе, разрѣшеніе, или противоположныя или удовольствіе, напряженіе, возбужденіе. По мнѣнію Вундта, всякое чувство складывается изъ этихъ трехъ паръ моментовъ. Этотъ субъективный анализъ Вундтъ дополняетъ и объективнымъ анализомъ.

Мы можемъ возразить Вундту: изъ самонаблюденія мы видимъ, что въ чувствахъ всегда на лицо удовольствіе или страданіе. Что же касается другихъ признаковъ, то мы ихъ не всегда замѣчаемъ, потому что въ нѣкоторыхъ чвуствахъ они имѣются, въ другихъ же ихъ нѣтъ. Мы можемъ сказать, напр., что цвѣтъ вліяетъ на насъ особеннымъ образомъ, что наша обстановка бываетъ обыкновенно окрашена въ сѣрый цвѣтъ, цвѣтъ индифферентный, успокаивающій. Красный же цвѣтъ, наоборотъ, раздражаетъ: животныя, какъ вы знаете при видѣ его приходятъ въ состояніе ярости. Чувство имѣетъ здѣсь тотъ характеръ, который указалъ Вундтъ - возбужденіе.

Чрезвычайно интересно и важно, чтобы эта теорія, которая построена на самонаблюденіи, была бы доказана путемъ объективнаго изученія. Мы должны прибѣгнуть здѣсь къ изученію того, что происходитъ въ организмѣ въ связи съ тѣмъ или другимъ состояніемъ.

Вы помните, какъ можно отмѣчать измѣненія во внутреннихъ органахъ, въ дыханіи, кровообращеніи и т.д. Въ плетисмографѣ, съ помощью котораго опредѣляются измѣненія объема, сфигмографѣ - измѣненіе пульса, пневмографѣ - измѣненія дыханія, получаются волнообразныя кривыя, которыя измѣняютъ свой характеръ въ зависимости отъ переживаемаго чувства.

Если испытуемый субъектъ переживаетъ какое-нибудь чувство, то его состояніе можетъ быть изображено съ помощью кривой, которая можетъ быть получена на особомъ аппаратѣ кимографѣ. Эти кривыя для каждаго даннаго случая отличны, но на-

до умѣть ихъ читать, чтобы знать какая особенность отличаетъ одну кривую отъ другой.

Пульсъ, напримѣръ, даетъ извѣстную волнообразную кривую, въ которой вполнѣ могутъ быть или высокими или низкими, могутъ быть или короткими или длинными. Длинныя волны указываютъ на длительность процесса, короткіе - на кратковременность. Каждая волна можетъ быть или высокой и длинной, или высокой и короткой, или низкой и длинной ,или низкой и короткой. При опредѣленіи пульсовой кривой, вы должны указать, высокій или низкій, сильный или слабый, быстрый или медленный пульсъ.

Для насъ эти признаки являются характерными для того или другого чувства. Вундтъ предполагаетъ, что въ каждой кривой можно выдѣлить характерныя особенности для удовольствія и страданія, возбужденія и разрѣшенія. Въ цѣляхъ эксперимента мы можемъ выдѣлить тотъ или другой моментъ и можемъ замѣтить, что чувство напряженія и разрѣшенія имѣютъ особыя характерныя измѣненія. Надо производить эксперименты такъ, чтобы выяснить то, что соотвѣтствуетъ напряженію и разрѣшенію. Разумѣется, при этомъ надо по мѣрѣ возможности выбросить удовольствіе и страданіе, возбужденіе и успокоеніе.

Для этой цѣли лучшимъ способомъ является предложеніе нетрудной умственной работы, напримѣръ, разрѣшеніе задачи, гдѣ замѣчается по обиходному выраженію напряженіе вниманія. Когда задача рѣшена, то напряженіе смѣняется успокоеніемъ. Это напряженіе и успокоеніе можно отмѣтить съ помощью объективныхъ признаковъ. Такимъ же образомъ можно отмѣтить возбужденіе и

успокоеніе, удовольствіе и страданіе.

Я покажу вамъ кривыя, получившіяся у Бундта, которыя служатъ для того, чтобы характеризовать особенности напряженія и разрѣшенія. Здѣсь (см. рис. 31), вы видите дыхательныя кривыя - дыхательную грудную и дыхательную брюшную. Субъекту задается задача, которую онъ долженъ разрѣшить. Сначала (до 1) мы видимъ нормальную кривую, затѣмъ (отъ 1 до 2) наступаетъ напряженіе и, наконецъ, (послѣ 2), разрѣшеніе. Бундтъ описываетъ это слѣдующимъ образомъ: мы замѣчаемъ уплощеніе, т. е. волны въ случаѣ напряженія дѣлаются болѣе плоскими, потому что измѣнилось дыханіе. Иногда, когда напряженіе достигаетъ высшей степени, дыханіе останавливается совсѣмъ. Послѣ напряженія, какъ вы видите, волны возвращаются въ прежнее состояніе. Такимъ же образомъ происходятъ измѣненія и въ сосудистой кривой. Вы видите изображеніе (См. рис. 32), плетисмографической кривой. Въ моментъ а происходитъ возбужденіе вниманія путемъ легкаго прикосновенія, что и отражается на объемѣ: кривая, какъ вы видите, измѣняется. Бундтъ описываетъ это такимъ образомъ: происходитъ уменьшеніе пульса и увеличеніе его длительности. Вы видите здѣсь пульсъ высокій, затѣмъ дѣлается ниже и длина волны короче; мы замѣчаемъ затѣмъ уменьшеніе высоты и нѣкоторое удлиненіе волны. Процессъ становится длительнымъ. Затѣмъ пульсъ дѣлается нормальнымъ : напряженіе проходитъ и пульсъ приближается къ нормальному. Измѣненія въ сосудистой системѣ соотвѣтствуютъ переживаемому чувству напряженія.

Здѣсь (См. рис. 33),вы имѣете дыхательную и плестисмографическую кривую для чувства разрѣшенія.Это чувство самостоятельно существовать не можетъ:сначала надо вызвать напряженіе, затѣмъ наступитъ разрѣшеніе,которое должно опредѣленнымъ образомъ отразиться на дыханіи и сосудистой системѣ.

Испытуемому субъекту было предложено помножить 93 на 78. Эта задача довольно сложная и вызвала извѣстное напряженіе, которое прошло, когда задача была разрѣшена (на кривой это отмѣчено въ в). Когда напряженіе исчезло,произошло разрѣшеніе, которое отразилось на дыханіи: на дыхательной кривой можно отличить различіе.Объемная кривая сразу сдѣлалась очень высокой,получился болѣе сильный пульсъ. Произошло также измѣненіе и въ дыхательной кривой въ смыслѣ увеличенія волнъ. Если сравнить эти кривыя, то разница между процессами разрѣшенія и напряженія будетъ ясна.

Перейдемъ къ слѣдующему классу - возбужденію и успокоенію. Я долженъ замѣтить, что моментъ возбужденія отдѣльно трудно вызвать: всегда вызывается удовольствіе или страданіе и чувство напряженія. Чтобы ослабить удовольствіе и страданіе напряженіе и разрѣшеніе ,прибѣгаютъ къ такому способу: дѣлаютъ попытку вызвать путемъ внушенія не какое -нибудь представленіе, какъ въ гипнозѣ, а извѣстное состояніе. Испытуемому говорятъ. будьте въ состояніи подавленности или радости,Это требованіе приводитъ къ тому, что субъектъ дѣйствительно испытываетъ или слабое чувство подавленности или слабое чувство возбужденія. Это легкое повышеніе возбужденія или по-

давленности тотчасъ получаетъ опредѣленное обозначеніе въ пульсовой и дыхательной кривой.(См. рис. 34). По описанію Вундта пульсовая и плетисмографическая кривая измѣняются. Онъ находитъ, что пульсъ усилился, но не сократился и не удлинился, дыханіе повысилось безъ какихъ-либо другихъ измѣненій.(Это мы, до нѣкоторой степени, усматриваемъ и на рисункѣ 34). Мы видимъ такимъ образомъ измѣненія, произведенныя возбужденіемъ путемъ внушенія.

Посмотримъ, что произойдетъ, если будетъ другое состояніе, состояніе подавленности. Если сравнимъ дыхательную кривую(См. рис 35) съ прежней (рис. 34), то мы увидимъ, что на мгновеніе (въ рис. отмѣчено въ в), дыханіе остановилось, когда субъектъ почувствовалъ себя подавленнымъ. Дыханіе, слѣдовательно,не только замедлилось,но и совсѣмъ остановилось, и слѣдующія затѣмъ волны становятся значительно ниже.Въ плетисмографической же кривой мы замѣчаемъ, что волны сначала были высокія, затѣмъ сдѣлались низкими,но усилилась частота волнъ. Если сравнить эту плетисмографическую кривую съ кривой, полученной въ случаѣ возбужденія, то разница между ними очень ясна.

Разсмотримъ теперь третью пару :- удовольствіе и страданіе.

Удовольствіе и страданіе можно вызвать съ помощью легкаго возбужденія :- запаха или вкуса. Вы видите(Рис. 36),какія измѣненія произошли при вызываніи удовольствія: дыханіе сначала пріостанавливается, затѣмъ дѣлается болѣе глубокимъ. Здѣсь(въ с) вы видите переходъ отъ одного состоянія въ дру-

гое;симптомы тождественны.

Посмотримъ, что происходитъ въ сосудистой системѣ при удовольствіи и страданіи (См. рис. 37). Бундтъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: если сравнимъ волны до и послѣ а, то мы замѣтимъ, что онѣ повышаются ,замедляются и удлиняются при удовольствіи(запахъ фіалки);при неудовольствіи (См. рис. 38), (на языкъ испытуемаго было положено нѣкоторое количество хины), дыханіе пріостанавливается, волны становятся больше;плетисмографическая кривая измѣняется:вначалѣ волны становятся ниже, затѣмъ онѣ значительно учащаются.

Вы видите, что есть безспорное различіе между однимъ и другимъ состояніемъ.

Я оставляю безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ,въ какой мѣрѣ эти противоположности имѣются на самомъ дѣлѣ. Я не увѣренъ, уловимы ли всѣ измѣненія между напряженіемъ и разрѣшеніемъ, возбужденіемъ и успокоеніемъ,удовольствіемъ и страданіемъ. Бундтъ утверждаетъ, что сравнивая чувства мы можемъ отличить наличность этихъ противоположностей, что,такимъ образомъ,чувства есть многообразіе многихъ измѣреній.Въ настоящее время теорія Бундта является предметомъ обсужденій и она имѣетъ много противниковъ,сильно оспаривающихъ ея правильность.

Съ своей стороны я замѣчу только.когда Бундтъ говоритъ о напряженіи и разрѣшеніи, возбужденіи и успокоеніи, то рѣчь идет скорѣе о томъ,что называется ощущеніемъ, а не чувствомъ.Элементы,которые онъ называетъ напряженіемъ и разрѣшеніемъ имѣютъ не совсѣмъ характеръ чувствъ. Я долженъ указать,что если

бы надо было предложить классификацію цвѣтовъ, я держался бы той, которую предлагалъ раньше. Я указывалъ, что чувства сами по себѣ, изолированно не встрѣчаются, они всегда связаны съ элементами интеллектуальными. Если чувства всегда встрѣчаются съ элементами интеллектуальными и являются обусловленными ими, то слѣдуетъ сказать, что интеллектуальные моменты представляются настолько характерными особенностями чувствъ, что классифицировать чувства можно только сообразно съ классификаціей интеллектуальныхъ моментовъ. Если мы различаемъ такіе моменты, какъ ощущеніе, впечатлѣніе, представленіе, отвлеченное представленіе и т.д., то сообразно съ этимъ и чувства, связанныя этими элементами, будутъ характерно отличаться по степени. Извѣстныя ступени, имѣющія мѣсто по отношенію къ элементамъ интеллектуальнымъ, существуютъ, слѣдовательно, и для чувствъ.

Это единственное безспорно правильное основаніе для классификаціи чувствъ.

О В О Л Ѣ.

Л е к ц і я 10 -ая.

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о волѣ я позволю себѣ познакомить васъ съ различными точками зрѣнія во взглядахъ на волю.

Вундтъ думаетъ, что всѣ теоріи по вопрросу о волѣ могутъ быть сведены къ двумъ бодьшимъ группамъ: теоріи автогенетическія и теоріи гетерогенетическія. Автогенетическія теоріи

это тѣ ученія, которыя предполагаютъ, что воля имѣетъ характеръ первоначальный, непроизводный. Гетерогенетическія теоріи утверждаютъ, что воля рождается изъ чего то другого, имѣетъ характеръ производный, что высшіе волевые акты возникаютъ изъ чего - то, что не есть воля. Такихъ теорій, которыя предполагаютъ, что воля есть продуктъ производный, до сихъ поръ существуетъ очень много.

Если мы возьмемъ теорію, предложенную въ русской литературѣ Сѣченовымъ, по мнѣнію котораго высшіе волевые акты рождаются из рефлективныхъ актовъ, путемъ ихъ усложненія, такое объясненіе волевыхъ процессовъ можетъ быть отнесено къ типу гетерогенетическихъ теорій.

Самымъ виднымъ представителемъ гетерогенетической теоріи является англійскій психологъ Бэнъ, сдѣлавшій попытку показать, что сложные волевые акты рождаются изъ элементарныхъ автогенетическихъ..

Я позволю себѣ указать вамъ сущность его теоріи чтобы было ясно, какая теорія будетъ опровергаться Вундтомъ, сторонникомъ автогенетической теоріи.

По мнѣнію Бэна, волевыхъ дѣйствій первоначально не имѣется на лицо; имѣются на лицо лишь движенія рефлективныя, автоматическія, изъ которыхъ при помощи присоединенія добавочныхъ процессовъ, рождаются волевыя движенія. Вы видите, что Бэнъ выводитъ волевыя движенія не изъ рефлективныхъ, а изъ автоматическихъ. Посмотримъ, какъ онъ опредѣляетъ автоматическія движенія. Автоматическія движенія, какъ вамъ извѣстно изъ эле-

ментарнаго курса, суть такія движенія,которыя совершаетъ живое существо благодаря скопленію въ нервныхъ центрахъ энергіи, требующей разряда. Послѣдствіе этого накопленія энергіи молодое животное,напримѣръ,совершаетъ движенія на удачу,какъ попало, и движенія эти не имѣютъ цѣлесообразнаго характера. Движенія, совершаемыя безъ цѣли, подъ вліяніемъ раздраженія нервныхъ центровъ, называются автоматическими. На это опирается Бэнъ, выводя волевые акты изъ неволевыхъ.

Другой законъ,который онъ вводитъ,есть законъ самосохраненія.Этотъ терминъ онъ придумалъ для объясненія слѣдующаго факта: дѣйствія, которыя доставляютъ намъ удовольствіе,мы стремимся продолжать; дѣйствія, которыя доставляютъ страданіе, мы стремимся прекращать.Это дѣлается совершенно непроизвольно. Если въ актѣ жеванія,на языкъ попадается что-нибудь горькое,мы тотчасъ,непроизвольно, прекратимъ жеваніе. Если намъ холодно,мы стремимся приблизиться къ источнику тепла, доставляющему намъ удовольствіе.Итакъ,мы продолжаемъ дѣйствія,доставляющія удовольствіе, и прекращаемъ движенія, доставляющія страданія.Это и есть законъ самосохраненія.

Принявъ во вниманіе дѣйствія,которыя называются автоматическими, и законъ самосохраненія, по мнѣнію Бэна, мы можемъ объяснить возникновеніе высшихъ волевыхъ дѣйствій.

Мы имѣемъ сначала автоматическія движенія,посмотримъ, какъ изъ нихъ получаются движенія,имѣющія волевой характеръ.

Положимъ, живое существо только что родилось;оно совершаетъ различныя автоматическія движенія.Эти движенія доста-

вляютъ ему удовольствіе, поэтому это существо и будетъ дѣлать попытки продолжать эти движенія, и наоборотъ, автоматическое движеніе, приводящее къ страданію, будетъ прекращено.

Замѣтивъ это, возьмемъ примѣръ того, какимъ образомъ получаются движенія, имѣющія волевой характеръ. Возьмемъ ребенка на первой стадіи развитія. Ребенокъ прикасается къ соскѣ матери и начинаетъ производить движенія, которыя будутъ названы рефлективными или автоматическими. Вслѣдствіе этихъ движеній получается притокъ пищи, что доставляетъ ребенку удовольствіе. Такъ какъ получается удовольствіе, то въ силу закона самосохраненія ребенокъ долженъ стремиться продолжать движенія, пока не наступитъ насыщеніе. Послѣ этого притокъ пищи начнетъ уже доставлять ребенку неудовольствіе, и ребенокъ вслѣдствіе этого прекратитъ движенія.

Между движеніемъ и удовольствіемъ можетъ быть вставлено какое-нибудь промежуточное звено, какой-нибудь посредственный актъ, который самъ по себѣ не доставляетъ удовольствія, представляется безразличнымъ, индифферентнымъ. Но онъ можетъ произвести серьезное измѣненіе въ движеніи. Ребенокъ видитъ грудь матери. Само по себѣ, какъ зрительное ощущеніе, видѣніе груди матери представляется индифферентнымъ зрительнымъ ощущеніемъ, но оно связывается съ извѣстнымъ комплексомъ: къ производимому движенію, сопровождающемуся удовольствіемъ, присоединяется извѣстное зрительное представленіе. Въ силу принципа ассоціаціи, отъ постояннаго повторенія должно произойти то, что эти три момента должны тѣснѣйшимъ образомъ

связаться другъ съ другомъ, т.е. извѣстное движеніе, влекущее за собой удовольствіе, связывается съ зрительнымъ впечатлѣніемъ и всѣ вмѣстѣ они составляютъ одинъ комплексъ. Но если движеніе, влекущее за собой удовольствіе, связывается съ зрительнымъ представленіемъ, если они образуютъ извѣстный комплексъ, то можетъ произойти, что порядокъ этихъ трехъ моментовъ измѣнится: зрительное представленіе можетъ возникнуть само по себѣ, т.е. ребенокъ можетъ увидѣть грудь матери. Что должно тогда произойти въ силу ассоціаціи? Зрительное представленіе въ силу ассоціаціи должно вызвать извѣстное чувство удовольствія. У ребенка вырастетъ представленіе, репродуцирующее чувство удовольствія, но такъ какъ оно было связано съ извѣстнымъ движеніемъ, которое раньше приводило къ удовольствію, то и воспроизведенное чувство удовольствія должно вызвать движеніе, приводившее прежде къ удовольствію. Такимъ образомъ, чувство удовольствія вызоветъ соотвѣтствующее движеніе. Есть извѣстнаго рода представленіе удовольствія, которое является цѣлью, средствомъ для достиженія его является движеніе. Значитъ, движеніе оказывается средствомъ, а чувство удовольствія - цѣлью. Такимъ образомъ у ребенка изъ такого рода движенія, которое онъ совершалъ раньше автоматически, рождается актъ имѣющій всѣ признаки произвольнаго акта, въ которомъ имѣются представленіе удовольствія, получаемаго благодаря извѣстному движенію, а также и представленіе средства, ведущаго къ извѣстной цѣли. А это какъ разъ и есть признаки произвольнаго движенія. Теперь вмѣсто

того, чтобъ совершать движенія автоматически, ребенокъ можетъ совершать ихъ преднамѣренно, предусматривая извѣстную цѣль. Дѣйствія его пріобрѣтаютъ преднамѣренный характеръ, получаютъ волевой характеръ.

На этомъ элементарномъ примѣрѣ мы видимъ, какимъ образомъ простое автоматическое движеніе, когда къ нему присоединяется представленіе, образуетъ комплексъ, который называется волевымъ движеніемъ. Мы видимъ ясно, что то, что называется процессомъ волевого движенія, есть не что иное, какъ сложный актъ, получившійся изъ элементарнаго автоматическаго движенія, къ которому присоединилось представленіе. На этомъ основаніи Бэнъ и другіе психологи говорятъ, что воля имѣетъ характеръ производный, т.е. въ первыя минуты своего существованія живое существо воли не имѣетъ, имѣетъ лишь автоматическіе акты, рефлективные, но не волевые. Воля является лишь на послѣдующихъ стадіяхъ развитія. Такъ утверждаютъ сторонники гетерогенетической теоріи.

Бундтъ утверждаетъ, что воля имѣетъ характеръ непроизвольный, ни изъ чего произойти не можетъ, существуетъ первоначально. Гдѣ есть то, что называется сознаніемъ психической жизнью, тамъ есть воля и потому выводить ее изъ чего либо было бы нецѣлесообразно. Возьмемъ примѣръ, приводимый Бэномъ, будто первоначально есть только движенія автоматическія, рефлективныя, непроизвольныя. Мы видимъ, что у живого существа, какъ только оно начинаетъ дѣйствовать, количество движеній, имѣющихъ характеръ сознательный, произвольный,

больше чѣмъ движеній, имѣющихъ характеръ непроизвольный. Всѣ эти движенія носятъ характеръ произвольный, преднамѣренный, сознательный, т.е. носятъ характеръ волевой. Если бы вѣрна была теорія Бэна, то и у животныхъ воли не было бы, всѣ ихъ движенія были бы непроизвольны. Между тѣмъ мы этого не замѣчаемъ. Если мы возьмемъ элементарные организмы и станемъ наблюдать ихъ движенія, дѣйствія, мы увидимъ, что у самыхъ элементарныхъ организмовъ движенія ихъ не имѣютъ характера рефлективныхъ, автоматическихъ движеній - и у нихъ ясно обнаруживаются движенія, имѣющія характеръ волевой, произвольный, въ которыхъ на лицо выборъ и гдѣ движенія имѣютъ характеръ пѣлесообразный. Тотъ фактъ, что движенія имѣютъ пѣлесообразный характеръ, указываетъ на извѣстную сознательность. Поэтому Вундтъ и говоритъ, что движеній рефлективныхъ, не сопровождающихся представленіемъ, сознаніемъ у низшихъ животныхъ мы не отмѣчаемъ. Теоретически было неправильно допустить, что раньше являются непроизвольныя, а затѣмъ сложныя волевыя движенія, изъ нихъ уже вниманіе, апперцепція.

Въ англійской психологіи давалось такое объясненіе: внутренняя воля - активное вниманіе, мышленіе - есть результатъ развитія внѣшнихъ движеній. Внутренняя воля является продуктомъ развитія внѣшней воли, продуктомъ развитія и осложненія внѣшнихъ движеній.

По мнѣнію Вундта, это совершенно неправильно, наоборотъ, мы должны сказать, что внѣшнія проявленія воли являются результатомъ внутренней дѣятельности. Внутренняя дѣятельность

амебы есть нѣчто первоначальное, она существуетъ раньше, потомъ уже являются внѣшнія проявленія воли. Гдѣ есть сознаніе есть апперцепція, а гдѣ есть апперцепція, тамъ какъ ея результатъ на лицо и внѣшняя воля. Не внутреннюю волю надо выводить изъ внѣшней воли, а наоборотъ - внѣшнюю изъ внутренней.

Мы можемъ показать на самомъ простѣйшемъ примѣрѣ, что внѣшняя волевая дѣятельность является продуктомъ внутренней волевой дѣятельности.

Если мы хотимъ произвести внѣшнее движеніе, мы можемъ совершить его въ томъ случаѣ, если есть внутренній актъ, есть апперцепція, если мы это движеніе апперцепируемъ, направляемъ, на него свое вниманіе, если мы представляемъ это движеніе. Я не могу привести свою руку въ движеніе, если не представляю себѣ этого движенія. Это ясно вполнѣ. Я могу воспроизвести цвѣтовое, звуковое ощущеніе, я могу представить, воспроизвести движеніе: для этого я долженъ направить на него вниманіе, долженъ апперцепировать его. Если я его апперцепирую, я и произвожу его. Обращаю ваше вниманіе на это положеніе: я не могу произвести какое-нибудь движеніе безъ того, чтобы не апперцепировать его. Я долженъ представить движеніе, иначе я не въ состояніи произвести его. Наоборотъ: если я апперцепирую движеніе, я его непремѣнно произвожу. На этомъ основана наша жестикуляція: когда мы разсказываемъ о какомъ-нибудь дѣйствіи, мы тотчасъ его совершаемъ. Люди живого темперамента не могутъ употребить понятія ударъ ,не могутъ сказать"онъ

его ударилъ; они жестекулируютэто движеніе , производятъ его. Апперцепція тѣснѣйшимъ образомъ связана съ совершеніемъ движенія:

Вундту можно возразить на это: тѣсная связь апперцепціи и движенія не доказана,потому что, если бы это было вѣрно,то мы всегда,когда представляли бы какое-нибудь движеніе,его и совершали бы.Я могу разсказывать о цѣломъ рядѣ движеній,могу каждое движеніе апперцепировать и могу при желаніи ни одного не произвести. Какъ же послѣ этого утверждать, что апперцепція и движеніе тѣснѣйшимъ образомъ связаны? Вѣдь если это такъ, то я не могъ бы ихъ раздѣлить,а фактически это возможно. Фактически,можетъ быть, что я этого и не дѣлаю: разсказывая о движеніяхъ, я можетъ быть, и совершаю ихъ,но при желаніи я могу апперцепировать и не произвести движенія.Какъ это можетъ быть ?

На это Вундтъ отвѣчаетъ, какъ мнѣ кажется, совершенно правильно, такимъ соображеніемъ. Если при апперцепированіи какого-либо движенія апперцепировалъ только это движеніе, я не былъ бы въ состояніи удержаться чтобы не произвести движенія. Если я не произвожу его, то это только потому, что я въ то же время апперцепирую другія антогенистическія движенія.

Можно привести такой примѣръ. Ребенокъ въ классѣ жестикулируетъ, ему дѣлаютъ замѣчаніе, что онъ не долженъ этого дѣлать. Процессъ, вѣроятно будетъ такой: слѣдующимъ побужденіемъ будетъ сдѣлать попытку произвести движеніе; но, помня

сдѣланное замѣчаніе, онъ будетъ апперципировать другое движеніе. Вслѣдствіе этого одна апперцепція одерживаетъ перевѣсъ и онъ можетъ не произвести перваго движенія, т. ч. апперцепируетъ антогенистическія движенія. Если бы онъ не дѣлалъ этого, онъ долженъ былъ бы произвести движеніе.

Итакъ, по мнѣнію Вундта, мы не можемъ апперцепировать движенія, чтобы не произвести его. У насъ, людей взрослыхъ и развитыхъ, эти два акта - апперципированіе движенія и самое движеніе - могутъ быть раздѣлены, мы можемъ уничтожить связь, но это не говоритъ противъ того, что первоначально апперцепція движенія и самое движеніе тѣсно связаны.

Если поднимаютъ вопросъ о происхожденіи воли у существъ, одаренныхъ сознаніемъ, по мнѣнію Вундта, постановка такого вопроса совершенно неправильна, потому что, гдѣ есть сознаніе тамъ есть апперцепція (сознанія безъ апперцепціи нѣтъ), гдѣ есть внутренняя апперцепція, она связана съ внѣшнимъ волевымъ движеніемъ. Поэтому ставить вопросъ о происхожденіи воли неправильно. Постановка вопроса невѣрна, потому что актъ сознанія есть актъ волевой. Такимъ образомъ, по мнѣнію Вундта ставить вопросъ о производности волевого акта не имѣетъ смысла.

Но, можетъ быть, говоря о волѣ въ собственномъ смыслѣ, нужно имѣть въ виду не тѣ акты, о которыхъ говоритъ Вундтъ, и которые могутъ быть у инфузорій у низшихъ животныхъ вообще. Можетъ быть здѣсь надо главнымъ образомъ имѣть въ виду тѣ волевые акты, съ которыми имѣетъ дѣло юриспруденція.

этика и т.д. Вѣдь существенным признакомъ волевого акта является наличность выбора и такой сложный волевой актъ долженъ имѣть извѣстное происхожденіе.

Вундтъ полагаетъ, что дѣйствительно въ сложномъ волевомъ актѣ мы производимъ выборъ между двумя движеніями, но надо согласиться съ тѣмъ, что сложный волевой актъ не могъ бы быть осуществленъ, если бы не было простыхъ волевыхъ актовъ - влеченій, побужденій. Высшій волевой актъ есть усложненіе простого влеченія. И во взрослой жизни встрѣчаются движенія, имѣющія характеръ безспорно волевой, но не имѣющія элемента выбора. Если передо мной имѣется стаканъ воды и я хочу пить, то и протягиваю къ нему руку. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ безспорно волевой актъ. Это есть движеніе, которое опредѣляется односторонне, однимъ мотивомъ. Я не выбираю, я рѣшаю и привожу въ исполненіе. Рѣшеніе опредѣляется односторонне. У меня могло бы быть колебаніе, я произвелъ бы выборъ. Все это настоящіе волевые акты. Абсолютныхъ границъ между дѣйствіями, которыя опредѣляются односторонне и многосторонне, не существуютъ. Принципіальнаго различія между ними нѣтъ. Чтобы существовали дѣйствія опредѣляемыя многосторонне, надо, чтобы были дѣйствія, опредѣляемыя односторонне. Существеннымъ является не наличность выбора, потому что и одностороннее опредѣленіе даетъ актъ волевой. Въ такомъ случаѣ падаетъ и возраженіе, что волевымъ актомъ является лишь актъ, гдѣ имѣется на лицо выборъ, потому что для волевого дѣйствія является существеннымъ, то, что оно дѣлается мотивомъ, а однимъ или нѣсколькими

ми, это совершенно безразлично.

Такимъ образомъ непрерывность между высшими и низшими волевыми актами возстанавливается, либо движенія подъ вліяніемъ влеченій имѣютъ, по мнѣнію Вундта ,настоящій волевой характеръ.

Это утвержденіе является чрезвычайно важнымъ въ современной психологіи.Вундтъ не только не думаетъ, что воля можетъ быть выведена изъ рефлективныхъ актовъ, наоборотъ, наблюденія приводятъ его тому заключенію, что рефлективныя движенія не только не порождаютъ волевыхъ, но сами являются продуктами волевыхъ движеній. Сначала существуютъ волевыя движенія,изъ нихъ происходятъ рефлективныя, т.е. волевыя движенія, дѣлаясь механическими, пріобрѣтаютъ характеръ рефлективный.

Такимъ образомъ противоположность двухъ теорій ясна: одна говоритъ, что воля имѣетъ первоначальный характеръ,всѣ движенія имѣютъ волевой характеръ; другая :- что воля имѣетъ характеръ производный, возникаетъ изъ движеній автоматическихъ, путемъ осложненія. Спрашивается, которая теорія болѣе правильная. Чтобы о т в ѣ т и т ъ н а этотъ вопросъ, надо прежде выяснить, что надо понимать подъ волей. Все различіе въ томъ, что Вундтъ и Бэнъ различно понимаютъ волю . По мнѣнію Вундта, актъ простого влеченія есть волевой актъ. По Бэну же волевому акту должно быть присуще представленіе цѣли, средствъ. Такимъ образомъ они различно понимаютъ волю..Поэтому необходимо выяснить, какъ надо опредѣлить волю, надо разсмотрѣть, въ чемъ заключается

существенные признаки воли.

Наша ближайшая задача состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить, въ чемъ заключаются существенные признаки явленія, которое называется волей.

Мы видимъ, что вопросъ является чрезвычайно сложнымъ. Возможно рѣшить его въ томъ смыслѣ, что волевыхъ актовъ, какъ особеннаго класса психическихъ явленій не существуетъ, что волевые акты могутъ быть сведены къ двумъ другимъ классамъ - къ элементамъ познавательнымъ и элементамъ чувства. Тѣ, которые считаютъ волю производной, должны стать на эту точку зрѣнія, должны признать, что воля слагается изъ чего то, что не есть воля. Такой взглядъ постоянно высказывается.

Я долженъ обратить ваше вниманіе на слѣдующее. Ни въ одной части психологіи не является такой опасности смѣшенія высшихъ проявленій съ низшими, какъ въ волѣ, поэтому въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя трактуютъ ихъ вмѣстѣ, можетъ произойти цѣлый рядъ недоразумѣній.

Чтобы отыскать признаки воли, возьмемъ простѣйшій примѣръ. Беремъ такой случай: мы испытываемъ чувство удовольствія или страданія. Когда мы испытываемъ удовольствіе, то мы стремимся, мы имѣемъ влеченіе продолжать эти движенія, доставляющія удовольствіе. Въ томъ же случаѣ, когда мы испытываемъ страданіе, мы стремимся, имѣемъ влеченіе прекратить дѣйствіе чтобы удалить страданіе. Если я испытываю жажду и начинаю пить воду, утоляя жажду, я получаю удовольствіе, у меня является стремленіе продолжать это дѣйствіе. Если бы мнѣ по-

палось тамъ что-нибудь непріятное, я прервалъ бы дѣйствіе, я стремился бы прервать его.

Когда я описываю эти случаи, я говорю: у меня является стремленіе, влеченіе прервать дѣйствіе, продолжать его. Эти состоянія души, которыя обозначаются терминами- стремленіе, влеченіе, побужденіе, такого рода состоянія, какъ вы увидите, представляютъ огромную загадочность.

Возьмемъ болѣе сложный примѣръ: я испытываю жажду, передо мной стоитъ стаканъ воды; я предвижу, что если буду пить воду, я получу удовольствіе. у меня является стремленіе получить это удовольствіе. Представленіе удовольствія побуждаетъ къ дѣйствію, которое должно сдѣлать представляемое удовольствіе реальнымъ.

Это состояніе отличается отъ перваго: тамъ я испытываю удовольствіе и стремлюсь продолжать его, здѣсь же я не испытываю, а предвижу удовольствіе и стремлюсь реализовать его, у меня, слѣдовательно, есть влеченіе, есть тенденція к этому удовольствію. Такое состояніе, такой процессъ мы называемъ обыкновенно желаніемъ.

Замѣтьте, что и въ томъ случаѣ, который я описывалъ сначала, и въ томъ, который я только что описалъ, есть одна общая черта: слѣдовательно, и тамъ, и здѣсь было на лицо стремленіе, влеченіе, тенденція къ извѣстному дѣйствію.

Возьмемъ волевой актъ въ собственномъ смыслѣ слова, онъ сопровождается такимъ чувствомъ, которое въ элементарномъ курсѣ

мы описывали терминомъ "усиліе". Когда я рѣшаю и привожу рѣшеніе въ исполненіе, я испытываю чувство, называемое усиліемъ. Эти три элемента- чувство усилія, желаніе, стремленіе являются общими для всякаго волевого процесса.

Я начну разсмотрѣніе перваго элемента, называемаго стремленіемъ. Можетъ ли быть связано то психическое явленіе, которое мы называемъ стремленіемъ съ элементомъ познанія или чувства, или оно имѣетъ такіе специфическіе признаки, которыхъ нельзя свести ни къ чувству, ни къ познанію? Если его можно свести къ элементамъ познанія или чувства, то мы должны признать его производнымъ, если же не удастся сдѣлать, то его должны признать первоначальнымъ.

Рѣчь идетъ здѣсь о психологическомъ анализѣ понятія, называемаго стремленіями. При чемъ имѣется въ виду не высшія проявленія воли, а элементарныя.

Что называется стремленіемъ, влеченіемъ, есть такое состояніе, которое имѣетъ характеръ первоначальный, непроизводный, непосредственный, и его нельзя свести ни къ чувству, ни къ познавательнымъ элементамъ. Поэтому мы имѣемъ полное право дѣлить психическія явленія на три класса - чувства, познаніе и волю. Волевые элементы, характеризующіеся стремленіемъ, не могутъ быть сведены ни на чувство, ни на познаніе. Можно сказать, что то, что называется стремленіемъ, связано съ чувствомъ. Я испытываю неудовольствіе и стремлюсь избавиться отъ него. Слѣдовательно, чувство неудовольствія предполагаетъ стремленіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это чувство существуетъ само по себѣ, стрем-

леніе связано съ нимъ, оно вызывается неудовольствіемъ, но сказать, что это одно и то же совершенно неправильно. Это два совершенно различныя состоянія. И стремленіе не можетъ быть описано въ тѣхъ же терминахъ, какъ неудовольствіе. Что вообще стремленіе и чувство не одно и то же, можно пояснить такимъ разсужденіемъ. Мы можемъ представить, что чувство можетъ имѣть характеръ бездѣйственный, т.е. можетъ не обнаружиться никакой активностью, мы будемъ въ состояніи полной апатіи, и, несмотря на это, все же испытываемъ это чувство. Можно легко представить, что чувство не сопровождается активностью, дѣятельностью. а въ стремленіи мы всегда находимъ извѣстную активность, извѣстное дѣйствіе. Это показываетъ, что чувство и стремленіе не могутъ быть сближаемы, смѣшиваемы. Разница между чувствомъ и стремленіемъ въ томъ, что первое относится къ чему то такому, что имѣется на лицо, а стремленіе относится къ предмету, котораго нѣтъ въ наличности. Я испытываю пріятное чувство, вкушая вкусный плодъ. Это есть чувство, оно относится къ настоящему представленію, имѣющемуся на лицо въ сознаніи. Стремленіе же относится къ будущему и къ чему то такому, чего еще нѣтъ. Поэтому считать, что стремленіе и чувство одно и то же, нельзя. То, что называется чувствомъ, не имѣетъ дѣйственнаго характера, а то, что называется влеченіемъ, стремленіемъ, не есть состояніе бездѣятельности, это есть обнаруженіе извѣстной силы, тенденціи къ извѣстному дѣйствію. Это трудно описать, потому что это состояніе вслѣдствіе своей элементарности не можетъ быть разло-

жено на составныя части. Въ стремленіи мы испытываемъ какого-то рода безпокойство, это есть движеніе, тенденція къ движенію, а чувство можно представить совсѣмъ пассивнымъ состояніемъ. Поэтому понятно, если бы кто нибудь сказалъ, что стремленіе можетъ быть разложено на то, что называется чувствомъ, это было бы ошибкой, потому что это два разнородныхъ состоянія.

Другой отвѣтъ - стремленіе можно свести къ элементамъ познанія, къ извѣстнымъ ощущеніямъ. Эта попытка является наиболѣе частой.

Испытывая стремленіе, тенденцію совершить дѣйствіе, мы въ то же время испытываемъ состояніе напряженія; это состояніе усилія есть не что иное, какъ ощущеніе тѣхъ мускульныхъ движеній, которыя мы совершаемъ въ это время. Эта формула, являющаяся наиболѣе распространенной, чревата важными послѣдствіями. Стремленіе, своеобразное душевное состояніе можно свести на мускульное ощущеніе: когда я собираюсь совершить какое-нибудь дѣйствіе, рядъ мышцъ приходитъ въ напряженное состояніе и даетъ извѣстное ощущеніе. Это и есть то, что называется стремленіемъ, влеченіемъ. Это наиболѣе распространенная теорія.

Если разсмотрѣть обиѣе, можно сдѣлать выводъ, что стремленіе и знаніе вовсе не одно и то же. Я знаю, что долженъ совершить извѣстное движеніе. Это есть знаніе, но это знаніе то же самое, что стремленіе или нѣтъ? Я знаю, что долженъ получить извѣстное удовольствіе и совершаю извѣстное движеніе. Если у меня есть какое нибудь представленіе движенія, то это

представленіе то же самое, что переживаніе, которое называется стремленіемъ? Знаніе не есть дѣятельность, а въ томъ переживаніи, которое называется стремленіемъ, имѣется на лицо дѣятельность или активность.

Дѣлаютъ попытку показать, что въ сознаніи субъектъ переходитъ отъ одного представленія къ другому: я могу перейти отъ одного представленія къ другому, быть можетъ, отъ одного чувства къ другому - отъ страданія къ удовольствію. У меня можетъ произойти извѣстнаго рода внутреннее движеніе, движеніе отъ одного представленія къ другому. Говорятъ, это и есть стремленіе. Но этого нельзя сказать, потому что движеніе можетъ еще и не наступить, а стремленіе имѣется на лицо. Такое различіе между реальнымъ движеніемъ и стремленіемъ совершенно отчетливо показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ двумя различными явленіями.

Что мускульное ощущеніе не играетъ существенной роли, можно пояснить съ помощью примѣра: мы стремимся не только къ тому, что достижимо, но и къ тому, что не достижимо, т.е. мы не производимъ никакого движенія, но испытываемъ стремленіе, напримѣръ, когда имѣемъ дѣло съ фантазіей: никакого реальнаго движенія не совершается, а стремленіе имѣется вполнѣ ясно на лицо. Мускульное ощущеніе отсутствуетъ, а стремленіе имѣется на лицо.

Мы можемъ взять такой случай: я стремлюсь произвести реальное движеніе и я знаю, что должно наступить движеніе, я представляю его. Между представленіемъ и стремленіемъ

громадная разница: это два разнородныхъ событія. Если бы мы дальше стали разсматривать возможныя оправданія въ пользу того, что стремленія сводятся къ ощущеніямъ, мы натолкнулись бы на то же самое : свести стремленіе къ ощущенію невозможно. Ощущеніе это одно, а стремленіе - совсѣмъ своеобразное состояніе и потому его можно назвать специфическимъ признакомъ волевого дѣйствія.

Всякое волевое дѣйствіе имѣетъ то своеобразное состояніе, которое называется стремленіемъ. Состояніе активности, гдѣ дѣйствіе еще нѣтъ, гдѣ могутъ быть извѣстныя представленія, чувства, гдѣ стремленіе дѣйствовать проявляется, мы назовемъ специфическимъ признакомъ волевого дѣйствія, не выводимымъ ни изъ чего. Всѣ попытки свести его на чувство, ощущеніе окончились неудачей , какъ кончилась неудачей попытка психологовъ свести волю на мускульное ощущеніе.

Наша формула можетъ быть выражена такъ: основной признакъ всякаго волевого дѣйствія, на какой бы ступени мы не имѣли дѣло съ волевымъ процессомъ, есть влеченіе, стремленіе, которое составляетъ нѣчто первоначальное, непроизводное, ни на что не сводимое.

То же самое я сказалъ бы и о высшихъ проявленіяхъ воли: эти акты то же ни на что не могутъ быть сведены.

Интеллектуалистическая теорія, которую я вамъ изложилъ, теорія воли идетъ издавна: еще Спиноза, затѣмъ англійская психологія высказывала эту точку зрѣнія, въ послѣднее время она связана съ именами Мюнстерберга и Н.Н. Ланге. Они сдѣлали

снова попытку свести волю на ощущеніе. Это по моему очень характерная попытка для всѣхъ интеллектуалистическихъ теорій.

По ихъ мнѣнію, въ нашей душевной жизни нѣтъ мѣста другимъ элементамъ, кромѣ чувствъ и ощущеній, т.е. элементовъ познавательныхъ. Что касается элементовъ, называемыхъ волевыми, то хотя фактъ существованія отрицать нельзя, но волю все же можно свести на ощущеніе. Какимъ образомъ это возможно? Очень просто: когда мы совершаемъ волевое дѣйствіе, мы испытываемъ чувство усилія, это есть не что иное, какъ мускульное ощущеніе. Я хочу совершить дѣйствіе, я испытываю чувство усилія. Откуда оно является ? Это мускульное чувство, мускульное ощущеніе происходитъ вслѣдствіе сокращенія мышцъ тѣла, головы, руки и т.д. Мускульное ощущеніе возникаетъ вслѣдствіе того, что мы воспроизводимъ движеніе, которое хотимъ совершить. Совершая движеніе, я воспринимаю мускульное ощущеніе. Это мускульное ощущеніе есть не что иное, какъ чувство усилія, являющееся характернымъ для воли.

На вопросъ, что такое воля, дается отвѣтъ: воля есть совокупность ощущеній. Если такъ, то возникаетъ вопросъ, существуетъ ли воля, какъ таковая, или нѣтъ? Конечно, нѣтъ, потому что все сводится на ощущеніе.

Это мнѣніе было высказано Мюнстербергомъ в 90 гг. Спустя немного времени оно было защищаемо Н.Н. Ланге Воля, какъ основной элементъ душевной жизни, не признается, так какъ цѣликомъ разлагается на ощущенія.

Въ 90-хъ гг. Вундтъ указалъ, что эти попытки

свести сознаніе активности на мускульныя ощущенія ошибочны.

Чувство активности настолько своеобразно, что свести его къ ощущеніямъ нельзя, и та теорія, которая предполагаетъ, что душевная жизнь складывается изъ представленій, ощущеній, не выдерживаетъ критики, потому что это можно было бы допустить, если бы ощущенія представляли нѣчто самостоятельное, а такъ какъ они не имѣются на лицо въ душевной жизни въ качествѣ чего - то самостоятельнаго, то и попытка сводить и чувство активности на ощущеніе представляется неправильной надо признать, что чувство активности представляетъ нѣчто своеобразное, неразложимое. Вундтъ высказываетъ мысль, что когда волевой актъ характеризуется наличностью сознанія, то "я" есть причина того или другого дѣйствія. Сознаніе причинности нашего "я" является характернымъ для воли въ высшемъ смыслѣ слова.

Резюмируя вопросъ о характерныхъ признакахъ воли, я бы сказалъ: душевное состояніе, обозначаемое терминами стремленіе, влеченіе, активность и т.п., является характернымъ для воли на всѣхъ ступеняхъ и не выводится ни изъ чего.

Такое пониманіе воли - въ широкомъ смыслѣ слова не сходится съ тѣмъ пониманіемъ, какъ оно употребляется обычно въ юриспруденціи, этикѣ. Въ послѣднемъ случаѣ на лицо то, чѣмъ высшее проявленіе воли отличается отъ низшаго, на что я уже имѣлъ случаѣ указывать. Для воли въ широкомъ смыслѣ характернымъ признакомъ являются стремленія, активность; на выс-

шихъ стадіяхъ присутствуетъ нѣчто другое. Говоря о высшихъ проявленіяхъ, мы обычно выражаемся такъ: я хочу сдѣлать, здѣсь признакъ хотѣніе. Мы говоримъ: мы хотимъ сдѣлать, мы имѣемъ стремленіе. Хотя мы сказали, что высшій волевой актъ складывается изъ низшихъ волевыхъ актовъ - влеченія, желанія, но здѣсь присоединяется еще одинъ элементъ: высшій волевой актъ сопровождается выборомъ. Что такое выборъ?

Выборъ есть такое состояніе, когда "я" опредѣляетъ свое отношеніе, становится на сторону того или другого желанія. Это весьма существенный признакъ. Я бы сказалъ, что характеризуется такъ, что мы приходимъ къ извѣстному рѣшенію. Это такое состояніе, когда наше "я" становится на сторону того или другого желанія, наше "я" выбираетъ. При опредѣленіи высшихъ проявленій воли я отчетливо выдвигаю понятіе нашего "я".

Если я говорю, что во мнѣ совершается тотъ или другой процессъ, то это еще не будетъ волевой актъ, потому что волевой актъ характеризуется тѣмъ, что въ немъ имѣетъ мѣсто не простая смѣна событій, которая совершается во мнѣ, а процессъ, который совершается мной, я его совершаю. Простая смѣна представленій, желаній волевого акта не даетъ. Волевой актъ имѣется тогда, если я могу сказать: я совершаю извѣстное дѣйствіе.

Если сказать: "я" совершаетъ извѣстное дѣйствіе", то естественно я долженъ поставить вопросъ, что же такое это "я".

Если эту формулу - "я" совершаетъ извѣстное дѣйствіе" - перевести на теорію, которую я разсматривалъ, окажется, что "я"

имѣетъ причинный характеръ. Чтобы дѣйствовать, я долженъ употребить извѣстное количество энергіи, долженъ перераспредѣлить энергію, долженъ распорядиться физической или психической энергіей, находящейся въ томъ существѣ, иначе дѣйствія быть не можетъ. "Я" совершаетъ извѣстное дѣйствіе. Раскрывая это выраженіе, я долженъ сказать : это есть основной принципъ, имѣющій причинный характеръ, который обнаруживается въ томъ, что перераспредѣляетъ психофизическую энергію.

Если такъ скажу, то отвѣтъ, который я могу дать на вопросъ, что такое этотъ принципъ, будетъ тотъ, что наше "я", наша духовная субстанція, наша душа.

Я хотѣлъ обратить ваше вниманіе на слѣдующее: если говорятъ - волевое дѣйствіе имѣетъ характеръ причинный, то не слѣдуетъ забывать, что эта причинность отличается отъ обыкновенной физической или механической причинности. Хотя я остаюсь на почвѣ эмпирической психологіи, но все же я долженъ указать, что это понятіе имѣетъ важное значеніе для рѣшенія проблемы о свободѣ воли.

Здѣсь причинность имѣетъ характеръ отличный отъ механической причинности. Въ механической причинности одно дѣйствіе порождаетъ другое дѣйствіе. Одно движущееся тѣло приводитъ въ движеніе другое съ необходимостью. Такого рода дѣйствія и въ нашей душевной жизни имѣютъ мѣсто: когда мы дѣйствуемъ подъ вліяніемъ побужденій, наши дѣйствія имѣютъ характеръ механическій: одно дѣйствіе необходимо вызываетъ другое.

Когда мы говоримъ о волѣ въ собственномъ смыслѣ слова „я", какъ дѣйствующемъ принципѣ, то причинность перестаетъ быть механической, становится свободной. Въ актѣ влеченія одно состояніе необходимо влечетъ за собой другое состояніе. Шаръ приводимый въ движеніе другимъ шаромъ, не можетъ совершить другого движенія, не можетъ опредѣлиться къ нему самопроизвольно. Что касается „я", оно, не подчиняясь чувственнымъ побужденіямъ, будучи независимо отъ нихъ, можетъ само себя опредѣлять, т.е. дѣйствуетъ такъ, какъ ни одно физическое дѣйствіе не совершается. Эта способность „я" указываетъ на его безспорно субстанціональный характеръ. Наше „я" обладаетъ извѣстной силой, способностью, можетъ дѣйствовать, распоряжаясь психофизической энергіей, его дѣйствія имѣютъ свободный характеръ.

Я началъ свой курсъ замѣчаніемъ, что психологія безъ субстанціи души, построена быть не можетъ, и я думаю, что теорія воли безъ этого понятія точно такъ же построена быть не можетъ.

---- oooOOOooo ----

Въ дополненіе къ изложенному здѣсь курсу студентами, сдающими коллоквіумъ по психологіи, должны быть изучены отрывки изъ слѣд. авторовъ :

1). Б у н д т ъ . Очеркъ Психологіи параг.7, 10(1, 2, 3), 14, 15, 16, 17(1-3).

2) Д ж э м с ъ . Психологія . Глава 21(Воспріятіе пространства).

3) Б э н ъ . Психологія. 1902. т. I. Книга I Гл. 1. кромѣ того стр. 224-235.(Инстинктивные зачатки воли).

4). Г е ф д и н г ъ. Очерки Психологіи У. Б. 8.

5).С п е н с е р ъ. Основанія Психологіи параг.96-116.

Въ случаѣ непонятности чело либо по вопросу о воспріятіи пространства рекомендуется болѣе подробное изложеніе въ книгѣ :

6).Ч е л п а н о в ъ . Проблема воспріятія пространства ч. 1-ая. 1896 г.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

		Стр.
1)	Воспріятіе пространства. Постановка проблемы. Ученіе англійской психологіи.	3.
2)	Теорія локальныхъ знаковъ. Теорія психическаго синтеза	26.
3).	— " — — " — — " —	50.
4).	Глазомѣръ и иллюзіи зрѣнія	75.
5).	— " — — " — — " —	91.
6).	Воспріятіе времени	115.
7).	Ассоціаціи	135.
8).	Апперцепція	158.
9).	Чувства	183.
10).	Воля	205.

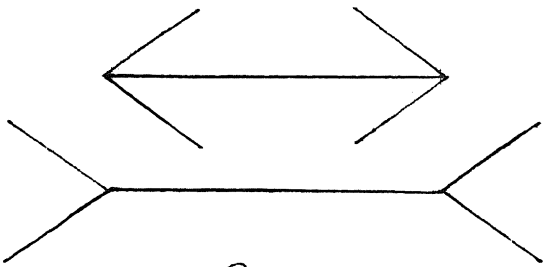


Рис. 1.

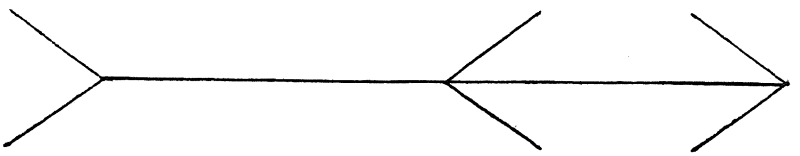


Рис. 2

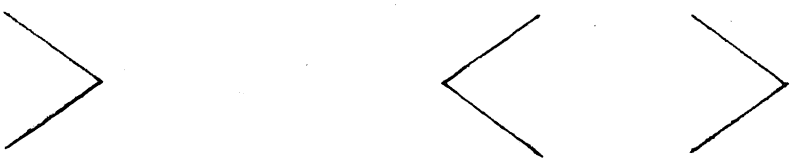


Рис. 3.

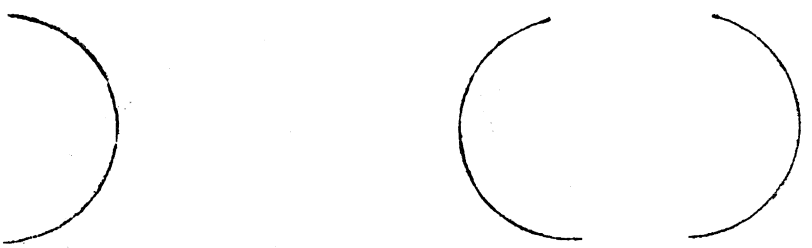


Рис. 4

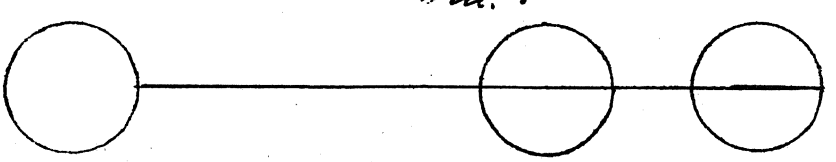


Рис. 5

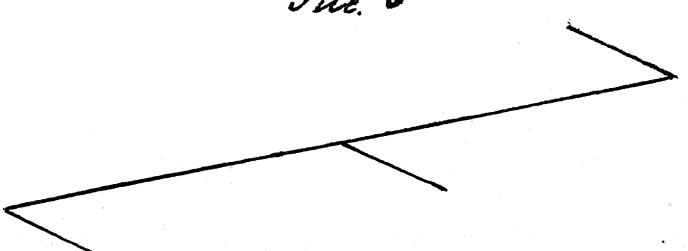


Рис. 6.

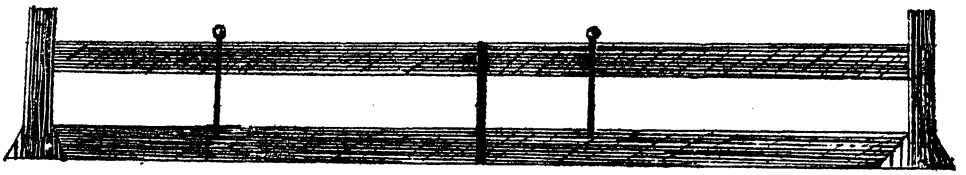


Fig 7.

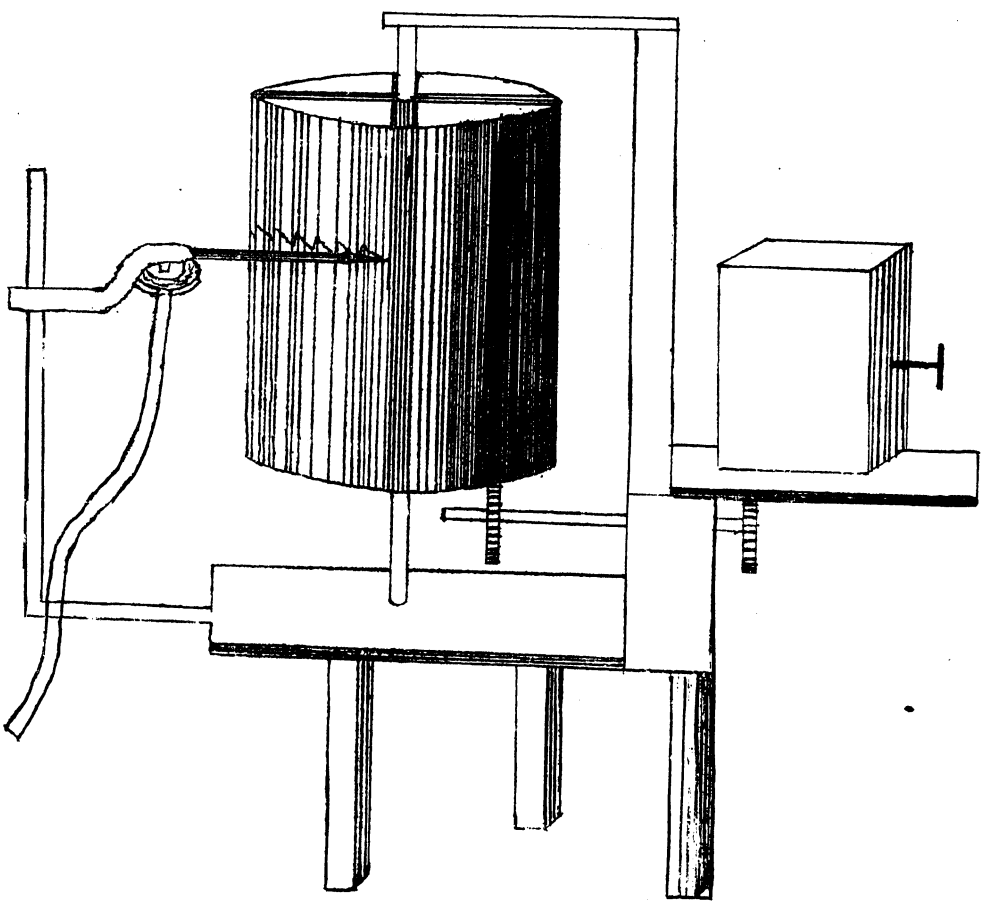
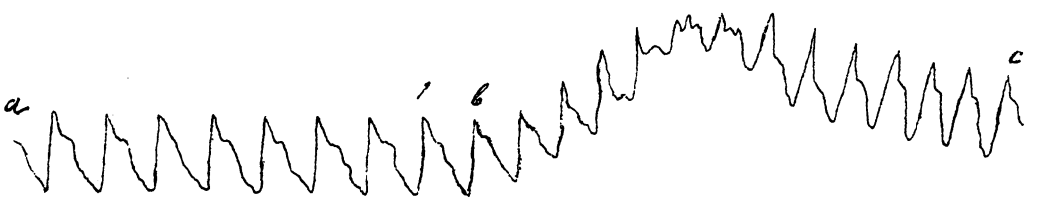


Fig. 8

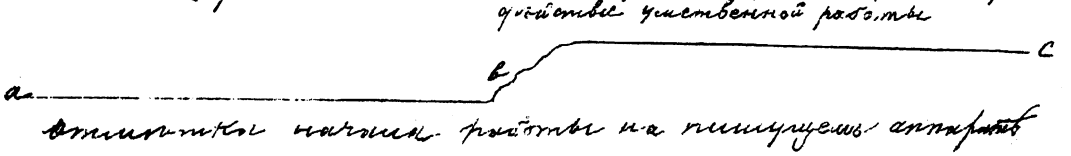
Кардиограмма. Отр а до в нормальная. Отр в до с ускорение сердцебиения отр действия стрыха.



Сфигмограмма. Отр а до в нормальная пульсовая кривая. Отр в до с изменение кривой вследствие действия прилагаемого

Пневмограмма. Отр а до в нормальный дыхательная кривая. Отр в до с изменение кривой изменение кривой вследствие действия прилагаемого

Плетизмограмма. Отр а до в нормальный. Отр в до действие умственной работы



Отметка начала работы на пишущем аппарате

Рис 9.

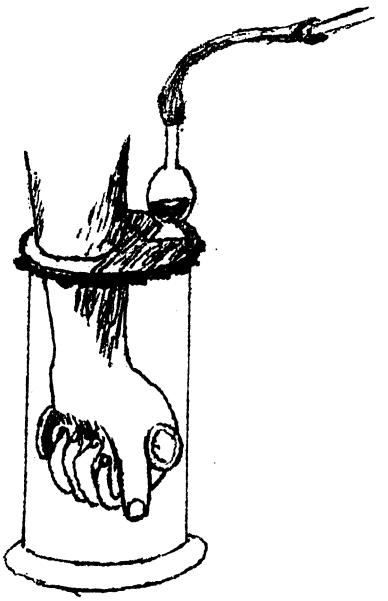


Fig 10

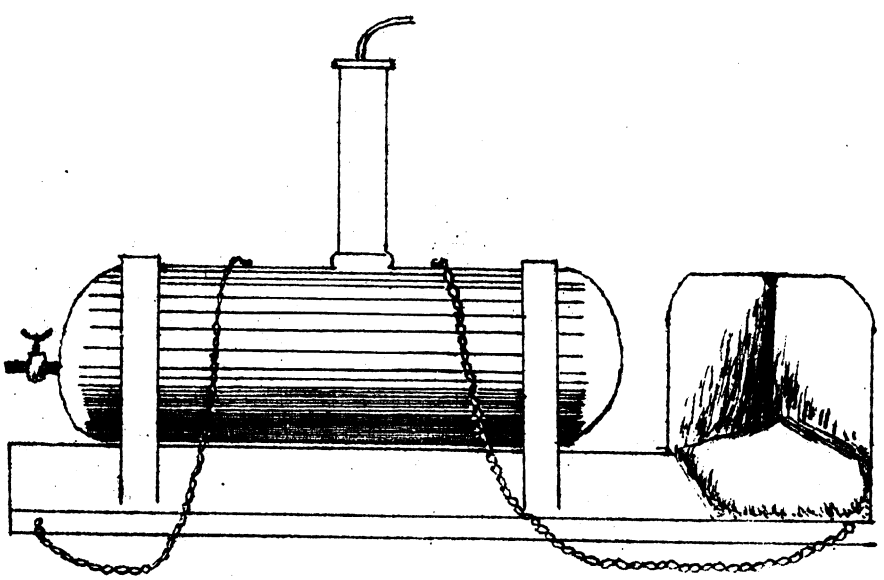


Fig. 11.

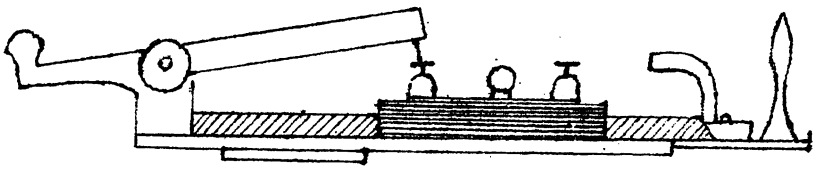


Рис. 12.

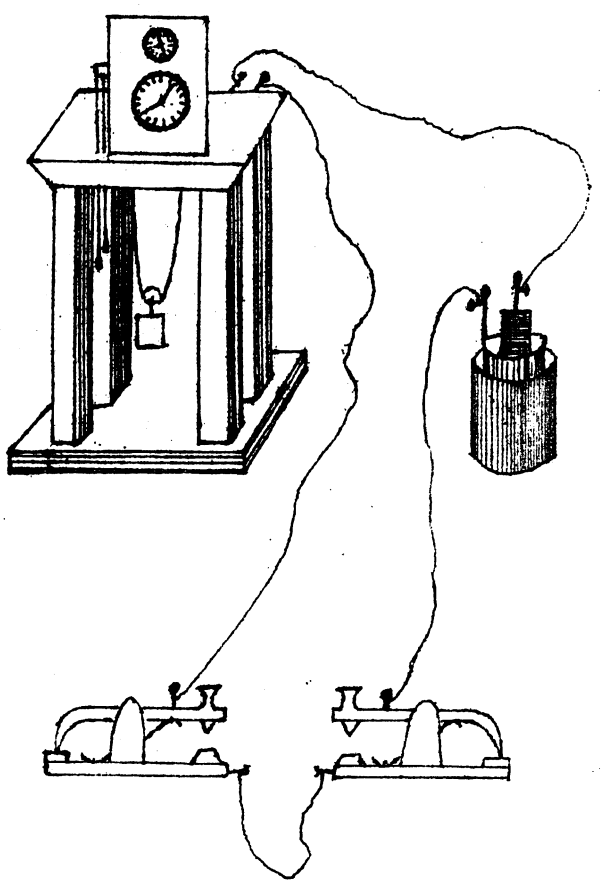


Рис. 13.

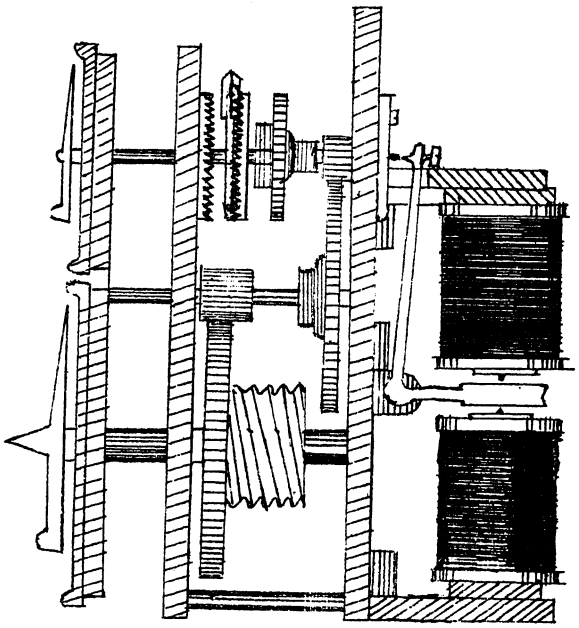


Рис. 14.

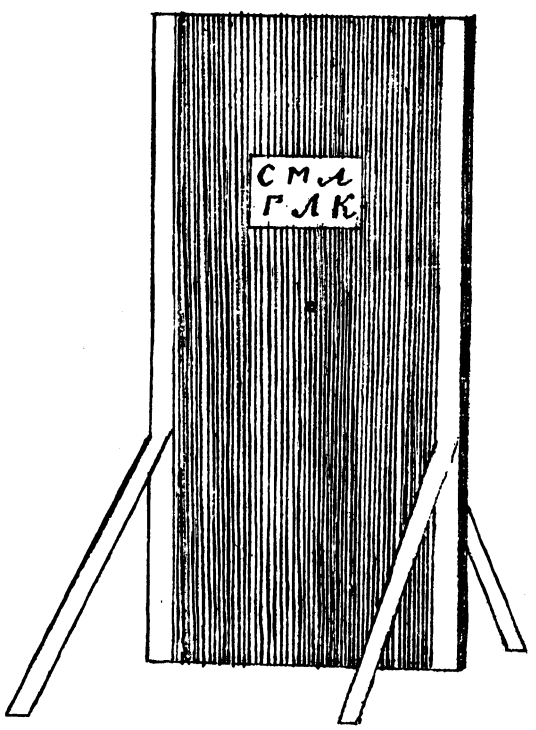


Рис. 15.

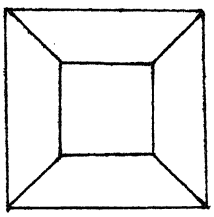


Рис. 16.

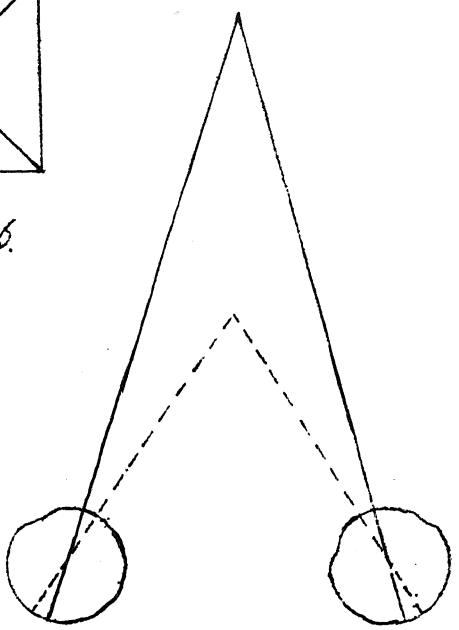


Рис. 17.

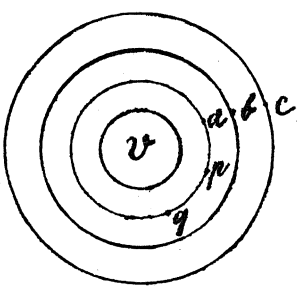


Рис. 18.

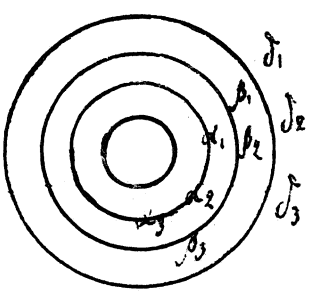


Рис. 19.

Рис. 20

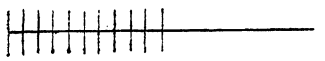


Рис. 21

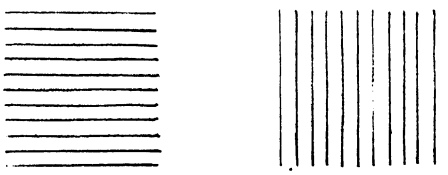


Рис. 22.

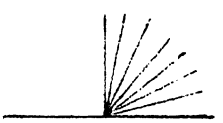


Рис. 23.

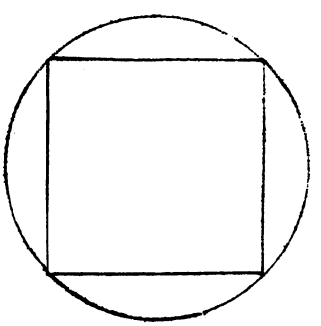


Рис. 24.

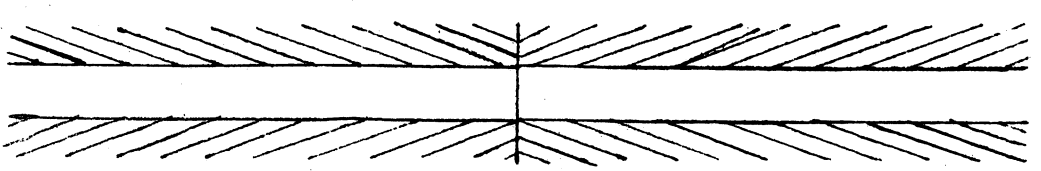


Рис. 25

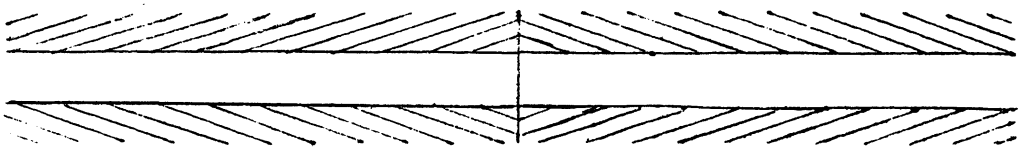


Рис. 26.

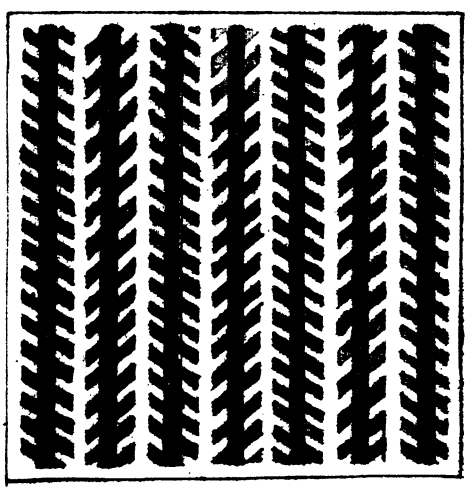


Рис. 27.

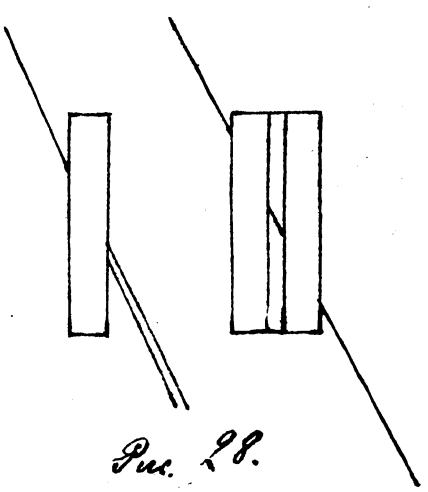


Рис. 28.

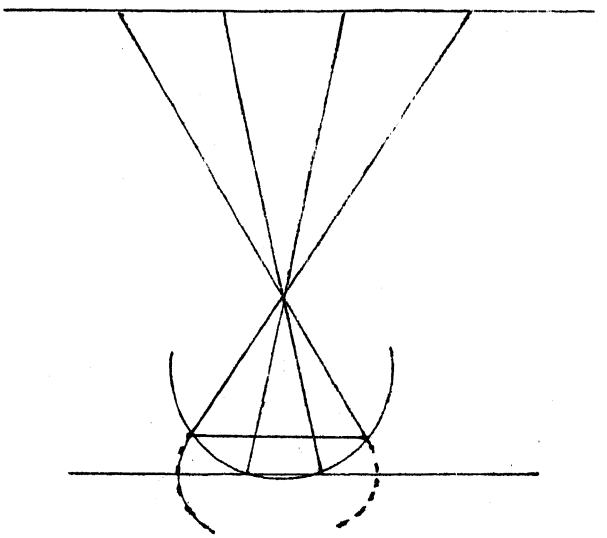


Рис. 29.

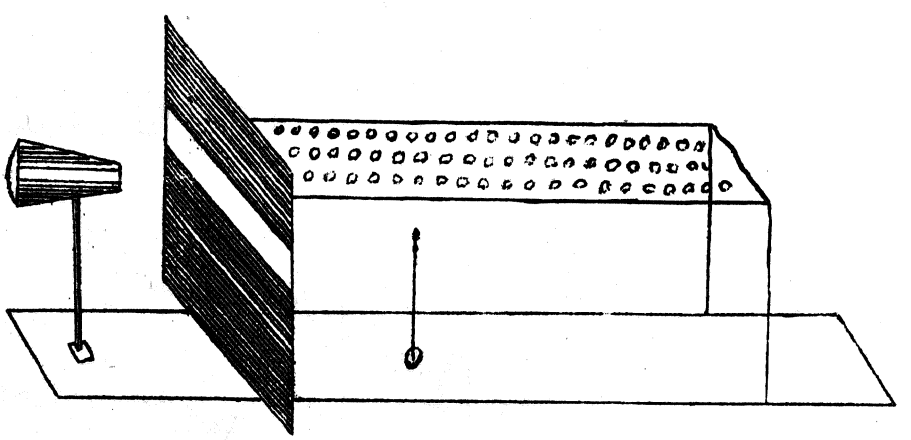
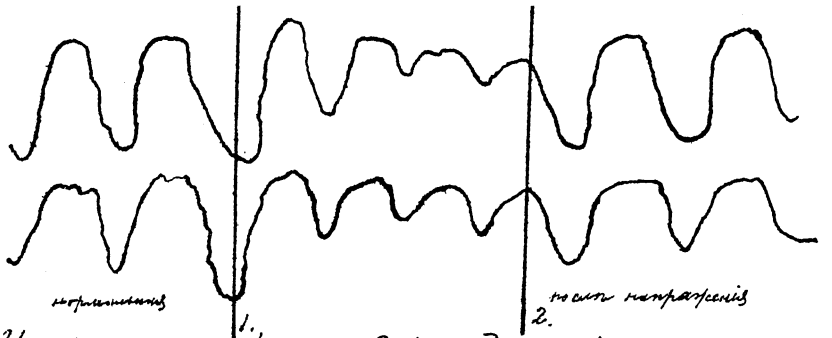


Рис. 30.



Черт. 31. Изменение дыхательной кривой под влиянием напряжения внимания. (От 1-2).

Рис. 32.
Изменение плетизмографической кривой при возбуждении внимания путем легкого прикосновения. Момент прикосновения отмечен пряжей.

Рис 33.
Изменение дыхательной и плетизмографической кривой под влиянием умственного труда при в задачи (93×78) примера.

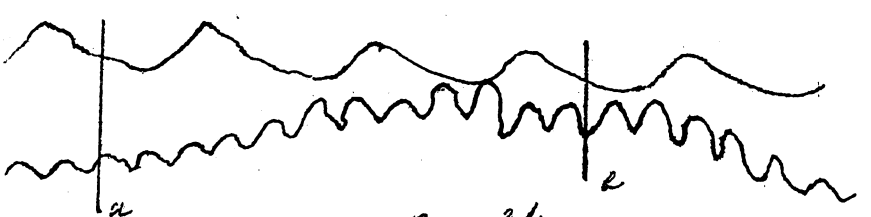


Рис 34.
Изменение дыхательной и плетизмографической кривой под влиянием возбуждения путем внушения. Начало в а, в в конце возбуждения.

Рис 35

Изменение дыхательной и плетизмографической кривой под влиянием побаливания, вызванной пунктом вкрепления. В в начало.

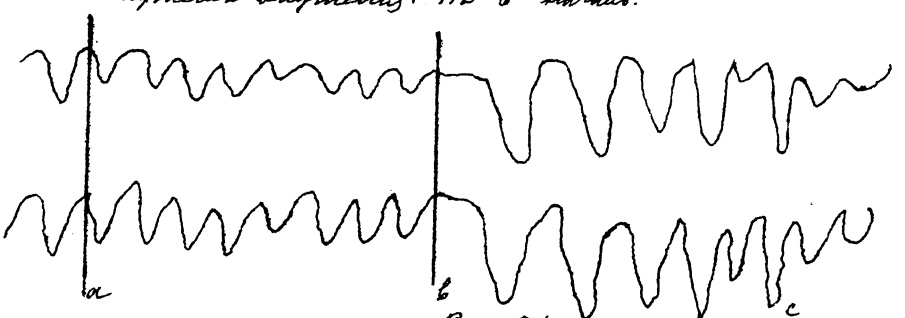


Рис 36

Изменение дыхательной кривой под влиянием удовольствия (от а до в) и неудовольствия (от в до с).

Рис 37.

Изменение дыхательной и плетизмографической кривой под влиянием удовольствия при а начало. ощущения приятного запаха.

Рис 38

Изменение дыхательной и плетизмографической кривой под влиянием неудовольствия при в раздражение начало действовать (прием хины)

Библиотека ООН
Академии Наук СССР